

Лера Колосок

На взлете

18+

Лера Владимировна Колосок

На взлете

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50195892

SelfPub; 2020

Аннотация

Книга повествует о судьбах двух ранее незнакомых людей. Избалованная девушка со своим парнем и нагребленным состоянием скрывается в далеком заброшенном поселке. Впоследствии становится знахаркой. Молодой талантливый ученый в результате несчастного случая получает травму головы, несовместимую с жизнью. Но по счастливой случайности попадает в дом к знахарке.

Содержание

Часть первая	9
Белла	16
Вероника	22
Расплата	27
Взрослая жизнь	37
Лесная жизнь	40
Жизнь в поселке	48
Ресторан	54
Лена	59
Выкидыш	65
Стефания	71
Незванные гости	74
Часть вторая	80
Испытание первое	83
Крещение	90
Посвящение	92
Первый пациент	103
Борис	108
Поход за грибами	115
Поход к волкам	117
Поход к змеям	120
Ядовитая настойка	124
Часть третья	130

Сон длиною в жизнь	134
Работа	142
Маргарита	147
Несчастный случай	171
Глюки	184
Правильное решение	197
Элона	202
Друзья	207
Глава четвертая	216
Николай	222
Солнце мое	233
Вернись	236
Вспомни меня	239
Как ты	241
Не забудь	243
Любовь, это сила	245
Еще не время	248
Вспомни свою жизнь	251
Потом ничего не исправить	254
Возвращайся	257
.	259
.	260
Ты придешь	261
.	262
.	263
.	264

.	265
Тебя нет	266
.	267
.	268
.	269
Вспомнить или забыть	270
.	271
.	272
.	273
.	274
Верю не верю	275
.	276
.	277
.	278
.	279
.	280
Почему?	281
.	282
.	283
.	284
Не спится	285
.	286
.	287
.	288
.	289
.	290

.	291
.	292
Буду счастлива	293
.	294
.	295
.	296
.	297
Устала	298
.	299
.	300
.	301
Неудача	302
.	303
.	304
.	305
.	306
.	307
Не кричи	308
.	309
.	310
.	311
.	312
Так бывает	313
.	314
.	315
.	316

.	317
.	318
Одиночество	319
.	320
.	321
.	322
.	323
.	324
.	325
Всегда	326
.	327
.	328
.	329
Загадка	330
.	331
.	332
.	333
.	334
.	335
Каждому свой срок	336
.	337
.	338
.	339
.	340
.	341
.	342

Ты любишь

343

.

344

.

345

.

346

.

347

Часть первая

Вышибалы

Сентябрь. Прекрасная, теплая погода. Благодатная пора. Когда уже закончилась летняя жара, но еще не наступила слякотная, дождливая, нудная, грустная погода. Которая приносит депрессию, скуку и нежелание не то, чтобы что-то делать, но иногда даже просто жить.

На скамейке в скверике сидели двое молодых, грустных мужчин лет 25. Вечерело. Один из них поднял упавший кленовый лист с асфальта, крутил его в руках между пальцев, разглядывая и вздыхая.

– Осенняя пора очей очарованье.

– Да уж. Очарованье. Тебя, что на поэзию потянуло?

– Слушай. Жрать хочется. Просто жуть.

– Да. Я бы сейчас тоже, что-нибудь перекусил.

– А я бы сейчас не перекусил, я бы сейчас целого быка жареного съел.

– Какай ты кровожадный, однако. А почему жареного то?

– А потому, что я люблю все жареное. Мясо жареное, картошку жареную, курочку жареную, рыбку, колбаску жареную на сковороде или сало жареное с яйцами.

– Скажи еще с холодным, пенным пивом.

– О! Это просто верх моих желаний.

– Слушай перестань. Я сейчас слюной захлебнусь.

– А я уже захлебнулся. Мужчина закашлял.

– Отъела жучка мучку, барин мельницу продал. Ты лучше скажи, у тебя деньги есть? Мужчина засунул руки в карманы костюма.

– Если бы это можно было назвать деньгами. Так, какая-то мелочь. Мужчина достал с кармана деньги и вздохнул, глядя на собеседника.

– Давай наведем ревизию в твоих карманах. Может быть ты чем-то порадуешь?

– У меня тоже немного мелочи есть, так, только на дорогу.

– Что даже на пиво не хватит? Как жаль.

– Ха-ха. Очень смешно. Издеваешься? Пиво.

– На батон то хватит? Может скинемся?

– А на дорогу? Пешком пойдем?

– А какая теперь уже тебе дорога? Куда тебе ехать?

– Нам теперь уже одна дорога, в мусорном баке подъедаться.

– Нет почему? Можно в переходе милостыню просить.

– Да кто тебе подаст? Молодому, красивому мужчине.

– Можно прикинутся инвалидом, например.

– А ты умеешь? Не надо было уходить с работы. Хоть бы ты работал. Меня бы подкармливал.

– Да? Чем? Титькой? Зарплату уже три месяца не платят.

– Слушай! Да нам не только на батон, нам еще и на кефир хватит. Вот тут за подкладку немного закатилось.

– Ура! Мы сегодня сказочно богатые. Пошли скорей в магазин. Сегодня поедим, а завтра, как Бог даст.

– Подаст. Пошли.

Мужчины зашли в ближайший магазин. Взяли бутылку кефира и батон. Пошли в кассу расплачиваться. В очереди, впереди них, стоял среднего роста мужчина в дорогом костюме. В тележке у него лежал сыр, колбаса, кусок копченой грудинки, конфеты, торт, шампанское, хлеб.

– Шоп я так жил. Мужчина толкнул своего приятеля локотком и кивнул головой в сторону тележки.

– И я. Покачал головой в ответ его приятель.

– Мужчина с тележкой повернул голову на стоящих сзади приятелей, осмотрел их с ног до головы и ухмыльнулся. Оплатив деньги в кассу и не поворачивая головы сказал:

– Хотите так же жить? Пойдемте со мной. Приятели переглянулись, сделали удивленные лица, пожали плечами.

– Берите тележку и следуйте за мной. Мужчины снова переглянулись и молча пошли за улыбчивым мужчиной. Они сели в стоящую рядом машину.

Через несколько минут, приятели уже сидели за накрытым столом, глотая слюну пересохшим ртом.

– Давайте быстренько перекусывайте и рассказывайте кратко и четко, как вы докатились до такой кефирной жизни? Мужчина начал громко хохотать.

За столом уже сидел, развалившись в кресле, похожий лицом на их нового приятеля мужчина, но немного моложе.

На его левой руке отсутствовали фаланги трех пальцев. Его лицо было покрыто мелкими ямочками, как после оспы. Он хитро и злобно смотрел на приятелей, прищутив один глаз.

– Ну, мы работали в школе. Я физрук. А это мой друг химик. На уроке я помогал восьмикласснице выполнять упражнение на брусьях. Девочка была очень тяжелая. Я взял ее за талию. Рука соскользнула. Получилась на груди. Она пожаловалась матери. Мать прибежала в школу. Устроила скандал. Меня уволили. Чтоб замять дело. А друг мой, из солидарности, тоже уволился. Мужчина, который привез парней, начал громко хохотать. Тот, что сидел в кресле оживился, достал пистолет и начал целиться в парней по очереди.

– Борзый, дай я их лучше пристрелю. Пух. Пух. Мужчина продолжал громко хохотать, потом вытирая с глаз слезы рукой, другой рукой отвел от парней пистолет в сторону.

– Не обращайтесь на него внимания. Это мой младший брат, он контуженый, он мухи не обидит.

– Ивашка. Спрячь пистолет. Так значит вы такие верные друзья? Не разлей вода. Да? Это хорошо. Будете у меня работать. Парни переглянулись.

– Вышибалами. Тебя будут звать Клим, а тебя Макар. Парни снова переглянулись.

– Ивашка. Поедешь завтра с парнями по магазинам, приоденешь их соответствующим образом. Не в таком же виде им появляться на публике. Дай им оружие. На первое время пустышки сойдут. Покажешь им объем работы. Проедитесь

по адресам, представишь их. Машину кто умеет водить? Ты химик?

– Борзый! Дай я их лучше пристрелю. Мужчина снова достал пистолет и по очереди начал целиться в перепуганных парней.

– Пух. Пух.

– Химик? А ты самогон можешь сделать? Мужчина снова начал громко и долго смеяться до слез.

– Спать будете на первом этаже. Там служебные комнаты. Там же туалет и душ. Меня звать Борис Леонидович. Все. Вперед. До утра.

Клим и Макар, приняв душ, лежали в чистом белье, на новых простынях. Кровати стояли по краям небольшой комнаты.

– Во влипли. Мама дорогая.

– Да. После твоих слов наша жизнь резко изменилась на 180 градусов. Как будто кто-то у нас под носом взмахнул волшебной палочкой. И что теперь с нами дальше будет?

– Да уж лучше, чем было. Так хотя бы полгода пожить, а потом можно и сдохнуть. Чем на мусоросбросе через 3 дня с голоду загнуться.

– Ты рассчитываешь на полгода? Да нас же сегодня уже два раза чуть не пристрелили.

– Ну не пристрелили же.

– Да я же чуть не обмочился пока он пух, пух. Своей пуховкой играл. У меня волосы на голове шевелились.

– А может он у него не настоящий. Может он у него пука, как нам завтра обещали дать.

– Может и пука. Во всяком случае, будем надеяться на хорошее. Так легче жить, думая о хорошем.

Прошло несколько месяцев. Борис Леонидович обучал учителей приемам рукопашного боя, стрельбе из пистолетов. Из интеллигентных нищей они быстро превратились в крутых, уверенных в себя парней. Борис давал им небольшие поручения по отъему денег. Кого-то припугнуть, кого-то обломать.

Вскоре парни узнали от прислуги, как Иван, будучи еще мальчишкой, где-то достал пулю. Пошел на речку положил ее на камень, держал ее левой рукой, бил по ней другим камнем. Пуля взорвалась и оторвала ему фаланги пальцев, порох попал в лицо, тогда его контузило.

А когда Иван узнал, будучи уже подростком, что его мать изнасиловали и убили два подонка, он сделал самодельный пистолет. Отыскал их и перестрелял всех по очереди. После такой новости друзья не на шутку стали побаиваться Ивана.

А когда парни узнали, что предыдущих вышибал Иван просто пристрелил за то, что они присвоили, просто утаили от брата немного денег. Они так испугались, что стали четко и честно исполнять все его поручения. Они стали верными псами боса.

Как-то вечером сидели в ресторане два брата и два друга. Мирно ужинали. Играла приятная музыка. И вдруг забежали

в ресторан два парня с пистолетами в черных трикотажных шапочках, с прорезями для глаз и рта.

– Это ограбление. Кричали они на весь зал. Быстро снимаем с себя все украшения, вытаскиваем кошельки и ложем на край стола. Иван молча, спокойно достал пистолет и за три секунды перестрелял грабителей и так же молча и спокойно продолжил есть свой любимый салат.

– Ну что? Когда там горячее подавать будут. Что-то я проголодался. Борис Леонидович начал громко хохотать. После продолжительного смеха он произнес, вытирая глаза салфеткой.

– Ивашка! Ты помнишь? А ведь мы с тобой тоже так же когда-то начинали свой бизнес. Он снова начал громко хохотать. Потом тихо сказал:

– Но этим парням видно здорово не повезло.

Директор ресторана так растрогался, что пообещал ребятам на дом, по первому их требованию приносить еду, в любое время дня и ночи бесплатно. А взамен попросил охранять от бандитов его заведение.

Белла

Борис Леонидович ехал в машине со своими верными парнями, бывшими учителями. Теперь они сопровождали его повсюду. На деловых встречах, загородных прогулках, вечеринках. Борис расслабился, много пил, гулял, стал ленивым и беспечным. Клим был за рулем.

Притормози-ка здесь, что-то я немного притомился. Борис открыл дверь машины, опустил ноги на асфальт. Недалеко от дороги в 15-20 метрах раскинулся микрорайон.

– Боже! Как же тут люди то живут, в этих многоэтажных скворечниках, в этой духоте, как кильки в бочке. Разве можно здесь жить нормальным людям? А парни? Как вы думаете?

Из подъезда многоэтажного дома вышла высокая, худощавая женщина с ведром. Она была в темном сарафане ниже колен, в светлой кофточке, на груди до пояса лежали тяжелые, русые косы. Она шла в сторону машины. Вылила воду из ведра под невысокое дерево, поставила ведро рядом. Сняла с головы белый, по краям синие узоры, платок. Вытерла им пот с лица, повязала снова платок на затылке. Взяла ведро, повернулась и пошла в сторону домов.

– Мама! Протяжно и загадочно прошептал Борис Леонидович.

– Мама! Громко и ликующе, произнес он в след уходящей женщине.

Клим посмотрел на Макара с удивленной гримасой и покрутил пальцем у виска, кивая головой в сторону боса. Макар тоже сделал удивленную гримасу и пожал плечами.

– Макар! Быстро вышел из машины, вперед за этой женщиной. Вечером полный отчет, кто такая, как зовут, где живет и так далее.

Когда вечером Макар зашел в гостиную с отчетом, Борис встал с дивана и снова стал смотреть на увеличенную старую фотографию, которая висела над диваном в гостиной. На ней были изображены мужчина и женщина. Мужчина сидел на стуле, а рядом с ним положив руку на плечо, стояла высокая, стройная женщина, в длинном, ниже колен, светлом платье. А по ее плечам до самого пояса, растекались густые, волнистые, темно русые волосы.

– Докладывай. Что застыл.

– Эта женщина Белла Рязанова. Два года назад она переехала с поселка, где работала медсестрой в детском садике. Снимает квартиру в микрорайоне. У нее дочь Вероника, которая заканчивает школу. Днем моет полы в подъездах, вечером работает посудомойкой в ресторане.

– В ресторан. Клим, поехали.

Борис заглянул в посудомоечную комнату, убедившись, что Белла на месте, Борис сел за столик в зале, позвал официанта. Сунул ему деньги в нагрудный карман.

– Ударь меня по носу, так чтобы пошла кровь. Официант посмотрел на деньги в кармашке, выпучив глаза завопил:

– Что? Вы что с ума сошли? Мы такие услуги не оказываем. Меня с работы уволят. Борис встал со стула, подошел к официанту, плюнул ему в лицо, он был взбешен и решителен.

– Хам. Я тебя сам сейчас уволю. Он взял руку официанта, сжал его пальцы в кулак и со всей дури ударил кулаком себе в нос. Официант оторопел, открыл от ужаса рот и ничего не мог сказать. Только выпучив глаза шевелил губами как рыба в аквариуме, заглатывая воздух ртом. Из носа Бориса потекла густая, алая кровь, он пошатываясь пошел в сторону мойки. Увидев Беллу, он остановился на пороге мойки, держась за косяк рукой, приседая на корточки.

– Извините. Можно мне тут у вас умыться? Белла повернулась, бросила тарелки в раковину, сняла перчатки и подбежала к Борису.

– Ой. Мужчина! Что это с вами? Ой кто это вас так? Вам плохо? Белла сняв с головы платок, начала вытирать кровь с лица Бориса.

– Вам надо холод на лицо. Она включила холодную воду, простирав от крови платок, намочила его в холодной воде. Протирала его лицо платком, держала немного на лице, затем снова мочила платок в холодной воде, положила на лоб платок.

– Вам лучше? Борис поднес к губам ее руку и целовал ее

нежно. А по его щекам текли скучные, мужские слезы.

– Какая вы добрая, ласковая, какие у вас белые, нежные руки. Мамочка моя, милая моя мамочка. Не оставляй меня, не бросай меня.

В посудомоечную забежал перепуганный директор ресторана.

– Вам уже лучше? Мы это так не оставим. Кричал он. Мы его уволим, мы накажем этого официанта.

– Парня не трогать. Приду проверю. Сказал Борис строго директору. Он сунул ему в карман деньги.

– А эта женщина у вас больше не работает.

– Как это не работает? В чем я виновата? Начала возмущаться Белла.

– На что же я буду жить? Я эту работу отыскала с трудом.

– С сегодняшнего дня вы работаете у меня. Помогите мне дойти до машины. У меня кружится голова.

Когда Белла вошла в гостиную, она сразу увидела большую фотографию в дорогой рамке. На нее смотрела женщина, вернее с фотографии она смотрела сама на себя, только там на фотографии она была моложе и на лице была легкая, нежная, добрая улыбка. Настолько было такое удивительное сходство.

– Ивашка! Ты где? Кричал Борис. Наша мама вернулась. Наша мамочка здесь, она снова дома.

Иван спустился по лестнице, вошел в гостиную. Он оторопел и пристально смотрел на женщину. Затем он бросился

к ее ногам, упал на колени, целовал ее руки и плакал. Борис тоже стоял на коленях плача и обнимая брата.

– Мамочка! Никогда больше не уходи, не оставляй нас больше. Не уходи от нас никогда. Будь всегда с нами. Сквозь слезы шептали братья.

– Вы что тут все чокнутые? Я в психушку попала? Что тут происходит? Мне кто-нибудь может объяснить?

– Мамочка! Это только Ивашка контуженый, а я нормальный. Шептал сквозь слезы Борис.

Белла сделала шаг назад и присела на рядом стоящее кресло.

– Мамочка! Мамочка наша вернулась. Шептал в истерике, целуя руки Беллы Иван. Братья как собачки подползли к женщине, положив свои головы на ее колени, стали понемногу успокаиваться. А Белла откинув голову на спинку кресла, преодолевала дремоту. Наконец она прикрыла глаза и заснула. Ведь она уже и не помнит, когда нормально спала. Борис подвинул к женщине и осторожно положил ее ноги на пуфик. Иван укрыл ее пледом. Вывел из комнаты удивленных и ошалевших от невероятной картины свидетелей, двух друзей.

– На сегодня все свободны. Шепотом произнес Борис. В доме воцарилась тишина.

Белла быстро вошла в свою роль мамочки. Хотя она была старше Бориса на 10 лет, а Ивана на 12 лет, она искренне полюбила своих новых приемных сыновей, за их доброту,

наивность и искренность. Она никогда не командовала, не указывала, не вмешивалась в их дела. Все в доме, даже прислуга стали называть ее мамочкой.

Белла носила длинные ниже колен платья, распускала свои шикарные, волнистые, русые волосы. Может, чтобы больше походить на женщину с большой фотографии в гостиной. Украшала свои роскошные волосы золотыми ободками, шпильками и заколками, которые щедро дарили ей, ее новоиспеченные сыновья. Она была спокойной и ласковой. Через месяц Белла уже управляла делами дома по хозяйству, давала указания прислуге и садовнику.

Очень сильно ее полюбил Иван. Он каждый вечер заходил к ней в спальню, чтобы пожелать любимой мамочке спокойной ночи. Он ложился к ней на кровать с боку, клал свою голову на ее грудь, жаловался, плакался, рассказывал ей о своей жизни. Белла, обняв его слушала, жалела и целовала его в лобик. Иногда заходил Борис. И они оба ложились рядом с мамочкой. Белла как клуша крыльями, укрывала их своими руками и по очереди целовала их в лобик. Между ними не было ревности. Ее любви хватало на всех.

Ей очень нравилась ее новая роль. Она воспринимала свою жизнь как счастливый сон. И очень боялась неосторожным движением разрушить его и внезапно проснуться. Чтобы снова пойти на работу, мыть полы и посуду. Чтобы, перебиваясь с копейки на копейку, крутиться как белка в колесе, думая, чем накормить и приодеть свою избалованную дочь.

Вероника

Белла сразу же привезла в дом Бориса и Ивана свою дочь, которой выделили на втором этаже светлую комнату рядом с мамой. Борис и Иван ее сразу же стали называть сестренка. Особенно сильно по-родственному, ее полюбил Борис. В доме ее все баловали, выполняли все ее капризы, не жалея на нее никаких средств.

Вероника сдала экзамены, закончила школу, но в отличии от своих сверстников, никуда не спешила поступать. Она не хотела учиться, а уж тем более не хотела работать. Прежде не избалованная вниманием и воспитанием матери, из-за нехватки времени, она так и продолжала жить, своей собственной жизнью, как кошка сама по себе.

Она зависала на дискотеках, вечеринках, шокируя и вызывая зависть и злобу своих подруг.

—Мамаша нашла себе богатого папочку. Он меня обожает и ни в чем мне не отказывает. Говорила она восхищенным подружкам. Вскоре так их всех и растеряла. К новоприобретенным братьям она относилась с высокомерием и терпением. Она считала, что ей все должны и обязаны. Потому, что она так неотразима и прекрасна, единственная в своем роде, создана для любви окружающих и роскоши. Когда подруг совсем не осталось, она целыми днями сидела в своей ком-

нате, смотрела фильмы и слушала музыку через наушники.

У Вероники был парень еще со школы. Он ее сильно обожал и ревновал. За ее капризы, за ее непосредственность, за ее независимость, за ее дерзкий характер и еще за что-то, он уже и сам не понимал. Он стал вхож в дом. Они гуляли, ходили в кино, играли в бильярд, слушали в комнате музыку или просто целовались.

Никита ее сильно ревновал к ее новым братьям. Но ей этого было мало, ей было скучно, ей хотелось еще больше внимания от своего парня. И она начала рассказывать ему всякие небылицы, про то как они на нее посмотрели, что сказали. Разжигала, заводила его к новым вспышкам ревности.

– Убью. Шипел от злости Никита, скрипя зубами.

–Каждого убью, кто к тебе только приблизится. Он начал каждый вечер бывать с Вероникой, ревностно и внимательно следил за каждым движением и словом братьев, когда кто-то из них оказывался в непосредственной близости его любимой.

Борис совсем разомлел, расслабился. Все дела по добыче денег, четко выполняли Клим и Макар. Борис стал много пить или проводить время в компании женщин.

Закончилась зима. Наступила весна. Пора расцвета деревьев, цветов и чувств. Клим и Макар молодые и здоровые мужчины. Им уже не хватало денег, которые платил им Борис. Их тоже понесло, им хотелось праздника, развлечений.

– Слушай Макар. Что-то Борзый стал борзятником, со-

всем стал борзой, оборвыш, ты не находишь? Макара начал хохотать.

– Что-то я в твоём каламбуре не уловил здоровой мысли. Переведи.

– Мы прикрываем его задницу, пилим, отжимаем бабки, прокручиваем аферы, рискуем жизнью, а нам на эту жизнь уже не хватает.

– Что ты имеешь в виду? Он хорошо платит, грех обижаться.

– Да? А ты можешь на эти деньги снять телку?

– Что предлагаешь? Замочить его? Ха-ха-ха.

– Да, очень смешно. Пусть подкинет нам пару сотен за честную работу на развлечения, тип премиальных.

– Ну пошли, перетрем вопрос. Может не пристрелит? А может и пристрелит.

Борис плавал в бассейне и был в хорошем расположении духа.

– Борис Леонидович! Мы честно тебе служим? Выполняем свою работу добросовестно? Проколов нет? Претензий к нам не имеешь?

Борис вышел из бассейна, накинул халат, сел в кресло.

– Допустим. В отпуск хотите? В отпуск ребята, это когда Боженька вас к небесам призовет. Он начал громко и долго хохотать.

– Борис Леонидович! Это мы уже давно усвоили. Но ведь вокруг весна, в сердце чувства. Хочется с женщинами побав-

ловаться. А женщины любят деньги. Вы же сами все понимаете. Затраты, непредвиденные расходы.

– Понимаю. Вы все подчистили? Должников нет? Смотрите, чтобы ваши растления были не в ущерб работе. Если будет где-то прокол, свою шкуру обратно не наденете. Значит так, я вам скажу. Завтра к обеду, провернете одно дельце. Нужно будет взять дипломат, я вам адрес напишу. Отсчитаете себе по сотке каждому, остальное привезете мне. И можете ребята на пару дней отлучиться, сходить почесать свой блуд. Он начал громко и долго хохотать. Но если через пару дней я не увижу вас живыми и здоровыми, считайте, что вы уже покойники. Произнес он громко сквозь смех.

Вечером Иван как всегда пришел к мамочке в спальню, чтобы пожелать ей спокойной ночи. Она сидела перед зеркалом и расчесывала свои прекрасные, густые волосы. Он подошел к ней и начал гладить и целовать ее волосы.

– Боже! Какая красота. Какое богатство тебе Бог подарил, какое прекрасное волшебство, твои лебяжьи волосы. Как шелковые ниточки, как водопад льется по твоим плечам. Никогда еще в своей жизни не видел такой шикарной красоты. Мамочка, я хочу тебе сделать дорогие подарки.

– Какие еще подарки? О чем ты говоришь? Что ты еще придумал? Разве мало ты мне подарков дарил?

– Мамочка! Завтра утром поедем по магазинам. Я хочу тебе купить пару красивых платьев и пару красивых туфель к ним. Мамочка! На улице весна красна, я хочу, чтобы и ты

у меня была самая красивая. Иван обнял женщину за плечи и поцеловал ее в щечку. Спокойной ночи, мамочка.

– Спокойной ночи Ванюша. Белла обняла его за шею и поцелована его в щеку.

Расплата

Борис проснулся только к обеду.

– Ой! Как голова трещит. Неужели я вчера опять перебрал? Точно. Везде бутылки пустые. Теперь только бы до холодильника добраться, подлечиться, голову поправить. Он встал с постели охая, держась обеими руками за голову.

– Говорила мамочка мне: Борис, сынок, ты много пить начал. Почему? Сынок? Что с тобой? Что случилось? Почему ты пьешь? Нельзя так жить. Остановись. Борис открыл холодильник.

– У-у. Да тут еще есть. Слава Богу. Надо пацанам сказать, чтобы еще сгоняли. Борис открыл бутылку вина, сел в кресло.

– Хо-ро-шо! Холодненькое. О! Хорошо то как! А почему я пью? Мамочка. Никто меня не понимает. Одинок я. Ни семьи, ни детей. И любовь моя уже давно замужем. А потому, что не положено мне, по моему статусу, иметь жену и детей. Тут как? Женщины любят богатых и успешных. Неудачников никто не любит. А чтобы быть богатым и успешным, нужно быть бандитом. Он посмотрел в большое зеркало.

– А бандитам иметь жен не положено. Потому, как нельзя расслабляться, нужно всегда быть в форме.

– Понял Борька? Он улыбнулся. Да. Что-то я расслабился. Ладно Борька. Прорвемся. Он тихонько запел. Бутылку ви-

на, я выпью до дна. Одна только ты понимаешь меня. Борис встал с кресла, вышел из комнаты с бутылкой. Прислушался.

– Народ! Почему так тихо? А – У! А где все? Ивашка! Он заглянул в комнату Ивана. Нет никого.

– Ивашка Брат! Ты где? Мамочка! Он заглянул в комнату Беллы. Нет никого. Борис посмотрел в гостиную с балкона.

– Клим? Макар? Где вы черти полосатые? Быстро все ко мне. Что случилось? Где все? Я что проспал конец света? Почему меня никто не разбудил? Он пошел дальше к комнате Вероники.

– Сестренка ты дома? Почему-то дверь ее закрыта. Он начал стучать в дверь.

– Сестренка! Почему ты закрылась? Открой. Это я, Борис. Не хочет открывать. Почему ты молчишь? Ты в порядке? Скажи почему никого нет? Скажи где все? Что случилось? Куда все подевались?

День выдался душный, с утра парило. Вероника после утреннего бассейна не стала на себя ничего надевать. Так и сидела в кресле в трусиках и легкой маечке, перед открытым окном. Слушала музыку в наушниках и в такт качала головой. Потому она и закрыла дверь на ключ. Да и не хотела она уже больше никого не видеть и не слышать. Она знала, что ее парень придет только вечером, а остальные ее не интересовали. Потому она никак не могла слышать, что происходило за дверью.

А за дверью Борис. Когда ему надоело стучать в дверь, он

присел на корточках спиной к двери и пил с бутылки вино.

– А вдруг что-то случилось? Почему она не открывает и молчит? А вдруг там ей плохо? Моей сестренке. А я тут сижу под дверью, как дурак. Надо спасать сестренку. Эй кто-нибудь! Отзовитесь! Тишина. Куда все подевались? Борис отхлебнул с бутылки, подумал, отхлебнул еще. Поставил ее в сторону, пошел в свою комнату.

Борис коллекционировал топоры и ножи. В его спальне на одной стене была коллекция ножей, на другой стене коллекция топоров. Он подошел к стенке с топорами.

– Так. Эти маленькие, а эти большие. Наверно этот будет в самый раз. Он снял со стены топор и пошел к спальне Вероники. Еще раз на всякий случай постучал.

– Сестренка! Открой. Это я Борис. Он нашел в проеме двери язычок замка.

– Так. Чуть ниже. Он начал тихонько просовывать острие топора между косяком и дверью, начал отжимать дверь. Дверь легко открылась. Борис увидел Веронику в кресле в наушниках. Он успокоился и улыбнулся. Положил топор на пол, взял бутылку в руки, отхлебнул и пошел в сторону Вероники.

Борис взял маленький пуфик, который стоял перед зеркалом. Поставил его в метре от Вероники и сел на него, смотрел на Веронику попивая вино.

Вскоре Борису стало скучно так сидеть, глядя на ее спину. Он развернул кресло. Вероника сидела с закрытыми глазами

и слушала громкую, модную песню, прихлопывая в ладоши и в такт качая головой. Борис начал громко смеяться, попивая вино.

Ему снова стало грустно, что его не замечают. Он потянулся к Веронике и с боку поцеловал ее коленку. Она вздрогнула. Закричала. Сняла наушники и начала кричать.

– Ты что сдурел, алкаш! Пошел вон! Кричала Вероника, махая руками и ногами.

– Мама! Мама!

– А мамы дома нет. И никого дома нет. Все куда-то подевались. Борис смеялся и разводил руками в сторону. Представляешь? Сестренка.

– Убирайся вон от сюда. Что ты тут расселся? Она пинала его в грудь ногами.

В гостиную вошел Никита. Он услышал крики Вероники и быстро побежал в верх по лестнице. Он забежал в комнату, схватил топор с пола и наотмашь ударил Бориса тупой стороной в висок. Борис упал с пуфика на пол и не вставал.

– Ты что дурак? Ты что больной? Ты что натворил? Придурак. Кричала в истерике Вероника.

– Я услышал твой крик. Когда забежал. Я подумал, что он пристаёт к тебе. Я же сказал, что убью любого, кто к тебе приблизится.

– Откуда ты взялся? Козел? Идиот? Она подбежала к Борису.

– Борис Леонидович! Борис Леонидович! Ой здесь кровь.

А! Закричала она.

– Мама! Мама! Вероника выбежала из комнаты.

– Мама! Мама! Ты где? Помоги! Она забежала в комнату Беллы.

– Тут никого нет. Она зашла в комнату Ивана.

– Иван! Иван. Где все? Куда все делись? Вероника побежала в свою комнату.

– Я пощупал пульс. Пульса нет. Он умер.

– Как умер? Ты что дурак? А! А! А! Кричала Вероника.

– Что теперь делать? Мамочка! Господи! Что теперь делать?

– Делаем ноги, быстро.

– Какие ноги?

– Сматываться надо. Бежать. Быстро.

– Как бежать? Куда?

– Главное быстро.

– Куда бежать? Я никуда не пойду.

– Дура! Его брат, контуженный, разбираться не станет.

Пристрелит обоих. Давай затащим его, в его комнату, как будто он пьяный лежит. Пока будут разбираться, у нас появится немного времени, а так нас сразу прибьют. Никита тащил Бориса за ноги волоком, а Вероника вытирала с пола кровь.

–И куда мы теперь побежим, нас же везде достанут? Найдут и прибьют. Плакала Вероника.

– В колотушки поедем, там нас никогда не найдут.

– Какие еще колотушки? Там, что нас будут колотить?

– Орехи там кедровые колотят. Потому и называются колотушки. Сейчас быстро заскочим ко мне домой. Я копил деньги на нашу свадьбу. На первое время хватит. Бежать. Бежать быстрее надо, пока никого нет.

– Говоришь на первое время деньги есть? Это хорошо. Вероника вспомнила. Когда Борис узнал, что у нее день рождения он сказал: Сейчас я тебе дорогой подарок принесу. Жди меня здесь. Он вышел из комнаты, пошел вниз по лестнице. Она за ним украдкой, чтобы не видел.

Борис спустился по лестнице подвала в доме. Она открыла дверь и смотрела за ним. Борис отодвинул старый шкаф, убрал кирпичи в стене, а там тайник. Он был очень пьяный, потому никак не мог вспомнить код сейфа.

– Единичка. Единичка. Это я и Ивашка, два брата и нолики. Почему же ты не открываешься? Бубнил он себе под нос.

– А. Вспомнил. Единичка. Единичка, а посередине нолики. Говорил он вслух.

– Смотри в его комнате все раскидано, везде бутылки.

– На кровать мы его все равно не поднимем. Давай положим его здесь на пол рядом с кроватью. Раной в низ, чтобы не было видно, ногами к двери, как будто он пьяный лежит.

– Ну все, давай бежим быстрее, пока никто не вернулся.

– Жди меня здесь, я быстро.

– Куда ты Вероника? Она схватила свой рюкзак и побежала вниз по лестнице в кладовку. Здесь хранились разные

продукты, инструменты, корзины, банки, кастрюли, старые вещи, старый хлам. Вероника никак не могла сдвинуть старый, тяжелый шкаф. Затем она сообразила. Увидела воду в банке. Налила на пол под ножки, шкаф легко сдвинулся, как по маслу. Но какие кирпичики нужно убрать? Она не видела. Она торопясь хваталась за все подряд на уровне глаз, потому что он не приседал, а стоя их вытащил. Наконец она нашла нужные. Вот он и сейф. Она вспоминала код, его слова: Две единички. Мы два брата и нолики.

– Не открывается. Что же делать? Нужно что-то делать? Бежать. Ее колотило в нервном страхе. Руки тряслись.

– Бежать. Надо бежать. Спасать свою шкуру. Что там происходит наверху? Она не знала.

– Может бежать уже поздно? Может сейчас поднимусь и меня сразу пристрелят. Потом она вспомнила. Единичка. Единичка. Он сказал: Это я и Ивашка. А посередине нолики. Сейф открылся.

– Мама моя родная! Боже! Я же столько не унесу. Она начала складывать в свой рюкзак деньги. Чтобы не торчали, чтобы не видно было, что там пачки денег.

– А это что? Какой-то бархатный мешочек. Что-то мелкое твердое. Не будет же он хранить в сейфе всякую ерунду? Значит что-то ценное. Ладно прихвачу, потом разберусь.

– Боже какая удача! Все. Нужно быстро ставить все на место и бежать.

Когда Вероника и Никита выходили из дома, подъехала

машина. В ней сидели Белла и Иван.

– А что это вы такие взъерошенные? Спросила Белла.

– Да мы тут немного, ну это... целовались. Смущенно улыбнулась Вероника.

– Весна. Знаете ли. Весна. Улыбался Никита. Вероника села к Никите, на мотоцикл и они медленно поехали.

– Вероника! Крикнула вслед Белла.

– Мам. Мы в кафе, перекусим, на дискотеку, а утром рано с ребятами на рыбалку.

– Ты что не придешь ночевать? Белла всегда переживала за дочь. Но никогда не вмешивалась в жизнь дерзкой дочери. Она чувствовала себя виноватой перед ней, что в погоне за копеечкой уделяла ей мало внимания. Поэтому даже немного побаивалась, за ее крутой нрав. Она считала, что она уже совсем взрослая. Встречается с парнем и может уже даже скоро подарит ей внука или внучку. Она просто млела от счастья, от таких мыслей.

Белла стояла и смотрела вслед уезжающей дочери. Сейчас ее материнское сердце болело, страдало, как будто предчувствовало беду. Огромные слезы выкатывались из ее больших, бирюзовых глаз, стекали ручьем по горячим щекам и с подбородка падали на высокую грудь. Она сквозь линзы слез, долго смотрела на исчезающий в даль мотоцикл.

– Вероника! Куда же ты? Постой. Говорила она шепотом, протягивая руки вперед, как бы желая остановить дочь. Тем самым предостеречь ее от чего-то.

– Куда же ты дочка? Она скрестила руки на груди, стояла и качала головой из стороны в сторону. Иван подошел, обнял Беллу за плечи.

– Ну что ты мамочка, не плачь, нагуляется и вернется. Что она маленькая, что ли? Взрослая девушка. Белла повернулась, положила голову на его грудь. Тихонько всхлипывала, вздрагивая при этом.

А Вероника крепко держалась дрожащими руками за своего избранника. С ее глаз потекли горячие слезы. Она закрыла глаза. Ее слезы разлетались со щек в разные стороны от встречного ветра. Перед ее глазами стояла высокая, красивая женщина, ее мать. Вероника так хотела ее обнять на прощанье, попросить у нее прощенье.

Ведь в отличии от своей матери, она понимала, что может уже больше никогда не встретится с ней. Но времени совсем не было. Каждая секунда была дорога. Тогда она понимала, что промедление было смерти подобно. Нужно было бежать, бежать и чем быстрее, тем лучше. Как можно дальше от этого злополучного места.

– К тебе заезжать не будем, поехали сразу в эти, как их, погребушки.

– Колотушки.

– Да хоть хохотушки, время дорого.

– А как же деньги на первое время? Мои сбережения?

– У меня такие сбережения в рюкзаке, что нам хватит и на первое, и на второе, и на все времена, до самой старости!

Нашим детям, и нашим внукам, и правнукам. Мы сказочно богатые Никита, кричала и хохотала Вероника.

– Ты что банк грабанула?

– Какой ты у меня догадливый, однако, Никита. Она вдруг подумала, что наверно ее мать и Иван уже зашли в дом и все увидели, может уже все знают, а может уже за ними погоня. От страха, эмоции девушки сменились. Теперь перед ее глазами была только дорога, только цель мчаться быстрее, чтобы быть как можно дальше.

Взрослая жизнь

Вероника лежала на нижней полки купейного вагона. Она отвернулась к стенке, закрыла глаза и плакала. Перед ее глазами стояла ее плачущая мать. Она даже не попрощалась с ней, не обняла ее, не поцеловала на прощанье, не сказала ей, как она ее любит. Вероника уткнулась в подушку и под стук колес вздыхала, стонала и тихонько подвывала от душевной боли. Обняла подушку как будто обнимала мать.

– Мама! Мама! Шептала она сквозь слезы.

– Мама обними меня, защити меня, избавь меня от этого ужаса воспоминаний. Перед глазами девушки стояла страшная картина, окровавленный Борис в луже крови, эти ужасные черные подвалы, это стремительное бегство. Девушка от страха сильнее сжимала в руках подушку.

– Мама! Где ты! Защити меня. Никита лежал на верхней полки и похрапывал.

– Он все-таки молодец. Бросил мотоцикл в парке. Пробежались по магазинам. Взял такси, доехали до вокзала, взял билеты. Сильно спешил и все время твердил: Быстро линияем из города.

Вероника проснулась от поцелуя Никиты.

– Милая, с добрым утром. На столе стояли стаканы с чаем, в алюминиевых подстаканниках, бутерброды и булочки.

Вероника потянулась, улыбнулась.

– А мы, что одни? Попутчики наши вышли?

– Да. Я бабушку с внучкой только что проводил. Теперь мы с тобой почти сутки будем ехать одни.

– А может еще кого-то посадят?

– Там почти нет населенных пунктов. Вагоны идут полупустые. Давай перекусим, а вечером можем сходить в ресторан.

– Ой! В ресторан! Ура! А почему вечером? Я сейчас хочу в ресторан. Я такая голодная, а мы такие богатые, прыгала Вероника от радости.

– Хочешь пойдем сейчас. Они выпили чай и пошли в ресторан.

В ресторане Вероника и Никита заказывали все, что хотели, вернее все что там было, пили вино. Официанту сказали, что они молодожены, у них медовый месяц. В купе они прихватили вино и всякой еды.

В купе Вероника смеялась, веселилась, баловалась. Достала с рюкзака мешочек с драгоценностями. Она надевала на себя все дорогие украшения, кольца, браслеты, цепочки. Которые не помещались вешала их на голову, уши, любовалась на себя в зеркале. Она осыпала украшениями Никиту, вешала на шею, на голову, на уши цепи и кулоны.

– Моя ты королева! Драгоценная моя!

– А ты мой король!

– Мы с тобой самые богатые!

– Мы с тобой самые счастливые!

– Да нам теперь этих денег хватит на всю жизнь!

– Да нам теперь вообще никогда работать не надо, представляешь?

– И нашим детям хватит!

– И внукам и правнукам! Прыгала от радости Вероника.

Они пили вино, целовались и спали вместе.

– Ты моя! Ты только моя! Никому, никогда тебя не отдам.

– Ты всегда будешь только моей. Только моя! Моя принцесса! Моя королева! Моя любимая! Моя! Только моя! Всю ночь Никита шептал Веронике на ушко. А поезд стремительно мчался, приближая их к будущему, как им казалось счастливой и беззаботной жизни.

Лесная жизнь

– Просыпайся любимая, мы подъезжаем к нашей конечной остановке. Никита нежно целовал Веронику, сидя перед ней на корточках.

– Я уже собрал все вещи, скоро наша станция. Вероника никак не могла отойти от сна. Он посадил ее, спустил ее ноги, обувал ей кеды. А она зевала с закрытыми глазами, снова валилась на подушку. Она никак не понимала, почему нужно вставать, куда-то идти, когда так хорошо лежать и спать под стук колес. Никита умыл ее минералкой, дал попить, вытер ее лицо полотенцем. Только тогда она начала приходить в себя.

– Почему нужно куда-то идти, я хочу спать, отстань от меня. Она снова упала на подушку.

– Вероника, очнись. Ты забыла, что мы в бегах, нам нужно выходить с поезда. Ты не дома в постели, ты в поезде. Сейчас будет полустанок, мы выходим. Береженого Бог бережет.

– Мы что уже приехали в погребушки? Так скоро? Давай я еще посплю.

– Вероника просыпайся. Я пошел выносить вещи в тамбур. Он скоро вернулся. Надел на Веронику рюкзак, повел ее к выходу. Только на улице, сидя на скамейке она пришла в себя.

– Я пить хочу. Никита подал ей бутылку с водой.

– Я есть хочу. Я к маме хочу.

– Не капризничай. Нет у нас больше мамы. Сейчас придем на место там покушаем.

– Это что и есть твои погремушки? Куда ты меня тащишь?

– В лес на пикник. Они перешли рельсы железной дороги и зашли в лес.

– Ладно. Сейчас найдем солнечную полянку, перекусим и пойдем дальше.

– З ачем дальше? Давай здесь будем жить, здесь так хорошо, просто здорово! Пахнет медом, здесь много цветов. Вот смотри какая славная, солнечная полянка. Чем она тебя не устраивает? Ой! А что это на земле, какие-то красные ягодки, они съедобные.

– Это земляника.

– Ее можно есть?

– Да. Ешь.

– Ой, а здесь на колючих ветках красные ягоды. И их тоже можно есть?

– Да. Это малина.

– Все. Я дальше не пойду. Я устала. Остаемся здесь.

– Я пойду хворост собирать. А ты возьми рюкзак с продуктами и накрывай на стол, сейчас чаю горячего согреем.

– Вот здорово! Накрывай на стол. Где он здесь увидел стол?

Когда Никита вернулся, Вероники не было видно, он пошел ее искать.

– Вероника! Он сильно испугался, начал ее звать.

– Вероника! Ты где? Вероника! Вероника! Он нашел ее на краю полянки. Она стояла, улыбалась и смотрела в загущенный темный лес. Он подбежал к ней и посмотрел в ту сторону куда смотрела она. Страх ужаса, мурашки пробежали по его телу. Он увидел две светящиеся точки. Онемел от увиденного, смотрел пока огоньки не погасли.

– Там собачка.

– Какая тебе собачка? Это был волк.

– Волк? Такой хорошенький и совсем не страшный. Почему в сказках его изображают злым и голодным. А он добрый. Он подошел ко мне сел у моих ног и положил голову на лапы. Я хотела его погладить, а когда ты начал кричать он показал мне зубы и попятился назад, пополз в лес. Никита взял Веронику за руку и повел ее на полянку.

–Никита мы остаемся здесь на полянке? Здесь хорошо: ягодки, собачки.

– Остаемся? Ты даже продукты не вытащила с рюкзака. Ладно остаемся.

– Продукты? Он большой и тяжелый. Твой рюкзак.

– Хотя нет. Здесь близко полустанок, давай еще пройдем.

– Ну сколько можно идти. Все идем, идем. Ты мне уже давно обещал чай. Я пить хочу. Я есть хочу. Смотри какое озеро красивое, круглое, как тарелочка. Давай останемся здесь. Мы уже давно ушли от полустанка твоего.

– Ладно привал. Никита снял с себя рюкзак с палаткой,

поставил сумки на траву. Присел.

– Ох и в правду красота-то какая. А воздух, медом пахнет.

– Я побежала купаться. Ой как здесь здорово. Никита, пойдём купаться.

– Ох! Несносная девчонка, стрекоза, а не девчонка. Вздохнул Никита. Улыбнулся глядя на Веронику и пошел за хвостом.

Когда Вероника вернулась чай уже закипал. Никита собрал душицу, иван-чай, ромашку. Стоял приятный аромат.

– Ой какая смешная кастрюля висит над костром с длинной ручкой. Я таких еще никогда не видела.

– Это не кастрюля. Это котелок. Специально для костра придумали.

– Ой сколько всего. Кружки, тарелки и еды много, где это все помещалось?

– В моем рюкзаке все и помещалось. Ну и в сумках конечно тоже.

Ну вот покушали и дальше пойдём. Или здесь останемся?

– Здесь! Здесь! Здесь так здорово! Здесь красиво, озеро, ягодки, полянки.

– Какая интересная береза стоит. Смотри на краю леса. Такая толстая, высокая и раскидистая. Интересно, сколько же ей лет?

– А почему это место называют колотушки? Здесь что кого-то колотят?

– Не это место. Вон там повыше в горах, растут кедры,

по осени мы приезжали сюда с ребятами. Лезешь на дерево повыше, стучишь палками по веткам. Орешки падают на постеленное под деревом покрывало. Ладно если никуда не пойдём, начну разбивать палатку.

Утром пока Вероника спала, Никита пошел за хворостом.

– Пришел. Значит еще придет, а может и не один. Произнес Никита, глядя в одну точку.

– Что ты Никита сказал? Подошла к нему Вероника.

– Ты зачем сюда пришла? Никуда не уходи, сиди в палатке и носа не высовывай. Кричал он и тащил Веронику в палатку.

– Ты что на меня кричишь? Она зашла в палатку и плакала.

– Да ты пойми, это же лес, это дикая природа, здесь свои законы, здесь звери, здесь опасно. А мы гости. Ну прости, я не хотел тебя обидеть.

– На меня даже мама так никогда не кричала. Эх ты.

Она все плакала. Никак не могла успокоиться. Пока не уснула под стук топора. Когда Вероника вышла из палатки, Никиты нигде не было. Она его увидела на большой березе. Он как обезьянка перелезил с одной ветки на другую. Она подошла к дереву, посмотрела вверх. Там уже стояла решетчатая площадка. Никита связывал бревна между собой, к дереву крепкой веревкой. Накидал сосновые лапки и принес на березу палатку.

– Это будет наш дом? Она залезла на березу и выглядывала из палатки.

– Ой, как здесь здорово! Все далеко видно и озеро, и речку, и мосток. Ой смотри Никита, там мишка в речке купается.

– Он не купается, это он так рыбу глушит.

– Как это глушит?

– Видишь, он нашел самое узкое место реки, там рыба идет, он лапой бьет по воде, оглушивает ее, потом достает и на берег кидает.

– Какой умный мишка.

– Это медведица.

– А откуда ты узнал?

– А вон там, смотри, где кустарник шевелится, медвежонок малину кушает прямо с веток.

– Она же колючая.

– Так он же в шубе, ветку наклонит, ко рту поднесет и лакомится.

– А что медведи ягоды едят? Разве ими наешься?

– Когда много, наешься. Потом еще рыбку поедят. Они летом жир накапливают, чтобы зимой тепло было спать и лапу сосать.

– И что они зимой больше ничего не едят? Одной лапой то не наешься.

– А что зимой еще поешь? Только снег везде. Вот всю зиму лапу и сосут.

– Ты смеешься надо мной?

– Нет, я правду говорю, так и есть.

– Смотри, а там дома видны. Там живут люди?

– Там поселок.

– А почему мы не идем в поселок? Мы что теперь так и будем жить всю жизнь в лесу на дереве. Мне уже надоела эта каша в консервах. Я хочу нормальную еду. Хлеб, колбасу, конфеты, торт, лимонад.

– Ну поживем немного, а потом пойдем в поселок, береженого Бог бережет. Тебе же здесь нравилось.

– Завтра утром иди в поселок и принеси нормальной еды. Если там живут люди, значит там есть магазины, они же что-то едят?

Вероника проснулась только к обеду. Уже во всю светило солнце.

– Как здорово здесь на верху, какая красота, просто волшебство. Она посмотрела вниз под дерево. Сначала ничего не поняла.

– Что это там валяется. О Боже! Под деревом на траве вокруг ствола по периметру лежали несколько волков. Услышав голос Вероники, они как по команде начали подниматься, потягиваясь и зевая. Некоторые подошли к стволу дерева, поднимаясь на задние лапы и смотрели на Веронику.

– Ой мои хорошие, вы наверно голодные, но у нас кушать ничего нет, даже хлеба. Если бы было, я бы вас покормила. Можно, я вас поглажу, мои лохматые. Волки открывали свои пасти и тянулись к Веронике. Как будто что-то не слышно говорили, немного поскуливая.

– Вероника! Я уже иду, просыпайся. Услышав голос Никиты и его шаги волки, опустив головы, как бы извиняясь, поджав хвосты, начали медленно уходить в темную чащу леса.

– Вероника! Я принес еду. Он разложил на полянке продукты. Никита довольно и радостно улыбался. Вот хлеб домашний, яйца вареные, картошка, молоко, творог, сметана.

– И это все? А где колбаса, лимонад, конфеты?

– Вероника там нет магазинов. Я у местных жителей купил продукты, все свежее ешь. Но есть и хорошая новость. Женщина рассказывала, что много семей уехали в город, оставили свои дома. В них можно жить. Завтра мы с тобой пойдем в поселок, ты выберешь дом, который тебе понравится.

– Мы можем купить у них дом? Это будет наш дом? Мы будем там жить?

– Купить? Нет Вероника, это плохая идея. Его нужно будет оформлять, делать на него документы, а нам нельзя светиться, да и документов у нас нет. А жить можем, пока нас не выгонят хозяева.

– Ура! Ура! Вот здорово! У нас будет свой дом! Ля! Ля! Ля! Она прыгала и радовалась, как ребенок.

Жизнь в поселке

Никита и Вероника шли по дороге поселка. Было несколько оставленных, покосившихся изб, заколоченных досками.

– Ну давай уже что-нибудь выберем. Я уже устала ходить. Ну чем тебе этот не нравится?

– Да. Этот домик приличный, заборчик есть, даже колодец во дворе, сарайчик, а это похоже банька и туалет есть.

Соседка, не высокая, худощавая бабушка, подошла к забору, она копалась в огороде.

– Вы хотите пожить в этой избе? Только не ломайте двери, я вам сейчас ключ дам. Я присматриваю за домиком. Я смотрю, что вы приличные, молодые люди. Поживите. Только обещайте сохранять чистоту и порядок.

Молодые зашли в домик.

– Ну что ж, все прилично, даже посуда есть и кое-какое барахло. Кровать, постель, стол, лавка, лампа. Здорово! Только немного пыльно. Но мы сейчас все быстренько приберем и помоем. Да, Вероника?

Никита принес из колодца воды, поставил ведро на пол, положил тряпки.

– Вероника. Ты здесь немного приберись, протри пыль, полы помой, посуду. А я пробегусь по соседям, достану еды.

– Полы помой? Ты что? Чтобы я мыла полы? У меня же

маникюр и ручки. Чтобы я в холодной воде? Да еще всю эту грязь мыла после кого-то? Она зло нахмурила брови и скривила рот в брезгливой гримасе. Фу! Нет уж. Она вышла на улицу и села на скамейку.

Никита вернулся с продуктами, посмотрел на Веронику и вздохнул.

– Да уж! Весело будет жить с моей молодой женой. Ну что ж, все они такие пока молодые, привыкнет, поумнеет, остепенится. Ну что ж Вероника. Пойдем осматривать наш домик. Произведем ревизию. Что мы имеем? Что нам тут досталось?

– О! Здесь даже погребок есть. Сюда можем закапать твои денежки.

– Как это закапать?

– Оставим сколько нам нужно на первое время на расходы, а большую сумму закопаем, замаскируем, заложим хламом. Береженого Бог бережет.

– О! Да тут и банька приличная, даже дров немного есть. А не истопить ли нам баньку на днях? А? Вероника? С дороги. А после баньки, я тут даже самогоном разжился. Обмоем наше новоселье.

– А что такое самогон? Никогда не пробовала.

– Ну что любовь моя, пойдем чистоту наводить в нашем доме. Никита выносил на улицу на просушку постель, выбивал коврики с пола, вытряхивал одежду. А Вероника, морщась и вздыхая, с недовольной гримасой мыла посуду, по-

глядывая на неутомимого, веселого избранника, который ей улыбался и подмигивал.

Прошло несколько дней.

– А соседка сказала, что на станции есть магазины и даже ресторан.

– Хорошо любовь моя. Завтра утром прогуляюсь в разведку. А может вместе сходим?

– Да? Чтобы я в такую даль ходила пешком?

– А как же раньше люди за несколько километров ходили пешком на работу, а дети в школу? Вставали с рассветом, в 4 часа утра? Пешком ходить полезно.

– Вот кому полезно, пусть они и ходят. А ты пока сходи один, в разведку. Разузнай, что там и как, что там вообще есть? Что продают?

На следующий день к обеду, Вероника гуляла по двору, скучала. Она услышала вдали рев мотора, вышла за ограду посмотреть. Приблизился черный мотоцикл с коляской. Пригляделась, а это Никита за рулем сидит. Он остановился, осторожно въехал во двор, заглушил мотор, взял на руки Веронику и начал кружить ее и хохотать.

– Это что, наш!?

– Это наш Вероника. Мы теперь не будем никогда ходить пешком. Мы можем поехать на нем куда захотим, хоть в лес за ягодами, за грибами, за орехами. Хоть на речку, хоть по магазинам. А сколько еды я набрал? Тут тебе и лимонад, и конфеты, печенье, шоколад, овощи, фрукты, хлеб, колбаса,

шампанское.

– Шоколад? Ура! Ура! Прыгала от радости, обнимала и целовала Вероника своего находчивого парня.

– Я даже вещи купил. Смотри какие трикотажные костюмы, ткань на новые шторы и на простыни пойдет и на скатерку. Смотри что я купил. Газовую плитку, а баллоны можно менять. Мы теперь можем суп варить каждый день. Чай кипятить, не бегать в лес за хворостом. А в багажнике можно и дрова возить и хворост.

– Ура! Ура! Какой же ты у меня умница.

– Вероника. Ты умеешь суп варить?

– Суп? Сморщилась недовольно Вероника.

– Зачем нам суп. Мы можем есть колбасу с хлебом или печенья с лимонадом.

– А это тебе подарок. Никита достал из коляски забившуюся в угол от страха маленькую собачку. Она злая будет, смотри какая пасть черная. Как назовем? Собачка жмурилась от солнца и зевала.

– Ой какая прелесть. Никита поставил на землю собачку.

– Обзаводимся потихоньку хозяйством. Да Вероника? Вероника бегала по двору, а рыженькая с черным носиком собачка, виляя хвостиком бегала за ней и весело тявкала.

– Смотри. Она похожа на медвежонка, давай назовем ее Мишка. Мишка. Мишка. Ко мне.

Прошло несколько дней. Никита поправлял во дворе покосившийся забор, а Вероника сидела дома и примеряла дра-

гоценности. Она подносила их к свету и любовалась переливом и блеском камней.

– Что толку от этих драгоценностей, если их некому показывать, даже не похвастаешься. Вот жили бы мы в городе я бы их надела, все девчонки от завести попадали бы. Она вышла во двор к Никите, встала рядом с ним, напевая веселую песенку и танцевала. Никита, увидев ее, схватил за руку и потащил в дом.

– Ты что с ума сошла, что ты вырядилась, как новогодняя елка. Быстро всеними и спрячь. Этого никто не должен видеть.

– Но почему? Зачем же они тогда нужны, если их не надевать и никому не показывать. Никита так разозлился, что даже не хотел разговаривать.

– Посмотри. Какой кулон. Золотая рыбка. У нее такой большой глаз, переливается на солнце всеми цветами радуги.

– Ты пойми. Мы должны жить тихо, скромно, не привлекая внимания соседей. Ты забыла, что мы в бегах. Спросят откуда у молодых людей такое богатство, столько золота. Значит они богатые, а откуда у молодых такое, богатство? Ты можешь привлечь сюда бандитов.

– Ха. Ха. Ха. Откуда здесь бандиты? Здесь живут только бабушки и дедушки и их внуки. И вообще, мне уже давно скучно. Я не могу жить без музыки, без развлечений. Давай хоть в ресторан съездим. У нас ведь теперь есть мотоцикл, транспорт.

– Съездим.

– Когда?

– Когда-нибудь.

– Когда осенью дождь пойдет? Или зимой, когда снег пойдет? Пока лето нужно съездить в ресторан. А то и так всю осень и зиму будем сидеть дома.

– Съездим когда-нибудь обязательно.

– А? Никита! Поехали в ресторан. Я не могу больше сидеть дома. Мне надоело. Ты как хочешь, а я тогда пешком пойду. Я еще молодая. Что я как бабка должна сидеть дома целыми днями. Для чего тогда ты взял мотоцикл, чтобы сидеть дома? Ты сам говорил, что теперь будем везде ездить. Она обняла Никиту и поцеловала.

– Ладно. Хорошо поехали. Но при условии, если ты снимешь все эти побрякушки.

– Все? Все? Ну можно хоть кулон и колечко оставить? Посмотри какая прелесть.

– Не у тебя одной есть глаза, другие тоже увидят эту прелесть.

– Ну ты же со мной, защитишь меня.

– Нет. Или едем без твоих побрякушек. Или вообще не едем никуда.

– Хорошо. Хорошо. Я все снимаю. Вероника все с себя сняла. Но положила себе в кармашек два колечка и кулон с золотой рыбкой. И хитро улыбаясь, повернулась к Никите. Я уже готова. Поехали.

Ресторан

Никита и Вероника подъехали к ресторану. Здесь стояло немного машин и играла веселая музыка. Зал был почти полон, но были свободные столики.

– Я буду мороженое и шампанское.

– Мне пожалуйста пиво и сельдь по-русски.

– Ой! Как здесь здорово! Никита! Почему мы раньше сюда не приходили? Мы же можем каждый вечер сюда заезжать. Да? Никита. Пойдем танцевать. Она уже не могла спокойно сидеть на стуле. Ерзала и прыгала. Вероника осмелела, отвернулась и быстро надела на себя золото. Когда Никита увидел, он сильно разозлился.

– Ты же мне обещала. Какая же ты все же настырная. Или снимай, или уходим.

– Нет.

– Все мы уходим.

– Нет. Я не куда не пойду. Он схватил ее за руку и потащил к выходу. Она упиралась и вырывалась.

– Серый. Смотри какая кукла в цацках.

– Где? Ну ка пошли за мной. Сейчас разберемся. На выходе Никите перегородили дорогу три парня.

– Мужик. Ты почему так плохо обращаешься с девушкой. А ну ка извинись.

– Это моя жена, я сам знаю, как с ней обращаться.

– Ну, что ж, надо поучить мужика хорошим манерам.

– Ну что, доигралась? Теперь получай, расхлебывай. Все

вышли на улицу.

– Ребята. Отпустите нас пожалуйста. Он хороший. Он хорошо со мной обращается.

– Твоя тачка?

– Нет.

– Нет? Это хорошо. Значит будет наша.

– Ребята, отпустите нас.

– А ты кукла снимай цапки и не пидай. Вероника сразу сняла с себя кулон и кольца и отдала парням.

– А ты, что притих? Обделался? Что в штаны наложил?

– Конечно наложил, вон как от него воняет тухлятиной.

– Да пошел ты.

– Что? Серый ты слышал?

– Отвесь-ка ему люли. Один из парней ударил Никиту в живот. От чего он согнулся и присел на колени, хватая воздух ртом. Другие начали его пинать.

– И чтобы мы вас здесь никогда больше не видели никогда.

Понятно?

– Вас не спросили.

– Что? Да ты не уймешься мужик? Двое схватили Никиту под руки и потащили в лес.

– Отпустите. Мы же вам все отдали. Отпустите нас.

– Серый. Я ее хочу.

– Ну так бери, кто тебе не дает. Смеялись парни.

– Ребята отпустите нас пожалуйста. Мы же вам все отдали.

– Пошли кукла. Он схватил девушку под мышку и волоком потащил в лес.

– Отпусти меня, сволочь, гад.

– Серый. Она упирается.

– Ну так дай ей по роже, успокоится сразу.

– Серый. Она кусается и царапается.

– Ну влей ей водки в пасть, не знаешь, как с бабами обращаться.

Светало. В лицо Веронике подул прохладный ветер. Она открыла глаза и не понимала где она находится. Вокруг были деревья и кустарники. А она лежала на траве почти голая, в одной футболке, ноги были расставлены в стороны.

– Что произошло? Что было вчера? Она ничего не могла вспомнить. Сильно болела голова, плечи, ноги. Она с трудом села. Увидела рядом грязные брюки и рваные трусы. Вероника одела брюки и сидела, держась за большую голову. Губа была разбита, а на ней засохшая кровь.

– Мы вчера с Никитой поехали в ресторан. Там к нам начали приставать трое бандитов. Он меня избил и изнасиловал. А. Еще он водку в меня вливал прямо в рот, гад, я чуть не подавилась.

О Боже! Никита! Где он? Он даже не заступился за меня. Парень называется, муж. Она плакала.

– А где же Никита? Сбежал? Нет его же вчера били. Она

встала и начала ходить между кустарников и деревьев. Вероника услышала тихие хрипы и стоны. Прислушалась. Пошла на звук.

– Никита! Никита! Он лежал весь в крови. Голова была разбита. Один глаз распух, отек, потому не открывался. Одной рукой он держался за живот, между пальцев сочилась кровь. Другую держал на груди, там тоже было много крови.

– Никита! Она бросилась на него и плакала.

– Не надо Вероника, ты можешь испачкаться в крови. Он говорил очень тихо, из груди доносились хрипы.

– Никита! Я сейчас вызову скорую. Найду врача.

– Не надо. Вероника. Поздно. Да и нельзя нам светиться. Наломай веток, какие сможешь. Накидай на меня хворосту побольше. Может никто не найдет. А то если найдут меня. То и тебя вычислят. Вероника. Я тебя...

Со рта Никиты потекла кровь. Он затих и больше ничего не говорил, не хрипел.

– Никита! Никита! Она долго смотрела на него ничего не понимая, что происходит.

– Никита! Скажи хоть, что-нибудь. Никита! Она легла рядом с ним. Положила голову на его плечо и прислушивалась к тишине, ждала от него слов или шепота, или хрипа. Но только птицы щебетали на деревьях, перелитая с ветки на ветку, разбивая тишину леса.

Вероника даже не помнит, как дошла до дома. Сумерки сгущались. Голова ничего не соображала. Она как будто

умерла вместе с ним, осталась там в лесу. А какая-то неизвестная ей сила, на невидимой веревке тащила ее вперед, домой. И только утром проснувшись от страшной тишины, она закричала во весь голос.

– Никита! Она долго слушала тишину. Никита! Произнесла она шепотом.

Уже к обеду, изрядно выпив самогона, который ее никак не брал, как ей казалось, она начала громко хохотать.

– Ну и ладно. Да и пошли вы все подальше. Кричала она на весь дом, икая. И без вас всех проживу, потому, что я богатая, свободная, молодая и красивая. Она не помнит сколько она уже дней пила, пока ее не стало тошнить и рвать. Она уже не могла больше пить, только лежала на кровати, пила воду и обливала ею лицо.

Лена

Светловолосая, милая, курносая девушка. Они с мамой недавно переехали из поселка Колотушки в город. Где жили с бабушкой. Надя, мама Лены, сразу нашла в городе работу в киоске. Работа была круглосуточной, там же и ночевали. Лена мечтала быть портнихой, потом стать модельером, чтобы красиво модно одеваться. Она в городе поступила в швейное училище.

Отца она своего не помнит. Мама говорила, что он их давно бросил, ушел к другой женщине. Очень скоро Надя в городе нашла себе молодого мужчину, который снимал квартиру. Лена работала в киоске, а ее мама переехала к новому мужу, потому что они начали часто выпивать.

– Почему бы не выпить, если есть деньги, он хорошо зарабатывает. Говорила Надя дочери. Вскоре Лену попросили уйти с работы, потому что ей только 16 лет, а мама там уже давно не появлялась. Лена переехала жить с мамой и отчимом. Николай часто придирался к девочке и открыто приставал к ней, когда мать спала пьяная. Лена жаловалась маме.

– Ну и что? От тебя что убудет если он там тебя пощупает за сиську? Я в киоск работать больше не пойду. С меня хватит, иди и работай. Девка уже здоровая, сколько тебя содержать можно? Другие дети, вон уже работают, зарабатывают

хорошие деньги и родителей кормят. А ты все за мамину юбку держишься. Я еще молодая, мне для себя пожить хочется. Иди и живи где хочешь, раз тебе здесь не нравится.

Лена уже начала подумывать, чтоб переехать снова к бабушке. Там она дружила с парнем. Он был старше ее и уже работал. Он просил ее не уезжать, а перейти жить к нему. Но в поселке негде было учиться.

В очередной раз, когда отчим ударил Лену, она упала на кровать, а отчим схватил ее за ноги и пытался снять трусы, она выскользнула из них и убежала. Прихватив со стола деньги на дорогу. Она ехала на вокзал в слезах. Ей было себя так жалко, что судьба с ней так не справедлива.

Лена ехала в купейном вагоне. Она уже почти успокоилась, что на этом все закончилось, что она скоро будет жить у бабушке или у жениха.

Последние попутчики вышли, она осталась в купе совсем одна. Из соседнего купе доносилась музыка и разговор мужчин. Ей очень хотелось есть, но денег на еду не было. Лена вышла в коридор, чтобы узнать у проводника, скоро ли ее станция.

– Ой, далеко еще милая, можешь всю ночь спать спокойно. Утром, может к обеду только приедем. Так что отдыхай милая. Когда она шла обратно, из соседнего купе вышел парень, вернее вывалился, они там веселились и боролись.

– Ой милая девушка, извините, что мы вас немного толкнули. Поверьте, мы этого совсем не хотели.

– А как звать прекрасную незнакомку?

– Лена.

– О Елена прекрасная, я не ошибся. А куда едет наша попутчица Лена?

– К бабушке.

– О! Красная шапочка тоже ехала к бабушке, но страшный серый волк съел ее и ее бабушку.

– Серый волк не съел Красную шапочку, потому, что она позвала охотника.

– О! Вы не только прекрасны, но еще и эрудированы. А мы молодые врачи студенты, едем на практику. Я Александр, это Григорий, а это светлая голова нашего вуза, Сергей. А у нашего Сережи сегодня день рождения и мы просим, нет мы просто умоляем вас присоединиться к нашему столу.

– Нет. Нет. Просто я устала и хочу прилечь отдохнуть.

– Ну что вы, вы можете и у нас прекрасно отдохнуть. Парни тихонечко, осторожно, заговаривая Лены зубы, двигали ее в купе. Она даже не поняла, как она оказалась в купе и уже закрылась дверь.

– Сережа наливай гостье штрафной.

– Нет. Нет, что вы я совсем не пью.

– Мы тоже не пьем, мы просто угощаемся. Гриша позже стоняет, купит шампанское, а пока только пригубите, уважьте именинника, а то видите какой он грустный. Сергей, изображая унылое лицо, сдвинул брови, скривил лицо. Александр поднес стакан с водкой к губам девушки.

– Ну откройте свой прекрасный ротик, ну пожалуйста. Парни влили в рот девушки большой глоток водки, она закашлялась, ей подали кусочек яблока.

– Закусывайте. Лена вчера не ужинала и сегодня весь день в дороге, ничего не ела, только пила воду из-под крана. Голова сразу закружилась. Ей сразу стало так хорошо, спокойно, захотелось спать.

– Ой. Я наверно пойду к себе, а то меня начнут искать.

– А мы скажем, что вы у нас. Ну еще один маленький глоточек на посошок. Гриша снова влил в рот девушке большой глоток. Она закашлялась, потекли слезы.

– Закусочка. Закусочка. Через несколько минут, она уже ничего не соображала, все плыло, веки стали тяжелые.

– Ну и по русскому обычаю, Бог любит троицу. Когда вливали третий раз, она уже не сопротивлялась, она уже наполовину спала и ничего не соображала. Лена повалилась к парню на грудь, который ее обнимал. Он положил ее на подушку.

– Ух. У болтали девку. Птичка в клетке. Теперь можно спокойно выпить и подумать, как мы будем делить наш трофей, нашу добычу на троих.

– Не трогайте девчонку, она же совсем еще ребенок.

– Ты не хочешь, не трогай, нам больше достанется. Ха. Ха. Ха.

– Я сказал. Отпустите девчонку.

– А то что? То, что ты сейчас рядом с ней будешь лежать.

Хочешь? Мы тебе можем это устроить.

– Вот именно. Завязалась драка Александра с Сергеем. Григорий ударил Сергея по голове пустой бутылкой. Он обмяк и повалился на пол, как тряпка.

– И всего делец-то, веселился Григорий. Ну что? Разыграем жребий?

– Давай.

– Ой. Не люблю я этих целок, столько крови от них, а удовольствия мало. Возмущался Григорий.

– Не надо было лезть первым, если не любишь.

– Слушай. Надо этим двоим влить водки, а то очухаются.

– Пейте. Пейте. Сладкая парочка.

– Ну что? Еще по разику или сначала накатим?

– Спрашиваешь? Конечно сначала накатим.

– Слушай. Давай девку наверх закинем, а то разлеглись они тут, заняли нижние полки, людям присесть негде.

– Давай закинем. Взяли. Вот теперь хорошо.

– Давай еще накатим, да этим вольем. Да поспим немного.

Ночь все-таки.

– Давай.

Проснулись к обеду.

– Слышь, Гриша, надо что-то с девкой делать?

– А что?

– Скоро станция конечная. Она тоже там живет. Да и встретиться можем, ментам на нас пальцем укажет. Я не собираюсь париться. Знаешь сколько за малолетку дают?

– А что делать то будем с ней?

– Надо избавиться.

– А как мы избавимся?

– Выкинем в окошко. Да и дельце сделано.

– Да она же сдохнет.

– Ну и хрен с ней. Не будет без присмотра болтаться. В следующий раз умнее будет.

– А когда в следующий раз? В следующей жизни?

– Вот именно.

– А если увидят? Надо было ее ночью выкинуть, сейчас уже светло.

– А кто поймет, что там с окна выпало, может чемодан не нужный, пустой выкинули, вагоны почти пустые едут.

– Ну вот. И всего делец-то. Да и этого надо было бы тоже выкинуть, до кучи, как свидетеля.

– Да он же тяжелый. Поднимать его, надрывать.

– Скажем ему про девку, что мы спали, а когда она ушла не знаем, не видели.

Выкидыш

Вероника уже проснулась. Но глаза не хотела открывать. Сознание ее уже работало, а тело еще никак не хотело отойти от сна. Она прислушивалась к тишине. Она думала, что никогда больше не услышит его шагов, его тихого голоса, его поцелуев, которыми он будил ее по утрам.

Ей стало так грустно, там, где было сердце, появилась пустота, тоска, боль. Появилась боль в глазах, в висках. Под закрытыми веками появились горячие слезы, они растекались по вискам и попадали в уши. Она повернулась лицом в подушку и плакала.

– Никита! Никита! Шептала она сквозь слезы. Ей так захотелось сходить на то место, где они проводили свои первые романтические дни в лесу, там, где палатка на дереве, там, где волки ее охраняли. Собачка во дворе заскулила.

– Наверно хочет кушать или пить. Надо вставать. Собрав немного еды и воды, она отправилась в путь.

– Так здорово в лесу! Чистый прохладный воздух. Пенье птиц. А на солнечной полянке жужжат над цветами пчелы и лохматые шмели. И такие большие, золотистые и разноцветные бабочки. Какие они все разные, эти бабочки. Разноцветные, расписные. Как будто кто-то их ловил по одной и специально раскрашивал кистью.

– Вот и наша большая береза, и палатка на верху стоит. С далека за листьями дерева ее не видно, а вот она там стоит себе преспокойненько. Вероника залезла по березе, вошла в палатку, легла на спальный мешок. Это все ее Никита делал, своими ручками. Она вспомнила, как он, как обезьянка лазил по березе, все связывал. Какой он был все же умница, она опять заплакала.

– Ну пусть стоит. Никита не успел ее разобрать, может кому-то пригодится, может какой усталый путник увидит, залезет, отдохнет, поживет в ней. Поблагодарит человека, кто сотворил жилище на дереве.

Вероника услышала звук приближающегося поезда. Встала, вышла посмотреть. Поезд был еще далеко, его почти не было видно. Но он стремительно приближался. И вот она увидела его, такой большой и красивый. Когда-то они тоже на таком же поезде приехали сюда с Никитой, а теперь его нет нигде, а жизнь продолжается без него, как жалко.

Еще не доехав до нее, она увидела, что с окна одного вагона выпало что-то тяжелое, большое и округлое. Похожее на силуэт человека. И это что-то упало на край насыпи и покатилося по горке в траву. Поезд промчался дальше. У Вероники появилось в сердце неприятное, тревожное чувство.

Она слезла с березы и побежала к тому месту где ей показалось, что что-то выпало с поезда. Она бежала вдоль железной дороги по оврагу, но ничего не находила.

– Может еще не дошла? Нужно идти еще дальше. Она все

шла и шла, и шла. Она уже так устала, села отдохнуть.

– Может мне все это показалось, глюки? Нет я видела, что я дурочка, просто было далеко. А когда идешь кажется, что много прошла, а на самом деле мало. Значит еще не дошла, надо еще идти. Я не могла пропустить, оно не могло далеко от дороги закатиться. Надо идти дальше. Она встала и снова пошла. Она все шла и шла, и шла, раздвигая высокую траву и кусты, уже теряя надежду, что-то найти. Но она была настырная, любопытная.

– Должна же я что-то найти, что-то большое? Может кому-то нужна моя помощь? Мне торопиться некуда, могу так долго еще идти.

– Да наверно это были просто глюки. Может мне это просто показалось. Надо идти обратно. Сейчас посижу немного и пойду домой. Сколько можно тут ходить? Она немного посидела, встала и уже хотела уходить. Но ноги почему-то сами пошли дальше. И вот буквально в пяти метрах от того места где она только что сидела, она увидела ее.

Вероника стояла, как столб и не верила своим глазам. В высокой примятой траве лежало окровавленное тело девушки. Она была маленькая, худенькая, почти как ребенок. Светлые слипшиеся от крови волосы лежали на бледном лице редкими прядями. Руки и ноги окровавленные, раскиданы в стороны.

Вероника раздвинула траву, села на корточки и смотрела на девушку, от нее сильно пахло алкоголем. Вероника дума-

ла, что же теперь делать. Она вспомнила Никиту, как он лежал в лесу, окровавленный и умирал.

– Наверно пока я искала ее, она уже умерла. Из закрытых глаз текли слезы. Девушка наполовину открыла затекшие глаза, посмотрела на Веронику.

– Помогите. Произнесла она шепотом, пересохшими, белыми губами.

– Да милая, я сейчас кого-нибудь позову. Вероника сломала большую пушистую ветку, воткнула ее в насыпь горки, рядом с железной дорогой, чтобы потом можно было быстрее найти девушку. Она бежала вдоль железной дороги, задыхаясь, вытирая соленый пот с лица.

Раскаленное солнце иссушало ее пересохшее горло, зеркальные рельсы слепили глаза, а она все бежала. Бежала к людям, ей так хотелось спасти эту девочку, которая просила о помощи. На краю поселка она увидела людей.

– Врач нужен срочно. Где найти врача? Где больница?

– Нет у нас врача. Тем более больницы.

– А куда вы обращаетесь, когда заболите?

– К Стефании.

– Она врач?

– Нет. Она местная знахарка. Она всех лечит травами и молитвами.

– Где мне ее можно найти?

– Через 3-4 избы, увидите большой, высокий дом, там и живет наша Стефания.

Вероника забежала во двор дома. Из небольшой будки высунула морду черная собака, она посмотрела на запыхавшуюся Веронику, зевнула и положила свою голову на лапы. Вероника по ступенькам зашла в прохладный дом. Она увидела женщину лет 40-50 сидевшую за столом.

– Стефания помогите. Там девочка умирает, ее скинули с поезда, ей нужна помощь.

– Стефания там в доме, а я Люда, ее помощница. Люда провела Вернику в огромную комнату.

– Матушка. К вам пришла девушка. Вероника посмотрела по сторонам, но никого не было видно.

– Вижу. Послышался тихий, грудной голос из-за сетчатой занавески. Вероника разглядела силуэт женщины.

– Там девочка умирает, ее сбросили с поезда, ей нужна помощь.

– Как звать девочку?

– Я не спросила.

– А надо было спросить. Я бы за нее помолилась.

– Она умирает. Ей нужна помощь.

– Ты лучше о себе подумай. Тебе себя спасать надо.

– В каком смысле?

– Ты же обосралась. Громко и грубо, произнесла женщина.

– Я? Что? Вероника опустила голову, посмотрела на свои брюки и увидела, что по ее ногам сквозь брюки течет кровь. Она поняла, почему так удивленно на нее смотрели люди на

улице. Острая боль пронзила низ живота, она схватилась за живот обеими руками, закричала от боли и повалилась на пол без памяти.

Стефания

Вероника открыла глаза. Покрутила головой. Она лежала в небольшой комнате, на широком топчане, на соломенном матрасе, на соломенной подушке, укрытой пледом. Вокруг незнакомая обстановка, незнакомая мебель, занавески, посреди комнаты стоял стол. За ним сидела женщина, перебирала травы и складывала их в мешочки.

– Пришла в себя девонька.

– Где я? Почему я тут лежу? Сколько прошло времени?

– Ты у нас дома, милая. Вот уж, почитай, как 3 дня. Ты потеряла сознание. Выкидыш у тебя случился. Не уберегла ты милая своего дитя.

– Какого еще дитя? Какой выкидыш?

– Матушку благодари, что спасла она тебя, уже на тот свет ты отходила милая. Выходили мы тебя. Вероника села, спустила ноги на пол.

– Сначала обезумев ноги раздвигают, потом удивляются, какое дитя. Послышался скрип половиц в доме и стук палочки о деревянные полы. В комнату вошла не высокая, средней полноты женщина, в темных длинных одеждах, с покрытой головой. Из-под темного платка выбивались белые пряди волос. Она шла медленно, опираясь на деревянную резную палочку. Женщина присела на деревянное кресло в центре

стола.

– Значит девочка умерла. Никто ей не помог. Грустно сказала Вероника и опустила голову.

– Вот учись и будешь помогать людям.

– Я? Разве я смогу?

– Сможешь. Тебя и природа местная признала и фауна, и флора. Ты избранная.

– Волки?

– Да. Ты смелая, сильная, молодая, умная. Мне нужна приемница. 95 мне уже, помирать хочу, устала. Не отпускают меня. Ученица мне нужна, тогда смогу спокойно умереть.

– А Люда?

– Людка? Давно у меня, с девок почитай, годков 30 с лишним будет, как мне служит. Она исполнительная, трудолюбивая, хорошая, но глуповатая, не потянет она. Подумай. Тебе все равно деваться больше некуда. Пропадешь ты, если откажешься.

– Почему? Это я пропаду?

– Ни в зад, ни в перед, тебе уже нельзя. Богатство твое, на нем кровь, ненависть, проклятье.

– Откуда вы про богатство знаете?

– Я все милая знаю. Тебе нужно от него избавиться

– Закопать что ли? Или сжечь?

– Можно и сжечь. Но пусть оно лучше людям послужит. На строительство новой церкви отдай. Возьму грех на душу.

Господь милостив, простит. Она перекрестилась и поцеловала крест.

– Что бы к тебе не было вопросов, откуда такие деньги и драгоценности взяла? На меня сошлись. Скажи мол, матушка Стефания, жертвует на строительство храма. Я тут уже давно живу, подумают, что это мои сбережения. Но отдай сразу все. Утаишь малое, потеряешь большее. Как надумаешь, все сделай, как я велю. Ко мне на порог, ты должна войти в чем есть. К новой жизни. Старую жизнь оставишь за порогом этого дома.

– А как же жить без денег? Нужна еда, одежда.

– А как птица живет? Она утром просыпается и поет. Не думает, на что ей еду купить. И впрок она ничего не заготавливает. Господь ей помогает. А как мы с Людой живем без денег? Господь нам помогает, людей добрых посылает. Нуждающиеся в благодарность приносят нам, кто, что может. Нужно только честно служить людям.

Незваные гости

Вероника вернулась в свой дом. Пустой и прохладный.

– Как я здесь буду жить одна, без моего Никиты? Она плакала, уткнувшись в подушку.

– А что это я реву тут как дура? У меня, есть дом, много денег, с голоду не помру. Я молодая, красивая, свободная. Найду себе работающего парня с поселка, поженимся, нароем детей и будем жить большой, дружной семьей. Она достала с погреба мешочек с драгоценностями. Стала надевать на себя браслеты, кольца, цепочки. Как можно такую красоту отдать добровольно чужим людям? Проклятье. Какое тут может быть проклятье у такой красоты?

– Никто же не знает про эти деньги и драгоценности. А эта колдунья знает? Но она же никому не расскажет, что она дура что ли? Буду жить тихо, скромно, как говорил Никита. Не послушала я его и погубила моего Никиту. Какой он был хороший, добрый, умница просто. Из-за меня, дуры такой умер. Но я теперь буду умней. Не буду светиться. Брать понемногу, на необходимые вещи и еду. А когда найду себе хорошего парня, тогда мы с ним уже заживем. С такими мыслями она и уснула.

Вероника проснулась.

– Вот оно и утро нового дня. Как хорошо, что я вчера при-

няла правильное решение. На душе теперь стало спокойно и весело. Она улыбалась. Вышла во двор, покормила Мишку. Поиграла с ней, попрыгала.

– Вы вернулись? Соседка ее окликнула. А я слышу собачка скулит, вас нет. Ну я ее эти дни подкармливала, воду наливала, жарко. Все смотрела, вернетесь вы, или навсегда уехали? Забрать собачку или вас подождать.

Вероника прибрала в доме, помыла посуду. Теперь она здесь хозяйка. Выбросила мусор, вышла во двор подмести, прибрать. И тут она услышала звук мотоцикла. Но здесь ни у кого не было мотоцикла. Она выглянула из калитки. Да, точно, в ее сторону, на большой скорости ехал мотоцикл. Она спряталась за дровяник. Наблюдала куда дальше поедет мотоцикл. А он остановился у ее калитки. Мотор заглушили, с него спрыгнули три парня. Они остановились и осматривали местность.

– Похоже, что это та избушка, зеленое крылечко. Мишка сильно лаял, но слова можно было разобрать. Вероника увидела сквозь щель дров и узнала тех парней, вернее двоих из них точно. Она запомнила особенно одного парня. У него на правой щеке была большая черная родинка, он был смуглый, черные волосы.

Это был он, тот что ее бил и насиловал. А другие убивали Никиту. Вероника тряслась в нервном тике. Она понимала, что обнаружить себя сейчас было смерти подобно. Потому, что это были не люди, это были бандиты, зверские, хладно-

кровные убийцы.

– Ну что будем делать?

– Зайдем, она в доме одна.

– Нет, сейчас день, светло, вокруг люди. Вон видите в огороде копаются. Зайдем ночью и возьмем ее тепленькую.

– Серый говорил, видно, у них там хорошие бабки.

– А я чую. Я чую большие деньги. Я чую их запах. Просто воняет деньгами большими. Никуда она от нас не денется.

– А если убежит? И прихватит наши денежки?

– Я ее по следу найду. Я как собака, чую деньги, а здесь, я чую деньги и не малые.

– Может лучше зайдем в дом и порешим ее по-тихому?

– Нет. По-тихому не получится. Она будет орать. Сбегутся люди, с вилами, граблями, топорами. Это кошка не из робкого десятка. Знаешь, как она Кольку кусала, все лицо ему поцарапала.

– Да она бешенная, дичка.

– Но ночью она тоже будет орать, разбудит соседей.

– Ночью все спят, закрывшись по своим избам. Ночью никто не выйдет, побоятся. Мало ли кто ночью орет. Может бабка от оргазма. Ха. Ха. Ха.

– А собака будет лаять?

– Собаку усыпим, Серый обещал. Мотоцикл оставим на краю поселка, пойдем пешком. Серый сказал, что с нами ночью пойдет.

– А девку-то сразу порешим или сначала по кругу пустим?

– А что, добро-то пропадать будет, убить-то мы ее за всегда успеем.

– Ох. Потешимся на славу.

– Что ты так радуешься, тебе что своих баб не хватает?

– Те сами лезут, уже надоели, а хочется молодую, строптивую, дикую кошечку.

– Ладно. Все. По коням.

– Запомни ли место?

– Собачка не подведет, укажет свое расположение в точности.

Бандиты уехали. Только когда рев мотоцикла почти не был слышен, Вероника осмелилась выйти из своего убежища. Ноги затекли, сильно болели. Пока она сидела в засаде. Она не то, что пошевелиться, она дышала через раз. Настолько она была напугана. Ведь так близко она сидела от калитки. Она боялась, вдруг нечаянно заденет какое-то полено, оно упадет, все развалится, они ее увидят.

– Ну вот и все. Так сама собой решилась моя судьба. Бежать! Бежать! Быстрее, дальше. Снова бежать. Снова погоня как в фильме. Бабушка была права. Нужно избавиться от этих проклятых денег. Не дадут они мне покоя нигде. Надо же. Как он говорил: Чую запах денег как собака, по следу найду. Разве это возможно? Вот так дела. Как их можно чужать? Разве может быть у них запах. Бумажки, они и есть бумажки.

Вероника уже бежала по лесу, спотыкаясь о кочки травы.

Она закрыла дом, ключи отдала соседке. Сказала ей, чтобы она забрала Мишку.

– А то эти сволочи обещали ее усыпить, а вдруг собачка умрет. А еще она сказала ей, чтобы днем зашла в дом и забрала все их вещи и продукты, что они с Никитой сюда больше не вернутся. Уезжают в город на работу.

Вот она и церковь, старая, поникшая и видно, что скоро завалится при большом ветре. Прихожан не было. Один батюшка стоял и молился возле небольших икон.

– Заходи девушка. Ты исповедаться? Или помолиться? Что-то я тебя не видел раньше.

– Я от матушки Стефании. Она передает вам деньги на строительство храма.

– Что? Эта старуха перед смертью решила откупиться деньгами за свое грехопадение? Что совесть замучила? Но никакие деньги ей не помогут.

– Эти деньги на строительство храма. И что бы ни одна копейка не пропала, чтобы все пошло в дело. Мы будем следить, как ведется строительство. Сказала она строго.

– Мы придем и проверим.

– Кто это мы?

– Потом узнаете. Вероника поставила свой рюкзак с деньгами и драгоценностями на пол и пошла на выход.

– Безбожники! Кара небесная настигнет вас! Вероника остановилась, посмотрела на батюшку, улыбнулась, ухмыльнулась и вышла из храма.

И так ей стало легко и свободно, и весело. На душе была такая радость, счастье. Она смотрела в небо и чувствовала, как ей аплодируют ангелы и радуются вместе с ней. И небо, и речка, и все цветы, и деревья – все радуются и улыбаются. И солнышко, и облака, и птицы, и бабочки, и лохматые шмели, и пчелы. И она почувствовала в себе, такую жизненную силу, что могла обойти пешком весь земной шар.

Часть вторая

Ведающая мать

Обстоятельства решили судьбу Вероники. Теперь у нее была только одна дорога, к Матушке Стефании. Она еще не знала, что ее ждет впереди. Но она уже точно знала, что там у нее, она найдет защиту от многочисленных бандитов.

Вероника зашла в калитку. Из небольшой будки выглянула большая морда черной собаки. Она как обычно зевнула, положила голову на лапы и внимательно смотрела на девушку.

По двору важно расхаживал огромный, черный петух. Он остановился, вытянулся по струнке, как бы отдавая ей честь, раскрыл огромный рот и во все горло, громко прокукарекал ей приветствие. Махая огромными, черными крыльями. Раскрыв их до земли, как два веера, бил ими о свои черные бока и черные лапы. Потом как бы спохватившись, замотал головой в разные стороны, сверкая на солнце черными, блестящими сережками, побежал огромными прыжками к своим подружкам.

Возле окна у избы стояла широкая скамейка, на ней в холодке, лениво развалился черный кот. Он немного приоткрыл один глаз, посмотрел на Веронику. Встал на четыре лапы, потягиваясь накрепк все тело, вздрагивая от удоволь-

ствия. Широко, звучно зевнул и снова лег на лавку на другой бок.

Вероника вошла в дом. В небольшой комнате, в кресле за столом, уже сидела Стефания. На лавке рядом за столом сидела Люда, перебирая траву.

– Я пришла. Матушка. В чем была. Я сделала все, как вы велели.

– Я ждала тебя, Вероника. Я знала, что ты примешь правильное решение. Она посмотрела на Люду.

– Иди, все сделай, как я тебе велела. Она строго посмотрела на Веронику.

– Первое. С чего мы начнем, это будет обряд очищения. Ты же не станешь в грязный сосуд наливать святую воду, чтобы испить ее. Испытание очень сложное. Но ты должна его пройти с достоинством.

– Ты, одна 40 дней будешь находиться в закрытой, пустой комнате, на хлебе и воде. Даже монахи уходили из мирской жизни в леса чтобы молиться. Без хлеба и воды, уединялись, питаясь травами, кореньями, ягодами, проходили очищение. В последствии они становились святыми, лечили и служили людям.

– Наш Христос 40 дней провел в пустыне, без еды и воды. Испытуемый дьяволом. За эти 40 дней ты должна не только прочитать, но и выучить наизусть все молитвы и заклинания так, чтобы ты их читала без запинки на память, даже если тебя разбудят среди ночи.

– Такая работа ждет тебя девонька. Бывает так, что чтобы спасти больного, вытащить его из лап смерти, приходится 40 дней сидеть на хлебе и воде. Ты должна быть к этому готова. Для этого ты должна быть сильной, смелой и выносливой. Это пока все, что ты должна знать на сегодняшний день. Обратной дороги у тебя нет. Ты должна помнить это всегда. Иди милая с Богом. Она перекрестила Веронику в спину и поцеловала свой нательный крестик.

Испытание первое

Вероника вошла в небольшую, бревенчатую комнату, огляделась. Больших окон не было, лишь два окна под потолком с одной стороны и два окна, с другой стороны. У стены стоял небольшой топчан, укрытый самотканым пледом, под которым виднелась свежая, ароматная солома. С другой стороны стены небольшой стол с лавкой, на небольшом блюде лежала горка сухарей, большое ведро с водой и кружка.

У входа у двери умывальник с водой, полотенце, под ним ведро. Рядом стояло ведро с крышкой. В углу комнаты, с восточной стороны, икона Пресвятой Богородицы с младенцем, ниже горела лампадка. Под ней на небольшом низком столике, лежали книги и свечи.

Одна книга о жизни святых монахов, вторая молитвенник, третья книга заклинаний. Вероника решила, что пока светло в комнате, не терять времени, почитать книгу о жизни святых монахов. Она попила воды, села на лавку за столом, где падал свет с небольшого оконца и начала читать.

Сначала было очень интересно, потом глаза начали закрываться, она уже не видела строчки, они одна на другую наезжали, глаза закрывались. Она их снова открывала, пытаясь что-то прочесть, понять, опустила голову на книгу и уснула.

Ей снился монах, который жил в лесу. У него была боль-

шая белая борода, длинные седые волосы, на голове черная обтягивающая шапочка и длинные до пола темные одежды. Он ходил по лесу, рвал травы и листья, клал их в рот, который не было видно из-за бороды и усов. Собирал грибы, орехи, ягоды в небольшое лукошко из прутьев.

Одна рыжая с пушистым хвостом белка, спрыгнула с дерева на его плечо, села не его руку, а он кормил ее орехами. Потом он заходил в небольшой бревенчатый сруб, вставал на колени перед небольшой иконой, читал молитвы, крестился, кланялся до пола. А иногда он долго так стоял на коленях в поклоне.

Утро. Вероника проснулась радостная, она хорошо выспалась, хоть и сидела за столом.

– Я читала про Серафима Саровского. Значит это его я видела во сне. Она отломала соломинку и положила на стол.

– Вот и прошел один день, осталось всего 39. Она умылась, взяла сухарик, разломала его пополам, другую половину положила обратно.

– Это мне нужно будет растянуть на 39 дней. Поела сухарик, попила воды, взяла молитвенник, перекрестилась, как это делала матушка и начала читать молитвы. Попадались непонятные слова и обороты речи, она с трудом понимала прочитанное. Она положила книгу, легла на скамейку с соломой.

– Это что, все развлечения? Только читать молитвы и все? Да. Скучновато. Она прислушивалась к тишине дома.

– А когда кончатся сухари, что буду жевать солому? Да, жизнь не веселая. Да разве я смогу так прожить 40 дней? Я есть хочу! Она подошла к столу и начала есть сухари.

– Какие они все же вкусные. Она взяла первую книгу, читала, ела сухари и пила воду. Посмотрела на кучку.

– Сдурела совсем. Я съела половину. Что же я буду есть остальные 39 дней? Все. Сегодня есть не буду. Она легла на лавку и тут же уснула.

Утро второго дня. Вероника потянулась, открыла глаза.

– Где я? А. Я же еще в этой избушке. Она отломилла соломинку положила на стол.

– Вот. Уже 2 дня прошли. Осталось всего 38 дней. Вероника посмотрела на горку сухарей, она выросла. Стала еще больше чем была раньше.

– Значит Люда приходила ночью, пока я спала. У! Можно жить! Это значит, что сухари можно не экономить. Она умылась. Кушать пока не хотелось. Она взяла молитвенник в руки, полистала.

– У. Да тут же их много, а еще и заклинания. Как же я их все выучу? Осталось всего 38 дней. Что же делать? Она вспомнила, как ее мама учила запоминать стихи. С вечера она их читала, читала, несколько раз, потом повторяла, пока не запомнит. А утром, как только просыпалась, сразу вспоминала и читала их наизусть. Потом еще весь день повторяла.

Вероника решила, что будет их не все читать, а каждый

день заучивать по одному заклинанию и по одной молитве, если маленькие, то можно по две.

И так изо дня в день, Вероника ходила и бубнила себе под нос молитвы или заклинания. Так каждый день стал похож один на другой. Она поняла, что это теперь ее работа. Она понимала, что матушка в нее верит и она должна оправдать ее надежды. Кучка соломок прибавлялась, а Вероника как подорванная, целыми днями все ходила по комнате и бубнила, даже когда ложилась спать и утром, когда вставала, сразу читала.

Прошло уже много дней. Ночью, когда она спала, открылась дверь, вошла матушка. Тихонько подошла к ее постели.

– Вероника. Ты такая умница, прилежная ученица, все так быстро запоминаешь. Зачем тебе это надо? Дверь открыта, выйди на улицу, походи по лесу, погуляй, нарви цветов. Беги отсюда. Зачем тебе это надо? Ты же еще молодая, красивая, у тебя вся жизнь впереди. Там на улице встретишь хорошего парня. Он будет любить тебя всю ночь. Как любил тебя Никита. Будет целовать тебя, как целовал Никита. Родишь ему кучу детей. Он ждет тебя на улице. Выходи на улицу, сплетешь себе венок из цветов и счастья.

Она вдруг начала громко хохотать. В другой стороне комнаты появилась тоже матушка и она тоже громко хохотала. Потом третья, четвертая, пятая. Комната наполнялась матушками, они все громко хохотали.

– А! А! А! Закричала Вероника от страха и проснулась.

В комнате было темно. Только лампадка горела. Вероника встала, зажгла свечу, ходила по комнате со свечой и читала молитвы. Она уже больше не ложилась спать.

Прошло несколько дней. Вероника проснулась среди ночи. Она села на топчан. В руках у нее была книга. И вдруг она начала сама открываться, а из нее полезли, с блестящими чешуйками, черные змеи. Они сразу поползли по телу, по рукам. Такие холодные, мерзкие. Они шипели и протяжно шептали:

– Уходи, а то ужалим. Вероника начала кричать и стряхивать их с себя. Она проснулась. Подбежала к столику и зажгла сразу две свечи. Ходила по комнате и громко читала молитвы.

Вероника спала и вдруг она открыла глаза. Рядом с ней на лавке сидел Никита. Она села.

– Ты пришел? Ты живой Никита?

– Я пришел за тобой. Пойдем со мной. Пойдем ко мне. Мне без тебя так плохо. Она хотела его обнять. Как вдруг по его лицу потекла кровь.

– Ты виновата в моей смерти! Ты! Я пришел за тобой! Зло кричал Никита. Он холодными руками схватил ее за горло и начал душить.

– Ты тоже сейчас умрешь!

– Нет! Нет! Уходи! Это не ты! Уходи! А! А! А! Вероника проснулась, побежала зажгла свечи и читала молитвы.

Она уже боялась спать. Она читала и читала молитвы, хо-

дила по комнате, пока без памяти не падала на пол и засыпала. Она уже потеряла счет дням. Ей казалось, что она уже здесь целую вечность и что это уже никогда не закончится. Ей стало казаться, что она уже давно умерла и попала в ад за свои злодеяния. Она уже не помнила, когда она ела или пила воду. Она уже не понимала, где она и кто она. А когда лежала на полу, она приходила в сознание, то снова читала молитвы, пока снова не теряла сознание. Она увидела маму.

– Доченька. Я нашла тебя. Я люблю тебя. Она ее обнимала. Ей было так тепло и хорошо. Когда Вероника открыла глаза. Она лежала во дворе на лавке и теплое солнышко согревало ее.

– Лебедушка наша очнулась. Перед Вероникой стояла Люда и плакала. Она помогла Веронике сесть, положила ей под спину подушку, набитую соломой. Подала ей стакан теплого молока. Но руки совсем не слушались, они весели как веревки. Люда поднесла к губам молоко.

– Пей молочко. Совсем ослабла наша голубка сизокрылая. Как хворостинка стала. По ее щекам текли слезы, она их быстро вытирала кончиками платка, а они снова лились. Вероника выпили стакан молока маленькими глотками. В животе забурчало. Как будто новая жизнь вошла в ее бледное, исхудавшее тело. Она улыбнулась.

– Ну что ты Люда плачешь? Живая я, живая.

– Натерпелась милая, бедная наша девочка. Мы слышали, как ты кричала. Только матушка не велела прерывать твое

лечение. Она только молилась и говорила, что ты сильная, ты справишься, ты сможешь. Она в тебя верила.

– Приляг милая, отдыхай. Она уложила Веронику на топчан, под голову положила подушку, укрыла пледом.

– Все самое страшное позади, милая. Отдыхай на солнышке, намаялась лебедушка. Она присела рядом, всхлипывая и вытирая слезы.

–К Веронике подошел кот, он долго смотрел на нее. Умылся, облизывал свои лапки. Потом запрыгнул к ней на лавку, сел на ноги. Долго своими лапками топтался по ее ногам. Наконец уместился и сладко мурлыкал, потом заснул. К ногам Вероники пошло такое тепло, ей стало так хорошо и спокойно. Она заснула. На ее лице была легкая, счастливая, победоносная улыбка.

Крещение

Через три дня матушка велела Люды позвать Веронику к себе. Стефания сидела за прозрачной шторкой.

– Вероника. Первое испытание ты прошла. Это было самое сложное, самое трудное испытание. Но это еще не все. Сегодня будет крещение. Помоешься в бане, как будешь готова я приду. Люда будет с тобой, она будет тебе помогать.

Люда парила, хлестала Веронику веником, чтобы поры открылись. Потом Вероника долго – долго мылась. С нее сползла вторая шкура. Все же 40 с лишнем дней, не мыться. Она сильно терла свое тело мочалкой. Смывала, выходила, отдыхала, а на коже вновь образовывались катыши. Она заходила снова терла себя мочалкой, но кожа снова была покрыта белым налетом. Пока наконец кожа вновь не очистилась, стала розовой, поры открылись. Кожа стала молодой и упругой.

Люда ходила за матушкой. На столике стояла зажженная свеча. Стефания тихо почти не слышно, шепотом читала молитву очень быстро. В конце она громко и четко произнесла – Серафима. Ножницами состригла немного волос с кончиков. Люда обливала Веронику теплой водой с головы до ног три раза, а Стефания читала молитву.

– Забудь свою мирскую жизнь, как и свое мирское имя.

Нарекаю тебя Серафима. Стефания надела на шею Вероники серебряный крестик на черной, плотной, шелковой нитке.

– Целуй крестик. Благословляю тебя на добрые дела. Стефания перекрестила Веронику, перекрестилась сама, поцеловала крестик. Взяла свою палочку и тихонько вышла из бани. Люда обтерла Веронику чистым белым полотенцем. Надела новую белую рубашу, поверх темный балахон, покрыла ее голову белым платочком и отвела ее в новую комнату.

– Кушай и отдыхай, матушка Серафима. Люда поклонилась и тихонько вышла из комнаты.

Веронике выделили в доме большую, светлую комнату. На окнах висели белые в цветочек, веселые шторы. У стены стояла деревянная кровать, с чистой мягкой постелью. Большой стол накрыт скатертью, табуретка и кресло. В вазе стояли цветы и кувшин с молоком, в тарелке стряпня. С восточной стороны иконы, под ними лампадка. Ниже низкий столик, на нем лежали книги и свечи.

Посвящение

На следующий день Веронику снова призвала Стефания.

–Серафима. Следующий этап, посвящение. На кладбище, в бане, в лесу на тропинке. У тебя откроется третий глаз, для тебя сразу откроются сокровенные знания, ты получишь мощных наставников, станешь еще сильнее. Без этого никак нельзя.

Ты можешь сама выбирать, когда ты будешь готова, последовательность не важна. Сложность в том, что ты должна туда пойти одна в 12 часов ночи. Прочешь громко и четко, соответствующее заклинание. Обрато будешь идти не оглядываясь. Но все это нужно будет сделать не за один раз. Как будешь готова приступай.

Я понимаю, это очень страшно, но ты смелая, я буду за тебя молиться. И еще тебе все же придется поторопиться. У тебя будут еще испытания. Уже не такие сложные, но очень нужные. Мы должны все закончить до зимы. Как все сделаешь, дашь знать. Ступай с Богом. Стефания перекрестила девушку, себя и поцеловала крестик.

Вероника решила начать с менее страшного, с бани. Это все же рядом с домом, если что сразу выскочить можно. И не откладывая в долгий ящик, прямо сегодня ночью пойти. Ей уже самой было так любопытно узнать, что же будет происходить в это время.

А кладбище, там очень страшно, она решила оставить напоследок. Она решила так, раз ей откроются какие-то знания после посвящения в бане и в лесу, может они ей могут пригодиться в самом страшном месте, на кладбище.

Весь день она бубнила себе под нос заклинание, чтобы со страху не сбиться и ничего не перепутать. После 11 часов ее уже стало колотить, трясти со страху. В голове рисовались страшные картинки, как ее схватят и куда-то потащат. Но она себя подбадривала, если она выдержала испытание в 40 дней, то это будет всего лишь мгновение. Просто прочитала и ушла.

Вот уже без пяти 12. Она пошла, подумала, что, если она будет читать, значит ее кто-то будет слушать. Значит надо поприветствовать кого-то. Еще она подумала, матушка не говорила закрывать дверь в бане. Значит можно будет зайти за порог с открытой дверью, встать с краюшку, не так страшно будет.

Вероника переступила порог бани. Было темно, страшно. Но она постояла немного, глаза привыкли к темноте, успокоилась, насколько это возможно, в данной ситуации. И начала.

– Привет всем, кто в бане. И вдруг дверь за ее спиной с грохотом захлопнулась. Как будто с наружи ее кто-то со злостью сильно пнул. На нее подул сильный ветер. Ноги ее онемели. Она со страху как очумелая, начала быстро читать заклинание. Но подумала, что никто ее не хватает и никуда не

ташит. И тут она услышала, как сверху по крыше, как будто мелкий дождик застучал.

Уже не помня себя, что она говорит, она как заведенная пластинка, продолжала читать зазубренную речь. Она услышала, как рядом с ней. Кап. Кап. Закапали капли воды, превращаясь в журчание ручейка.

Закончив, не помня себя, она выскочила из бани, забежала в свою комнату. Зажгла свечу, поставила на стол. Не раздеваясь прыгнула в постель. Вытаращив глаза, она смотрела по сторонам. Не прибежал ли кто за ней из бани. Она даже не помнит, как заснула.

Когда она проснулась утром, она смотрела по сторонам своей комнаты. Все стояло на своих местах. Она вспомнила вчерашний поход в баню. Ей сразу стало не по себе.

– Боже! Неужели я это сделала? Нет, сегодня никуда не пойду. Страшно. Отдохну от этого страха, хотя бы один день. Но уже к обеду она подумала, что лес, это же не баня?

– Там открытое пространство. Я же не буду заходить в темную чащу. Тропинки всегда где полянки. Можно встать с краю леса, это же тоже лес. Что там может быть страшного. Там же не закрытое пространство, там небо освещает. Лучше схожу сегодня. Она начала бубнить себе под нос заклинание, которое нужно читать в лесу на тропинке.

Лес был недалеко. Она подсчитала, что за полчаса она дойдет туда спокойно. Вышла во двор и пошла. Она уже не так сильно боялась, пока шла по поселку, но впереди стояла

огромная, черная глыба из сосен и берез. Она шла по тропинке. Остановилась.

– Ох и страшно там. Зачем мне все это нужно было? Сидела бы сейчас спокойно в своей комнате, рядом со своей мамочкой. В наушниках слушала музыку. Ох и дура! Что же я натворила со своей жизнью? Она стояла и плакала. Ноги не шли, ни назад не в перед. Потом она вдруг вспомнила у меня же время рассчитанное. Я должна быть там в 12 часов. Она медленно пошла в перед по тропинке. Остановилась, посмотрела, никого вокруг нее нет, пошла дальше.

– Где же остановиться? Чтобы был как бы лес, но недалеко. Вот уже начались деревья. Это наверно уже считается лес? Может дальше можно не идти? А то там уже темно, страшно. Или еще немного пройти? Время! Щелкнуло в ее голове. Она сделала несколько робких шагов в перед и начала дрожащим голосом читать заклинание.

Вокруг стало темнеть. Вот уже совсем темно. Она не видела ни кромки деревьев на светлом небе, ни небо, ни звезд. Опустилась страшная темнота. Дочитав заклинание, она побежала обратно, не разбирая дороги. Казалось, что кто-то за ней гонится, наступая на пятки. Она стала бежать еще быстрее.

Она не видела тропинки. Она пробивалась сквозь какие-то кусты и высокую траву. Она только знала, что впереди поселок и ей надо туда. Она уже так долго бежит, а кусты, которые ее хватают за ноги и руки, цепляются за волосы, ни-

как не заканчиваются.

И неожиданно она выбежала на дорогу поселка. Заскочила во двор, в дом, в свою комнату. Зажгла свечу, поставила на стол и прыгнула в постель не раздеваясь. Сидела на кровати, укрывшись одеялом, вытаращив глаза, смотрела по сторонам.

– Ну уж нет. Завтра никуда не пойду, это точно. И вообще никуда больше никогда не пойду. Если в лесу, казалось, что будет не страшно, а было так страшно. А на кладбище? Там же покойники. Они же все выскочат из своих могил и потащат меня в землю, в свои могилы. А их там много, а я одна. Или просто разорвут меня на мелкие кусочки. Вероника плакала.

– Какая дура! Не сиделось мне спокойно, со своей мамочкой дома. Мамочка! Прости меня, пожалуйста, что я была такая дурочка. Может все бросить и уехать к себе домой в город. Ну что они мне сделают. Я же не убивала Бориса Леонидовича, это же Никита. И то. Он же не хотел его убивать, просто так получилось.

– Может они простят меня. А денег у них там много еще оставалось. Я же еще маленькая, глупенькая была. Или пусть лучше этот Иван контуженый убьет меня. Так это будет только один раз. Пух. Из пистолета и все. Это не так страшно, чем идти на кладбище к покойникам.

– А может они и не встанут эти покойники, у них же тела нет, оно сгнило. А если тела нет, то и их уже нет. Может там

уже вообще никого нет. Чего я боюсь? Это, как будто тот же лес, только вместо деревьев стоят кресты. Так за своими рассуждениями Вероника не помнит, как уснула.

Она не помнит сколько спала. Когда она проснулась, во всю светило солнце. На столе стояло свежее молоко в кувшине. На тарелке лежали яйца, в другой тарелке творог, а рядом стояла тарелка с выпечкой. Она решила окончательно, что сегодня никуда не пойдет.

– И так две ночи подряд бегала. Натерпелась. Все. С меня хватит. На нее напал зверский аппетит, наверно от нервов. Она хватала все с тарелок, набивала полный рот, запивая молоком. Она почти все съела за раз. Наконец насытившись, она свалилась в мягкую постель, укрылась теплым одеялом и уснула.

Утро следующего дня. Вероника проснулась в хорошем настроении. Потягиваясь в теплой постели, она улыбалась. На столе стояла свежая еда. Она поела. Легла в постель и думала, что сегодня она закончит свое посвящение. Ей осталось только кладбище. Она подумала, что живет тут на всем готовом, не работает, ее кормят, поят, надо же и совесть иметь.

Вероника уже представила, как проснется завтра утром, пойдет к матушке Стефании и скажет, что она уже все выполнила. А матушка скажет ей: -Какая ты смелая. Я не сомневалась в тебе, ты просто умница. Вероника решила, что сегодня ночью она пойдет на кладбище и все сделает.

— Ну что там страшного? Тот же лес, только с крестами. Быстренько прочитаю и убегу, как убежала из леса. Никто же не съел, не схватил.

— Кому я нужна? Хватать меня. У них там своя жизнь. А у меня своя. Все, решила. Она снова начала бубнить себе под нос заклинание, которое будет читать на кладбище.

К ней никто не заходил, никто ее не беспокоил. На дорогу так же как до леса, полчаса. Ей уже совсем не было страшно, как раньше. Она ходила по комнате от одного окна к другому. Она даже улыбалась и гордилась собой, что она такая смелая.

Но с наступлением темноты становилось как-то не по себе. Но она уговаривала себя, что это уже последнее испытание. Всего лишь несколько минут страха потерпеть и все. Половина двенадцатого ночи. Она тихонько вышла на улицу.

— Ну вот. На улице светло от звезд. Небо чистое. Тем более, это же не лес, где темно. Это открытое место, там будет светлее, чем в лесу. На горизонте показались кладбища. Это почти у дороги, только на горку подняться и все.

— Я же не буду заходить в глубь. Что я дура, что ли? Встану с краюшку, это же тоже будет кладбище? Чем ближе Вероника подходила, тем страшнее становилось. Она поднималась на горку, цепляясь за кусты. Ноги в коленках начали вибрировать. Она подошла к оградке.

— Наверно, это уже считается кладбище. Она стояла как вкопанная, вытаращив глаза, озираясь по сторонам, не реша-

ьясь читать заклинание. Все было так не реально, как в страшном сне, казалось, что она сейчас проснется, посмотрит, а она дома лежит на кровати.

Время! Как будто кто-то ей сказал в ее голове. Она вздрогнула. Сердце остановилось или совсем выскочило. Вероника начала громко и быстро читать. Вдруг стая черных ворон с шумом, враз, как по команде, взмыла в верх. Как будто они где-то сидели, притаились, ждали ее. А от ее голоса вспорхнули и начали кружиться над кладбищем. Каркая и взмахивая крыльями.

Эта черная, злая туча подняла сильный ветер, который просто сносил с ног Веронику. Она схватилась за ограду обеими руками, чтобы не упасть. Послышался шелест и шепот. Под ногами земля зашевелилась.

– Все! Это покойники начали вставать. Мелькнула в ее голове мысль. Не помня себя, она повернулась со страху, чтобы бежать. Но поскользнулась и кубарем покатилась с горки вниз, натыкаясь лицом на кустарник. Она запуталась ногами в нем, и никак не могла выбраться из него. Барахталась в нем, размахивая руками и ногами, и орала, что есть мочи.

Наконец, продралась сквозь этот кустарник. Но почему-то запуталась еще в чем-то, толи в траве, толи в другом кустарнике. Она орала, даже уже подумала, что это уже покойники повылазили из своих могил и хватают ее за руки и за ноги и не пускают ее. Вероника расшвыривала в стороны эти навязчивые путы и снова кубарем летела вниз.

Ей казалось, что ее кто-то хватается за волосы и вырывает их клочьями из головы. Она хватала свои волосы в охапку и тянула их к себе, вырывая их из лап противника. Скатившись с горки в овраг, вылезла из него и побежала. Уже виден был поселок. Она услышала позади себя ржание лошадей и топот копыт.

Вероника бежала спотыкаясь, падала и снова вставала, и снова бежала. Наконец заскочила в ограду, бегом заскочила в дом, в свою комнату, сразу прыгнула в постель, укрылась с головой одеялом. Ее трясло как в лихорадке, она стонала и плакала.

– У. У. У. Выла Вероника и охала. Боялась высунуть голову из-под одеяла. Она схватила всю себя руками, поджала ноги, прислушиваясь к тишине.

Когда утром Люда зашла в комнату, Вероники не было видно, она лежала, закрутившись в одеяло как кокон. Люда потянула за край одеяла, чтобы посмотреть там ли она. Вероника начала кричать в истерике и махать руками и ногами.

– Успокойтесь, матушка Серафима, это я Люда. Вероника начала успокаиваться. Вылезать из-под одеяла. А Люда смотрела на нее вытаращив глаза, кричала, охала, ахала и плакала.

– Что? Что случилось? Люда?

– Матушка Серафима. Вы...

– Что? Что Люда?

– Вы... Она зарыдала и выбежала из комнаты.

Вероника сидела на кровати, задумчивая и серьезная, глядя в одну точку.

– Что ее так напугало? Она встала, подошла к зеркалу и вздрогнула. На нее смотрела из зеркала грязная, дряхлая, седая старуха. Ее распухшее от ссадин лицо было поцарапано, разбито, а в седых спутанных волосах торчал репей.

– Вот оказывается какая сволочь тянула меня за волосы. Это был просто репей, я боролась с репейником. Она хохотала. Но где же мои русые, блестящие волосы? Видимо они там же остались, где растет репейник, на кладбище. Пол дня Вероника с Людой раздирали и вычесывали репейник из волос Вероники.

– Матушка Стефания. Я все сделала, как вы велели. Стефания взяла свою палочку, встала с кресла и тихонько шаркая ногами, постукивая о пол деревянным посохом, медленно вышла к Веронике. Она села в кресло за большим столом, стала внимательно смотреть на девушку.

– А ты сильно изменилась.

– Что, постарела?

– Нет. Совсем взрослая стала. Но все же, детский блеск в глазах остался. А седые волосы. Если хочешь, можешь снова восстановить молитвами, до своего первоначального цвета. Постепенно к тебе будет переходить моя сила. Когда она совсем иссякнет, я смогу спокойно уйти. А ты будешь продолжать мое дело.

– Ты просто молодец! Я не сомневалась в тебе. Ты будешь

достойная приемница. Тебе уже открылись сокровенные знания наших предков. Ты уже готова лечить людей. Но чтобы при лечении ты не перетянула на себя их порчи, болезни и сглазы, тебе нужна защита четырех стихий. Огня, воды, земли и воздуха.

– Это очень просто сделать. До заката солнца, но не в один день. Первое. Будешь лежать в озере, ногами на восток и читать молитву на воду.

– Второе. Согреешь теплом своих рук три свечи и сплетишь их в одну. Разденешься донага. Подожжешь свечи. Будешь мыть этим святым огнем свое тело. Это живой огонь, он не обжигает, в то время, когда будешь читать молитву на огонь.

– Третье. Найдешь скудную полынку между берез. Где мало травы, но больше земли. Ляжешь на нее на спину, раскинув руки и ноги, ногами на восток. Будешь читать молитву на землю.

– Четвертое. Зайдешь в сосновый бор. Там чистый, целебный, прохладный воздух. Ляжешь между трех сосен, будешь полной грудью вдыхать этот волшебный воздух читая молитву.

– Ступай с Богом милая. Стефания перекрестила Веронику, перекрестилась сама и поцеловала крестик.

Первый пациент

Во двор Стефании вошла плачущая женщина с трехмесячным ребенком. Ребенок закатывался в истерике.

– Вот так уже два дня кричит день и ночь, не ест, не спит. Исхудала. Не знаю, что и делать. Помогите умоляю.

– Людка. Позови матушку Серафиму.

– Приступай Серафима с Богом. Указала Стефания на лежащего на столе больного ребенка.

Вероника развернула ребенка, положила на грудь и живот свои руки, закрыла глаза. И вдруг она увидела в животе ребенка черную змейку. Змея свернувшись клубком сосала кровь из девочки. Она подняла голову и смотрела на Веронику огромными, испуганными, блестящими глазами.

– Что выпучила свои глазищи? Что тебе надо?

– Уходи, оставь младенца, иди в свою семью. Если еще раз мне попадешься, отправлю в пустыню. Сказала строго девушка.

– Ох как страшно. Я прям вся дрожу от страха. Напугала. Иди сама.

– Уходи. Испепелю.

– Нет. Я приставлена к ней. Разговаривай с моим хозяином.

– Ты что мне будешь еще условия ставить? Сейчас испе-

пелю.

– Ладно. Ладно. Только не кричи. Дай хоть ноченьку с ней переночевать. Вероника начала вытаращивать на нее свои глаза.

– Не надо. Ухожу. Змейка выползла через рот младенца на стол. Прыгнула на пол. Свернулась калачиком, посмотрела на Веронику.

– Иди. Иди. И смотри у меня. Не приходи, а то знаешь...

– Знаю. Знаю. Какая ты все же строгая. Змейка поползла по полу и скрылась за дверью. Девочка начала успокаиваться.

– Покормите ее грудью. Женщина приложила ребенка к груди. Девочка сладко зачмокала и закрыла глазки.

– А с кем это вы разговаривали? Кого-то выгоняли?

– Выгоняла болезнь из вашей дочери. Но ее обязательно надо по крестить, чтобы болезнь снова не вернулась.

– Я заходила к батюшке, но на крещение нужны деньги.

– Передайте батюшке: Серафима велела по крестить девочку бесплатно. Скажите, что я контролирую его. Женщина пошла к батюшке.

– Матушка велела по крестить мою дочку бесплатно. Она сильно волновалась и поэтому немного заикалась. Батюшка смотрел на женщину.

– Контролирует она.

– Что? Что ты сказала? Повтори. Злобно говорил батюшка.

– Контролирует... Матушка сказала. Смущенно и испуганно произнесла женщина. Батюшка посмотрел на женщину, на ребенка, отвернулся.

– Ладно. Завтра приходи с утра, с новым приданным для ребенка.

Вероника так радовалась, хотя ничего не понимала, как это у нее так получилось.

– Матушка! Матушка! Улыбалась Вероника.

– Ты все сделала правильно, дочка. Ее глаза увлажнились, она их вытерла уголком платка и пошла к себе.

Вероника с радостью и удовольствием лечила всех, кто приходил. Ей очень нравилась ее работа. Матушка Стефания была довольна успехами девушки.

– Серафима. Смотри, чтобы твое лечение не приносило другим вред. И запомни самое главное: никогда, никому не делай порчу. Даже если будут умолять, плакать и стоять на коленях. Сразу гони таких людей за порог. Хоть один раз сделаешь кому-то плохое, сразу потеряешь свой дар, станешь обычной женщиной как все.

Шел уже пятый год пребывания Вероники у Стефании. На высокой горке, среди высоких сосен выстроили красивейшую, златоглавую церковь. Слава о молодой целительнице быстро разлеталась. К ней ехали на поездах и машинах. Теперь ее по праву называли матушка Серафима.

Матушка Стефания отошла от дел. Она все больше отдыхала или гуляла по двору, по огороду. Сидела по долгу в саду

или грелась на солнышке, или в тени.

– Серафима. Я уже скоро уйду.

– Ну что вы матушка.

– Пара мне. Завтра схожу в баньку, помоюсь. После завтра мне будет 100 лет. Вот завтра наряжусь, послезавтра уйду, утром. Ты Серафима, вошла в полную силу. Но если понадобится моя помощь. Зажги свечу, поставь у большого зеркала в своей комнате. Прочитай молитву и ложись спать. Вот я к тебе и приду. Только помни, вызывать меня не желательно, это тебе будет стоить года твоей жизни. Так что хорошо подумай, а потом делай. Как говорила Стефания, так и ушла.

Вероника перешла в комнату матушки Стефании. Она была как бы перегорожена пополам легкой ажурной блестящей шторкой. По обе стороны шторы стояли столы. Одна половина комнаты была для посетителей. В другой половине было много полок, до самого потолка. На них стояли маленькие, большие бутылочки, баночки, коробочки и мешочки. Все было на виду и аккуратно подписано. У шторы стоял большой стол. На нем было много книг, тетрадей с записями. Большая деревянная коробка с разными свечами. В центре стоял перламутровый шар, прикрытый тканью.

– Матушка говорила. Что если захочешь кого-то увидеть, о ком-то узнать, кто далеко. Увидеть людей кого ты лечила, узнать их здоровье, помочь. Увидеть их можешь в этом шаре. Вероника сидела за столом читала записи.

– Почему я до сих пор не воспользовалась шаром, я могу

посмотреть, как там моя мама. Она уже обладала таинственными знаниями. Хотя еще толком не знала откуда они ей приходят.

Вероника сняла ткань с шара зажгла свечу, прочитала молитву. Подняла руки над шаром. И вдруг шар засветился как огромная люминесцентная лампа. Вероника увидела в ней как в телевизоре.

Ее мама сидела в кресле-качалке с вязанием. У ее ног на полу сидел малыш лет 2-3, на маленькой резиновой лошадке. Он прыгал и бубнил себе под нос. Прилег на нее на животик, обхватил ее шею своими ручками и шептал ей что-то на ухо. Потом опять радостно прыгал, упираясь ножками о пол. Иван радостно играл с подросшим щенком овчарки. Он бегал и прыгал по комнате. Щенок радостно лаял и прыгал на руки хозяина. Иван подбежал к лошадке, взял мальчика на руки, подкидывал его вверх. Малыш истерично визжал и хохотал. Вероника смотрела на мать. Она улыбалась, глядя на Ивана и малыша. Слезы покатались из глаз Вероники.

– Мама! Произнесла она шепотом. Женщина повернула голову в сторону Вероники. Посмотрела на нее, она вздрогнула и испугалась пристального взгляда матери. Быстро накрыла шар тканью. Вероника закрыла лицо руками, положила голову на стол. Она долго и протяжно плакала.

Борис

Прошло 5 лет. Вероника давно заняла место Матушки Стефании. Она скучала по ней и часто приходила на могилу к ней, чтобы поговорить. Она знала, что матушка ее слышит.

Вероника взяла в помощь Люды девушку из села. Бабушка у нее умерла, а в город к родителям Маша ехать не хотела. Вероника ходила с Машей в лес за земляникой и малиной. Из ягод готовили варенье. Ходили за грибами, за травами.

Вот и сегодня на день Ивана-Купалы Вероника отправилась с Машей за травами. Это был особенный день, когда травы обладают магической силой. Они уже вдоволь наелись ягод, унесли корзинки домой и пришли снова за травами.

– Ой матушка Серафима, там вдали в овраге, я вижу такую большую плантацию малины. Там все просто красным-красно, как мы ее не увидели в прошлый раз, пойду полакомлюсь.

– Маша, ты разве еще не наелась малины?

– Ой! Матушка Серафима разве можно наедаться до сыта малиной, ее чем больше ешь, тем больше есть хочется. Смеялась Маша.

– Опять все руки поцарапаешь, будь осторожна.

– Ладно до свадьбы заживет. Она спустилась в овраг и почти скрылась в зарослях малина. Ой! Матушка Серафима! Какая она здесь крупная, спелая, сладкая.

– А! А! А! Закричала девушка. Матушка Серафима! Матушка Серафима! Истошно орала Маша и бежала прочь с того места, где она только что была.

– Матушка Серафима! Матушка Серафима! Кричала она, когда бежала.

– Что? Что случилось? Маша? Что ты так кричишь? На тебе лица нет.

– Там! Там!

– Что там? Приведение за тобой гналось? Чего ты так испугалась?

– Там лежит...

– Что там лежит?

– Покойник.

– Какой еще покойник? Где лежит? Успокойся. Скажи толком. Где?

– Там. В овраге. Он весь в крови. Ой! Мамочка.

– Показывай. Где лежит?

– Я боюсь.

– Пойдем. Не бойся. Ты же со мной.

– Маша! Ну где?

– Он здесь был.

– Где здесь?

Вероника увидела в густой, высокой, примятой траве, парня. Он лежал на боку вниз лицом. Вероника присела, повернула его грязное, окровавленное тело на спину. Лицо все было распухшее, в синяках и ссадинах. К лицу прилипшие

в крови песок и мелкие камушки. Она стряхнула с лица мусор. Парень приоткрыл один глаз.

– Как тебя звать? Спросила Вероника. Сухие губы чуть шевелились, но ничего не было слышно. От парня сильно пахло алкоголем.

– Маша дай воды. Скорей. Вероника поднесла к белым губам парня бутылку с водой. Приподняла голову. Он немного попил. Она обмыла его лицо от грязи.

– Как звать тебя? Скажи имя?

– Б-о-ль-но. Еле слышно прошептал парень и потерял сознание.

– Боря? Тебя звать Боря? Вероника, наложив в воздухе руки над парнем, читала молитву. А Маша истошно кричала в истерике и плакала.

– Маша, выпей воды и успокойся, сейчас же. Строго сказала Вероника.

– Надо думать, как его донести до дома, пока он еще живой.

– Матушка Серафима! Мы что понесем покойника домой? Зачем? Я боюсь?

– Не бойся Машенька, он не покойник, он живой. Но если мы не поторопимся, то принесем домой покойника.

– А! А! А! Кричала девушка.

– Успокойся. Пошли со мной.

Вероника обламывала у сосен большие, толстые лапы, складывала их в кучу.

– Маша. Тащи их волоком.

– Куда?

– Туда в овраг к парню.

Вероника положила несколько веток, одна на другую, рядом с парнем, перекатила его тело на ветки. Ухватившись за край веток, девушки волоком, медленно, с передышками, потащили тело парня себе домой. Положили его на широкий топчан, в комнату, где Вероника проходила очищение. Здесь было тихо, прохладно.

Вероника поила его из маленькой ложечки молоком с травами. Обтирала ссадины на лице и руки настоями трав. Зажгла свечу, присела на колени перед иконой и тихо, почти шепотом, начала читать молитвы. Утром Вероника, порезав ножницами освободила его от грязной одежды, обтерла парня святой водой с травами, надела на него льняную рубаху.

Когда парень приходил в сознание, он сильно кричал от боли или бредил. Его организм защищал себя от боли, он снова терял сознание. Вероника увидела в его голове большую опухоль, она давила на мозг, от того такая боль. Она поила его травами, делала компрессы из трав, но ничего не помогало, опухоль меньше не становилась. Она не понимала почему.

Она листала книги, записи в тетради, но ничего не могла найти, чтобы облегчить его боль. Опухоль не уменьшалась, а становилась с каждым днем еще больше. Она села на хлеб и воду, чтобы стать еще сильнее. Вероника днем и ночью со

слезами молилась, теряя сознание от голода, но ничего не помогало.

Она вспомнила, как Матушка Стефания говорила ей перед смертью, когда ей будет нужен совет, она может ее вызвать.

– Подумаешь. Потеряю один год своей жизни. Что это по сравнению с потерей целой жизни молодого человека. Матушка прожила 100 лет, пусть я проживу 99 лет, этого и так много, один год незаметно потерять.

Просто было страшно. Она вспомнила свое посвящение на кладбище, как было там страшно. А тут к себе в дом вызвать покойницу, это ее сильно пугало. Она придет. Но она же уже не такая, она покойница. Вдруг накинется на меня? А куда мне бежать из своего дома? Как ее потом выгонят? А если она не захочет уходить? Где мне жить? Да и мои домочадцы, я их тоже подвергаю опасности.

Глядя на постоянные боли и бред Максима, на эти истошные, дикие крики, Вероника решила. Она больше не могла продолжать это бесполезное лечение.

– Будь, что будет. Решила она. В 12 часов ночи она зажгла свечу перед большим зеркалом, прочитала молитву, легла спать. Ночью Вероника встала с постели. Подошла к зеркалу, свеча догорала. Она посмотрела на свою кровать, ее тело лежало не подвижно в постели. В глубине зеркала, показалось свечение, оно увеличивалось и приближалось к ней.

Все зеркало наполнилось волшебным, лучезарным све-

том. В белой дымке показался силуэт женщины, в длинных светлых одеждах. Дымка рассеялась, показался ясный образ. Она узнала в лице женщины матушку Стефанию. Она мило улыбалась. Встала во весь рост в зеркале, сделала шаг вперед и вышла из зазеркалья.

– Милая моя девочка я обнимаю тебя и люблю. Я все знаю, твоя печаль мне известна. Помогу тебе. Нужен редкий ядовитый гриб. Но у нас он не произрастает. Только в жарких странах Америки. Потому ты и не нашла записи о нем. Только он может помочь парню. Я перенесу для тебя грибницу в наш лес.

В 12 часов ночи, в полнолуние, сегодня, пойдешь в лес, прочтешь молитву на ядовитые грибы. Будешь ходить по лесу. Между трех сосен увидишь свечение. Только одну ночь она будет ждать тебя, потом завянет, потеряет силу и высохнет. Возьмешь грибницу в резиновых перчатках и принесешь домой. Будь осторожна, гриб очень ядовит.

Положишь его в небольшую банку. Нальешь 100 граммов 40 процентной водки, закроешь крышкой. Настаивать 11 дней, в темном месте. Будешь давать парню по 3 капли на ложку молока 10 дней, через месяц повторишь.

Когда опухоль начнет рассасываться, ему станет легче. Но он может остаться парализованным на всю жизнь. Нужно будет сделать мазь из топленого, коровьего масла, слюны волков и ядом гадюк.

В 12 часов ночи, с полной луны до исходящей недели,

пойдешь в лес. Прочтешь заклинание на волков, они начнут к тебе выходить из чащи. Слюна будет течь из их пастьей. Но ты должна взять слюну только у тех, которые будут очень злые, захотят напасть на тебя и разорвать, у них слюна сильнее. Заклинание уберезет, они тебя не тронут. Соберешь в посуду слюну трех волков. Поблагодаришь их и не оглядываясь уйдешь из леса.

Яд гадюк, также, в 12 часов зайдешь в лес, прочтешь заклинание на ядовитых змей. Будешь брать яд только у тех змей, у которых на голове будет светиться маленький крестик. Это отметица. Только яд этих гадюк тебе поможет. Тебе понадобится 5 гадюк. Все это нужно будет сделать не в один день.

Смешаешь все в одной посуде, добавишь масло пол килограмма, растопленного на солнце пол часа. Деревянной палочкой все хорошо перемешаешь. Храни масло в прохладном месте. Втирать масло в руки и ноги, не дожидаясь, пока истощает опухоль.

– Будь осторожна с настойкой гриба, лишняя капля, это смерть. И поторопись, девочка моя, дни его на исходе. Прощай.

– Прощай Матушка. Ее силуэт начал медленно превращаться в белую дымку и совсем исчез.

Поход за грибами

– Сегодня полнолуние, сегодня ночью нужно будет идти. Вероника заучивала молитву на ядовитые грибы, которую нашла в тетради. Половина двенадцатого. Она пошла в лес. Она шла, не помня себя от страха, только слышала в своих ушах ужасные стоны и крики парня, который все время при этом теряет сознание.

– Бедный, как ему больно, зачем такие муки такому молодому парню. За что? Полная луна, как огромная тарелка-лампа, освещала путь девушки. Было светло так, будто и не ночь вовсе, а как будто вечер. Даже можно было на полянке различать травы, где ромашка, а где зверобой. Она зашла в чащу соснового бора, но не далеко. Глаза немного привыкли к темноте.

Время! Щелкнуло в голове. Она прочитала молитву, ходила между сосен. Было так тихо. Только цикады пели и хруст веток под ногами девушки. Она искала, где растет рядом три сосны. Но это место ей никак не попадалось. И вот недалеко от себя, в стороне, в легкой траве, она увидела легкое свечение, пошла туда.

Она увидела, что недалеко друг от друга растут три молоденькие сосенки. Между ними, как тоненькие светящиеся ниточки, покрытые черными головками грибница. Они и на

грибы-то не были похожи, такие нежные и изящные. Вероника надела на руки резиновые перчатки. Осторожно потянула грибницу на себя.

– Ой! Прозвучал тонкий, писклявый голосок. Вероника взяла грибницу, но земли на ее концах не было. Ниточки упали в ладонки девушки и склонили черные головки. Вероника повернулась и медленно пошла по освещенной тропинке домой.

Она боялась оступиться и упасть, рассыпать, растерять. Она понимала, что в ее руках находится драгоценная, хрупкая жизнь молодого человека. А если она уронит, то больше никто и не когда не спасет его от смерти. Так она и дошла до дома, медленно, глядя мельком на дорогу, не отрывая глаз от грибницы.

Она сложила тоненькие, длинные ниточки грибницы в банку. Одну за другой сняла перчатки, налила водки, закрыла крышкой, подписала баночку, поставила число. Обернула толстой бумагой и поставила на хранение. Она тяжело и облегченно вздохнула, улыбнулась довольно и пошла спать. Было тихо.

Поход к волкам

Теперь ей предстояло еще два испытания. Сразиться со злыми волками и ядовитыми гадюками. Она знала только одно, это просто страх. Его нет, это просто мыльный пузырь, говорила ей матушка. Это наше воображение играет с нами, рисует нам страшные картинки. Она понимала, что с ней ничего не случится. Они ее любят. Молитва ее защитит, как говорила матушка Стефания.

Единственное чего она боялась, вдруг сделает что-то не так, не правильно прочтет со страха, забудет какое-то слово в заклинании. Если что-то пойдет не так выйдет из-под контроля, это же не один волк, там будет целая стая, да еще злых и голодных волков. Но она вспомнила, как была еще простой девчонкой они ее не тронули, они ее признали. Как волк склонил голову перед ней. Как ее под деревом охраняли несколько волков.

Сейчас, когда она приняла посвящение, они же знают кто перед ними будет, сама лесная королева, повелительница леса. Тем более будет светло, луна освещает каждую тропинку. Да и в глубь леса заходить не надо, можно и с краю, как тогда, когда она принимала посвящение.

С такими позитивными мыслями она уже шла по тропинке и впереди уже был лес. Она остановилась ей стало так

страшно. Ей стало так жалко себя, она стояла и плакала. Но мысль о том, что молодой парень может на всю жизнь остаться парализованным, не сможет двигать ни руками, ни ногами, кому он будет такой нужен?

Она медленно пошла в перед. Начали изредка попадаться сосновые деревья. Вот такая красивая полянка, а вокруг деревья. Она остановилась, осмотрелась, можно дальше не идти.

Время! Прозвучало в ее голове. Не помня себя, она прочитала заклинание. Но ничего не происходило. Она уже подумала, что что-то сказала неправильно, где-то перепутала слова. В чаще леса в темноте показались светящиеся точки, послышался хруст сломанных веток. Из чащи леса стали медленно выходить волки.

– О Боже! Сколько их много, подумала Вероника. Они приближались и окружали ее со всех сторон.

– Зачем мне так много, мне нужно только трех. Подумала она. Волки подходили к ней все ближе, окружали ее густым кольцом, они склоняли головы, некоторые опускали головы на лапы и мирно ложились подле нее.

Но тут она услышала громкий хрип, из леса сверкая глазами выходили и приближались к ней со страшным оскалом другие. Они все прибывали и прибывали. Они были крупные, злые с большими клыками. Из огромной пасти каждого текла слюна. Они проходили мимо прилегших волков и направлялись к девушке.

Она уже забыла со страху, что надо делать дальше. Они остановились у ее ног, хрипели, скалились. Она чувствовала, что это конец. Один волк прыгнул на ее грудь, она почувствовала на своей щеке его горячее дыхание. Она увидела его страшные глаза, и тягучая слюна текла из его огромной пасти.

Наконец она вспомнила зачем пришла, она подняла в перед дрожащую руку и подставила под его пасть баночку. Она собирала рукой с его лохматой бороды слюну в банку.

– Благодарю. Он сразу убрал лапы с груди девушки и попятился назад. Она увидела еще злых оскалившихся, истекающих слюной, волков. Она сделала шаг в перед к одному из них, собрала с лохматой бороды слюну, поблагодарила. К ней с оскалом и хрипом немного наклонив голову подошел другой волк, она тоже собрала слюну и поблагодарила.

– Благодарю всех. Волки начали отходить в лес пятясь.

– Какие милые и совсем не страшные. Вероника плакала, так растрогалась она, ей так хотелось их всех обнять. Или может просто на нервах. Она их всех любила, даже чувствовала какую-то нежную привязанность к ним, как будто это были ее лучшие друзья. Она шла по тропинке домой, с дрожащими от страха коленками, но с радостью в душе.

Поход к змеям

Люди приходили с мольбами о помощи, но Люда всем отказывала.

– Приходите через несколько дней. У Матушки Серафимы тяжелый больной. Она пока не может принять. Она всех примет, но позже. Люди в надежде не уходили, спали в своих машинах или в свободных избах. Потому, что многие приезжали из далека.

Вероника, каждый день снимала с парня мокрую рубаху, вешала сушить. Протирала его тело святой водой с настоями трав тряпкой, надевала сухую. Садилась у него в изголовье, читала молитвы, падала засыпая. Снова вставала молилась. Поила его с маленькой ложечки свежим парным молоком и снова читала молитвы. Волков она уже не боялась.

– Это же змеи, мне хватит одного укуса, маленькой незаметной точки на теле, я навсегда останусь там лежать в этом лесу. Но время неумолимо гнало ее в лес. Луна шла на убыль, а ей нужно было успеть, чтобы она не дошла до конца третьей четверти. Она снова пошла с лес.

Она подумала, что в чащу леса ей заходить не обязательно, достаточно найти хорошую полянку с краю леса. Она шла, было так тихо, только цикады пели кое-где. Луна еще дарила яркий свет, было почти светло.

– Вот она, хорошая полянка, она присела на корточки пе-

ревести свой дух, успокоиться, пересилить свой страх.

– Как все же здорово в лесу ночью, прохлада, чистый воздух, после дневной жары. Подумала она.

Время! Прозвучало в ее голове. Она вздрогнула и начала читать заклинание. Было тихо. Никто не выходил и не выскакивал из леса. Она с трепетом в душе и дрожью в коленях ждала. Рядом с ней послышался шорох травы. Она присела на корточки и начала прислушиваться.

Вдруг она почувствовала холодное прикосновение к ее ногам. Было жутко страшно, по всему ее телу прокатился холодок. Вероника держала баночку перед собой, змеи поползли по ее телу. Она увидела на своей ноге черную, длинную, толстую, как веревку змею, а на ее голове, маленькая светящая точка, пригляделась, крестик.

Схватила ее за шею, она была мягкая и холодная. Немного сдавила, она открыла пасть, зашипела. Вероника поднесла ее к баночке. По стенке потекла жидкость. Благодарю тебя милая. Вероника положила ее на землю. Змея поползла прочь.

– Один. Сказала вслух Вероника. Тут же на другой ноге она увидела змейку с маленькой светящейся точкой. Она так же взяла ее за горло, немного сдавила, взяла яд. Положила на землю, поблагодарила.

– Два. Произнесла вслух девушка. Она встала, стряхнула с себя навязчивых, холодных змей, снова присела, так она проделала тоже самое с другими, которые ползли по ее ногам.

– Пять. Произнесла Вероника вслух. Благодарю всех. Она снова встала, стряхнула с себя змей, снова села, вытянула ноги и сидела. У нее уже не было сил идти домой, она так устала и морально и физически. Если бы не ее драгоценность, находящаяся в банке, которую надо нести домой. Она бы прилегла в этом лесу и хорошенько выпалась.

Вероника пришла домой и проспала до обеда. Сказала Люды, что завтра она начнет принимать людей. Но не всех сразу и не с утра, только к обеду, и не больше двух, трех человек. Потому, что у нее еще были дела, ей нужно было сделать мазь для массажа, ухаживать за больным парнем.

Она никого не допускала к парню, он был очень плох. Она смотрела на него, молилась, чтобы он не умер, пока настаиваются грибы, боялась, что Маша увидит его и сильно испугается. Его глаза совсем ввалились в десницы, там были просто черные ямы, на бледном, как снег лице. Дыхание его замедлилось, он уже не кричал, не стонал, не бредил.

Иногда Веронике казалось, что он уже умер, она с трудом находила его почти незаметный пульс. Девушка уже просто смотрела на него и плакала.

– Держись сынок, прошу тебя, умоляю, осталось всего 5 дней. Дождись, твоя настойка будет готова через 5 дней. Она тебе обязательно поможет, все будет хорошо, ты сразу поправишься, я тебе обещаю. Только 5 дней потерпи.

По утрам и вечерам Вероника втирала в его холодные руки и ноги мазь. Иногда ей казалось, что она массирует по-

койника. Но от массажа его руки и ноги немного теплели, там появлялась маленькая жизнь. Вероника постоянно разговаривала с ним, просила его немного подождать не умирать. Она читала молитвы и плакала.

–Осталось 3 дня, сынок потерпи. Держись, ты молодой, твой организм должен бороться, нельзя сдаваться.

– Сынок! Я прошу тебя, как мать. Ты мой самый любимый и единственный сынок. Я выстрадала тебя, прошла через страшные испытания. Неужели ты оставишь меня. Прошу тебя, держись. Он уже не глотал молоко и воду. Она просто вытекала у него со рта.

Вероника плакала и умоляла Бога, и упрашивала парня, читала молитвы, спала прямо здесь же на полу.

– Сынок держись, все уже почти готово. Завтра, завтра вечером, я напою тебя источником жизни, ты начнешь поправляться. Пожалуйста, потерпи до завтра.

– Сынок! Ты должен жить, ты должен прожить красивую, достойную жизнь. Вероника так привязалась к нему, что ей казалось, что он и в правду ее сын. Она так боялась его потерять, ей казалось, если его не будет, она тут же умрет за ним следом.

Ядовитая настойка

Вероника проснулась, солнце уже вовсю светило, она так вымоталась, да еще сидела на хлебе и воде, держала строгий пост, чтобы помочь больному, так не хотелось вставать.

– Борис! Прошептала она, соскочила и побежала к парню. Она втирала в его холодные руки и ноги мазь и плакала. Не дожидаясь исхода 11 дня, взяла настойку и пошла к Максиму. Пипеткой капнула в ложку молока настойку, широко раскрыла его рот, запрокинув немного его голову, чтобы молоко не вылилось обратно, влила прямо в горло. Жидкость провалилась.

– Слава тебе Господи! Ничего не пролилось. Вечером она точно так же влила в его горло две ложки молока, сделала массаж и пошла молиться.

– Все сынок. Ты просто молодец. Теперь ты пойдешь на поправку. С каждым днем тебе будет все лучше и лучше. Держись милый. Она его перекрестила и пошла спать к себе.

На третий день, когда она вливала ему молоко заметила, что он сам проглотил его, она не запрокидывала голову, бледность немного ушла. Чернота с глаз начала проходить. Лицо стало немного опухать. Скулы и кости на лице уже так не торчали как раньше. Глазные яблоки под тонкими веками начали вздрагивать. Изменения были видны, Вероника плакала, глядя на парня.

– Сынок! Мой милый сынок! Ты молодец! Ты справился! Ты победил! Она целовала лицо и руки Максима. Мы с тобой ее победили! Мы молодцы! Сынок! Ликовала Вероника.

Максим уже так сильно не потел, ему не нужно было каждый день менять рубашку. На шестой день лечения, когда Вероника делала ему массаж, она посмотрела на его лицо. Глазные яблоки судорожно задрожали, потом застыли, Максим начал медленно открывать глаза. Он смотрел по сторонам разглядывая комнату, остановил свой взгляд на Веронике. Она плакала, прижимаясь щекой к его плечу, потом подняла голову.

– Сынок! Сынок! Ты открыл глаза! Ты живой, мой сынок. Она встала и обняла парня за плечи, целовала и плакала.

С каждым днем ему становилось все лучше и лучше. Чернота с глаз начала спадать. Лицо обрело привычные черты, щеки и губы розовели. Вероника приподнимала его голову, клала подушки и поила его теплым молоком из ложечки и все время разговаривала с ним. На десятый день лечения, когда Вероника втирала в его ноги масло, он тихо шепотом произнес: Мама.

– Сынок! Сынок! Ты сказал мама? Или мне это послышалось? Максим посмотрел на Веронику осмысленным взглядом, тихонько, шепотом повторил: Мама.

Прошло несколько дней. Вероника в воздухе над головой парня держала руки, читала молитву, заглянула в его мозг. Ее радости не было предела. Опухоль так быстро уходила,

она уменьшилась на половину. Красные прожилки исчезли.

– Как ты себя чувствуешь? Сынок? Он вечерами начал говорить, медленно, шепотом.

– Хорошо, мама.

Она знала, что ему сейчас нужно много отдыхать, спать, она не перегружала его мозг. Вероника поила его молоком 4-5 раз в день. Утром и вечером втирала в его руки и ноги масло, поила его травами. Остальное время он отдыхал, она молилась в своей комнате или принимала больных.

Пришла осень, за ней пришла зима. Маским начал негромко, медленно разговаривать. В основном это были одни вопросы.

– Что со мной случилось?

– Почему я не могу встать?

– Сколько еще я так буду лежать?

– Какой сейчас год?

– Какое сегодня число?

– Какой день недели?

– Почему я не могу шевелить руками и ногами?

– Почему я не могу ходить как ты?

– Какое сейчас время года?

– Какая на улице погода?

Вероника отвечала, что все будет хорошо.

– Просто ты немного приболел. Так бывает. Люди болеют, потом поправляются. Просто ты немного ослаб, тебе нужно больше отдыхать, спать.

Она начала во второй половине дня давать ему успокоительные настойки, чтобы он больше отдыхал, меньше задавал вопросы.

После нового года он уже мог держать ложку, стакан, самостоятельно кушал, руки становились сильнее. Маша заходила к нему в комнату, читала ему книги о святых монахах, молитвы, разговаривала с ним.

– Матушка Серафима, какие у него красивые глаза. Такие яркие, лучезарные, какой он красивый, хороший.

– Маша? Ты что начинаешь влюбляться в него? Ты это прекрати. Выкинь все из головы. Сказала она строго.

– У него в городе есть девушка, которая его любит и ждет. Когда к нему вернется память, он уедет к ней. Он разобьет тебе сердце. Это не твоя судьба. Вы никогда не будите вместе. Ты встретишь своего парня позже. Ты будешь счастлива с ним, но не с Максимом. Ругалась Вероника.

– Не заходи никогда в его комнату. Увижу еще выгоню тебя. Маша уходила в свою комнату, она плакала ночами, сильно страдала. Маша теперь украдкой заходила к Максиму в комнату ненадолго, когда все были заняты своей работой и их никто не мог видеть вместе.

Но Вероника заметила, она заставила девушку написать письмо родителям, они вскоре приехали и забрали ее к себе.

Весна. Солнце стало светить ярче, дни становились длиннее. Природа просыпалась от спячки, только Максим лежал неподвижно.

Вероника после втирания масла в ноги начала делать ему гимнастику ног. Она по одной ноге сгибала и разгибала их в коленях, чтобы в ноги поступало больше крови. Но все было тщетно. Он их совсем не чувствовал. Они были как бы отдельно от его молодого тела.

Когда Вероника утром делала массаж ног, она увидела, как большой палец на правой ноге вздрогнул. Она посмотрела на Максима.

– Сынок! Твой пальчик на ноге пошевелился. Что ты почувствовал? Сынок?

– Мама! Как будто иголкой кольнуло в ногу.

– Сынок! Это возвращается чувствительность к твоим ногам. Можешь еще пошевелить?

– Нет. Не получается.

После массажа и гимнастики, Вероника садила Максима поперек лавки, под его спину клала подушки, а ноги опускала на пол. Она укрывала их пледом, оставляла его так сидеть несколько минут.

Как-то она зашла и увидела, что он стоит пошатываясь, держась за стенку. Вероника подбежала, подхватила его. Опираясь на ее плечи, он сделал первый, маленький шаг ногой вперед, потом другой. Но слабость в коленках заставила его упасть назад. Он сидел и плакал.

– Ну что ты сынок, все будет хорошо. Мышцы окрепнут ты будешь ходить. Мы с тобой будем ходить в лес за ягодами, за грибами, за травами, купаться в озере. Она плакала.

– Мама. Тут что и озеро есть?

– Есть.

– Большое? И там есть рыба?

– Много рыбы.

– Мама, когда я встану, я буду ходить по лесу, собирать ягоды, ловить рыбу, а ты ее будешь жарить. Мама, какая ты у меня красивая, молодая, вот только волосы у тебя такие белые, как снег. Почему?

– Так бывает сынок.

Вероника в своей комнате молилась. Она услышала, как в комнате Максима закрипела дверь. Она встала с колен, вышла. Максим стоял в проеме

двери, держась о стенку и улыбался.

– Сынок! Ты пошел своими ножками. Она плакала. Это были слезы радости и счастья.

Шли дни. Максим выходил, держась о стенку во двор. Он садился на скамейку, улыбаясь солнцу, щуря глаза. Черный петух распевал ему гимны, хлопая огромными крыльями о свои бока. Черный кот терся о его ноги, садился на его колени, сладко мурлыкал. Черная собака выходила из будки, потягиваясь и зевая, подходила и ложилась у его ног.

Максим брал кота на руки, медленно пошатываясь, самостоятельно ходил по двору, подходил к калитке, смотрел вдаль, по сторонам, улыбался и радовался жизни.

Часть третья

Беспамятство

Прошел год. Снова весна. Снова солнышко согревало уставшую от зимы землю. Дни становились длиннее. Солнце светило ярче и жарче, тело припекало через одежду. Максим сидел во дворе на скамейке, напевал себе под нос какую-то песенку.

– Солнышко, солнышко, солнышко в оконце. Солнышко, солнышко обними меня по крепче.

Максим щурился, глядя на солнце, закрывал глаза ладошкой, смотрел на солнце сквозь чуть сомкнутые пальцы. Вероника вышла во двор села рядом.

– Что ты напеваешь сынок?

– Так. Какая-то незатейливая песенка крутится в голове. Мама. Почему я не помню свое детство, когда я был маленький? Я же был маленький?

– Конечно сынок. Когда-то ты был очень, очень маленький, вот такой. Вероника приложила большой палец к указательному и улыбалась.

– Нет. Я про то, когда стал побольше, когда ходил в школу. Почему я ничего не помню? У тебя есть фотографии, где я был школьником?

– Сынок. Придет время, ты все постепенно вспомнишь.

Это твоя болезнь лишила тебя памяти, но это временно. Пройдет время. Всему свое время. Ты вспомнишь.

– Но ты же можешь мне все рассказать?

– Нет.

– Почему?

– Ты должен сам все вспомнить. У меня тоже амнезия на нервной почве. Я так переживала, когда ты заболел, что тоже ничего не помню. Правда. Правда. Мы с тобой будем вспоминать вместе. Когда пройдет немного времени.

– Мама. Мне уже несколько раз приснилась красивая девушка, лица ее я не могу уловить. Но я чувствую, что она мне улыбается, а потом почему-то плачет. Мне ее так жалко. Почему она все время плачет? Может она тоже болеет? Может ей больно? Ты же ее вылечишь? Да мама?

– Конечно. Сынок. Я ее обязательно вылечу. Твою девушку из сна. Она улыбалась.

Максим стал чаще уходить в лес один. Там он сидел или лежал на полянке. Он вспоминал, напрягая память, лицо снившейся девушки. Но она была в каком-то тумане, в прозрачной дымке:

– Моя луна, моя звезда. Ты небо мое, солнце.

Свети всегда, любовь моя, в мое открытое оконце.

Эти стихи мне как будто очень знакомы. Но я ничего не помню от кого-то я их слышал. Кто-то мне их читал, очень нежно, с любовью, таким приятным женским голосом. Нет. Почти даже детским, нет это была девушка. Почему я никак

не могу ни чего вспомнить?

По ночам он выходил на улицу, долго, долго всматривался в небо на звезды. Было что-то знакомое, зловещее, холодное и ранимое, но что-то блокировало его память. От чего сердце начинало болеть, а душа страдать. Он чувствовал, что какая-то тайна была сокрыта в этом спокойном, холодном небе. Его пытливые любопытство стремилось разгадать, какие-то волнительные события. Но память бесследно исчезла в лабиринтах его сознания. Он все больше обращался к Веронике с вопросами.

– Мама. Ты лечишь посторонних людей. Почему же ты не можешь вернуть мне память? Или можешь, но не хочешь. Почему? Ты видишь настоящее, прошлое и будущее людей. Ты знаешь мою тайну. Но почему ты не хочешь мне помочь?

– Сынок. Если ты не можешь вспомнить свое прошлое, если твой мозг не хочет вспоминать, если он заблокировал твою память, может не нужно насильно его заставлять вспоминать? Значит еще не пришло время. Ты пережил тяжелую болезнь. Твоя психика еще не готова это знать.

– Мама. Я чувствую туманную завесу, которая скрывает от меня какую-то тайну.

– Сынок. Давай немного еще подождем. Тебе нужно окрепнуть духом, не спеши, еще не время.

Вероника сильно переживала. Она давно увидела его прошлую жизнь во всех ее подробностях, во всех ее ужасах, страхах и переживаниях. Она видела все его взлеты и паде-

ния, его переживания и страдания. Она боялась, что его еще не окрепший мозг, после тяжелой болезни, не сможет справиться с такой нагрузкой, он может просто сойти с ума.

Она могла бы просто заблокировать его память или даже вложить в нее нежные, добрые, придуманные ею воспоминания, изменить его судьбу. Но она помнила, что не должна применять свой дар во зло, не должна вмешиваться в судьбу людей. Она видела его будущее, что он уедет, покинет ее дом навсегда. Ее сынок. Она его выстрадала. Возродила его заново из пепла, вытащила из пасти холодной смерти. Ни одна, даже сильно любящая мать, не смогла бы сделать для него такое невозможное, что сделала она.

Потерять его для нее было смерти подобно. Но она видела, как страдает, плачет ночами, молит Бога, молодая женщина, которая любит его. Она видела, как он страдает и мучается от неизвестности, как он желает разорвать этот тяжелый круг, который блокирует его память. Она понимала, что рано или поздно, это все равно придется сделать для него.

Сон длинною в жизнь

– Мама. Я плохо сплю ночами. Я переживаю и страдаю от неизвестности. Ты должна мне помочь. Ты можешь. Я знаю. Или расскажи мне все сама. Хватит меня жалеть, отводить в сторону свои грустные, влажные глаза. Я молодой, сильный, здоровый мужчина.

– Сынок. Ты должен понять, если твоя память скрывает от тебя все это, значит там есть, что от тебя скрывать. Твой организм, он сам лучше знает, когда можно открыть тебе эту тайну.

– Мама! Я прошу тебя! Я умоляю! Я заклинаю! Сделай это для меня. Пожалуйста. Иначе, я просто сойду с ума от неизвестности.

– Сынок. Я тебя сразу хочу предупредить, что это тебе не понравится. Ты готов узнать эту горькую правду? Ты хорошо подумал? Может лучше оставить все как есть?

– Мама. Какая-бы она не была горькая, это моя жизнь, я хочу знать о ней все. Я должен все вспомнить, понять, осознать. Чтобы было будущее, человек должен помнить, осознавать свое прошлое, без прошлого нет будущего.

– Хорошо сынок. Выпьешь на ночь вот эту жидкость, постоянную на лунных травах, молитвах и заклинаниях древних. У тебя откроется третий глаз. Ты увидишь свою прошлую жизнь, до сегодняшнего дня. Во всех подробностях,

деталях. Тебе откроется жизнь близких тебе людей. Которые в то время находились с тобой и как-то были к тебе причастны. Увидишь их намерения и помыслы.

– Чтобы понять, как тебе жить дальше. Ты увидишь даже то, о чем ты никогда бы не узнал. Ты увидишь весь расклад и исход своей жизни, чтобы понять, как тебе стоит жить дальше, чтобы понять, что пришло время узнать тебе все, обо всех и о себе.

Максиму снился прекрасный, яркий, цветной сон. Как будто он в далеком, голубом небе, набрав в обе руки звезды, жонглировал ими как в цирке. Подкидывал их по очереди, ловил другой рукой, звезды звеня друг о дружку, издавали хрустальный звон. Он проснулся. Не понял. Это настойчиво звонили в дверь его квартиры. Он еще никак не мог отойти от волшебного сна. Наконец он откинул одеяло, протирая на ходу глаза, пошел к двери.

– А. Это ты. Моя царевна лягушка. Что пришла? Говорил он шепотом, хрипя, еле слышно.

– Что заболел? Я так и знала, опять на свои звезды всю ночь смотрел? А почему это я лягушка? Сам ты лягушка.

– Мужчина не может быть лягушкой. Лягушка женского рода. А ты лягушка потому, что ты такая же холодная и не доступная, моя царевна. Ты меня не любишь. Ни сколечко. Ни капельки. Притворно хныкал Максим.

– Ложись быстро в постель, мужчина. Напою тебя теплым молоком.

– Почему ты опять вчера не был в школе?

– У меня вчера была олимпиада.

– У тебя холодильник пустой. Почему вчера продукты не купил? Олимпиада ты моя. Я смотрю пропадешь ты без меня. Я пойду в магазин, куплю тебе еды, а ты смотри не засни, чтобы я опять полчаса не звонила в дверь.

– Анка пулеметчица. Возьми мои ключи и сделай себе запасные. Я пойду посплю немного, вдруг правда тебя проспю. Мне снился такой волшебный сон, а ты мне все испортила, пойду досматривать.

Аня вернулась из магазина с продуктами, согрела молоко, принесла Максиму.

– Вставай больной. Пей молоко и быстрее выздоравливай, школа без тебя уже скучает.

– А ты? Знаешь Анка, я вчера открыл новую звезду. Но ее пока на небе не видно. Я ее математически вычислил на олимпиаде. Я убедил всех, мои труды оценили, обещали показать астрономам, подтвердить мою гипотезу.

– Ладно. Ты тут кушай, пей лекарства, я тебе купила. После школы зайду. Не скучай.

– Я буду скучать, любимая! Я назову звезду твоим именем! Звездочка моя! Аннушка!

Аня училась в девятом классе, мечтала стать детским врачом. Потому, что она очень любила детей и хотела, чтобы они все были здоровы. Аня жила с бабушкой.

Максим учился в десятом выпускном классе, он мечтал

стать ученым. Небо, это его стихия. Он участвовал во всех физико-математических олимпиадах, занимал первое место. Они были оба круглые отличники, шли на золотые медали. Все двери институтов им были открыты. Родители Максима постоянно были на гастролях, с его младшей сестрой Яной, ей было 5 лет. Максим почти всегда был дома один.

Аня после школы зашла к Максиму. Приготовила обед, а он все спал не просыпался.

– Ты живой там! За соня вставай! Она подошла к его постели, начала будить. Максим откинул одеяло, схватил Анну, положил ее в свою постель, прикрыв одеялом, обнял и начал нежно целовать.

– Не бойся Аннушка! Не бойся! Я остановлюсь, когда будет нужно. Анна плакала, не могла вылезти из-под одеяла. Не могла освободиться от его горячих поцелуев, крепких, жарких объятий.

– Что ты натворил? Дурак. Она лежала и плакала.

– Ну что ты Аннушка! Звездочка моя! Все равно мы с тобой скоро поженимся. Я ведь не могу жить без тебя. Оставайся сегодня у меня, я покажу тебе на небе мою звезду.

– Ты же говорил, что ее не видно на небе.

– Ее будет видно на небе, через 10 лет. Она к нам приближается. Это будет сенсация. Ее все увидят на небе через 10 лет.

– Через 10 лет? У. У. Я тогда уже буду совсем старуха. Ладно. Я пошла домой, сегодня много задали. Завтра утром

зайду за тобой, а ты не вздумай болеть. Завтра в школу пойдём.

– Не уходи! Аннушка! Звездочка моя! Любимая! Не оставляй меня, я умру без тебя! Он уткнулся лицом в подушку, стонал и вздыхал.

– Пока. Клоун.

Анна не спала всю ночь, она переживала о случившемся. Конечно она могла вырваться, кричать. Но она не понимала, почему она этого не сделала. Она его тоже, но не понимала – любила или жалела. Он почти всегда был дома один, такой ласковый, нежный. Он ей просто вскружил голову, а она растаяла.

Она еще не была готова к такому повороту судьбы. В школе многие девчонки уже дружили с парнями. Она знала, что это когда-то случится, но никак не предполагала, что так скоро.

– Нужно сначала закончить школу, поступить в институт. Там на втором или третьем курсе мы могли бы пожениться. Ей было страшно, что теперь будет с ней дальше?

А дальше все происходило, как и вчера. Она заходила за ним в школу, они целовались, любили друг друга, потом шли в школу. Со школы заходили к нему домой и опять любили. Она уже больше не могла совладать с собой, она вся принадлежала ему.

– Солнышко! Мне нужно идти домой.

Я жду тебя завтра утром. Звездочка моя!

Солнышко, солнышко, солнышко в оконце.

Солнышко, солнышко обними меня по крепче. Ласково говорила Аня.

Звездочка моя, не складно. Рифмы то нет.

– Ну и ладно, зато правда. Ей уже не хотелось уходить от него домой. Она вся светилась от счастья и льнула к нему. Утром она будила его поцелуями, сама залазила к нему под одеяло. Это было как наркотик, она уже просто не могла жить без него.

– Моя любовь, моя звезда, ты небо мое, солнце.

Свети всегда любовь моя, в мое открытое оконце. А теперь рифма есть?

– Рифма то, есть. Но тут произошла маленькая ошибочка. Я не звезда. Это ты моя звездочка. А в остальном все правильно.

Они кидались подушками, баловались, вели себя как обычная влюбленная пара, снова падали в постель и любили друг друга. Максим так увлекался любовью с игривой, темпераментной Анной, что иногда не соблюдал правила, пропускал время, когда надо было остановиться.

Они как обычно лежали в постели. Ане совсем не хотелось идти домой.

– Максим. Твои опять на гастролях. А ты всегда дома один?

– Я уже привык. А что я маленький что ли? Наоборот хорошо. Хочу читаю, хочу телевизор смотрю, хочу на звезды

всю ночь смотрю. Никто меня не контролирует, не указывает как мне жить. Никто не орет, пацаны приходят, девчонки. Музыка послушать. А твои родители где? Почему ты живешь с бабушкой?

– Я живу с бабушкой, у меня нет родителей. Мои родители погибли, когда поехали на дачу перед новым годом. Бабушка их послала, чтобы привезли солонину на стол, огурцы, помидоры, салаты в банках, яблоки, сухофрукты. Был сильный гололед, машину занесло, они упали с моста в реку.

– Ой, это просто ужасно. Она заплакала. Теперь каждый новый год я вспоминаю маму, ее сказки и песенки на ночь. Папу, как он со мной играл. Они хорошие были. Любили меня. Теперь остались только фотографии, которые мы смотрим с бабушкой и все время плачем.

Анна просто с ума сходила от Максима. Она уже не могла жить без него, без его объятий. Она хотела быть с ним всегда, никогда с ним не расставаться. Они иногда пропускали школу, забывая обо всем.

– Аннушка. Звездочка моя. Родители с гастролей приезжают послезавтра, а может и завтра. Анна плакала.

– Мы что больше уже не увидимся? Я умру без тебя. Максим.

– Почему не увидимся? Увидимся глупенькая моя. Все равно там уже экзамены, родители уедут, мы снова с тобой будем вместе, как и прежде. Мы с тобой всегда будем вместе. Звездочка моя. Как я без тебя буду жить? Максим обнял

Анну, вытирал ее слезы. А летом мы поедем с тобой на море, вдвоем. Хочешь?

– Хочу, всхлипывала Анна. Я с тобой хоть куда хочу.

– Ну вот и славненько. Большой любви разлука не помеха. У нас с тобой большая любовь?

– Да. Вдохлипывала Анна.

– Солнышко, солнышко, солнышко в оконце. Солнышко, солнышко, обними меня по крепче. Пела Анна грустно, всхлипывая и вытирая слезы.

– Твое солнышко всегда будет с тобой. Оно будет мысленно обнимать тебя. Каждую минуточку, каждую секундочку.

– Любовь моя, моя звезда, ты небо мое, солнце.

Свети всегда любовь моя, в мое открытое оконце. Читала Анна задумчиво и грустно. Глядя с одну точку.

– Я начала писать тебе стихи. Уже одно тебе написала.

– Прочитай.

– Нет. Я напишу побольше в тетрадь, а потом, когда мы с тобой встретимся, я буду тебе их читать. Я пойду.

– Посиди еще со мной, звездочка. Аннушка моя ненаглядная.

Она пошла к двери и как замороженная читала на ходу: Солнышко, солнышко, солнышко в оконце. Свети всегда любовь моя, в мое открытое оконце.

Работа

На следующий день приехали родители Максима, с подарками.

– Да, сынок. Я смотрю ты тут время даром не терял. Молодец. Сынок.

– Мать. Ты слышала? Наш сын новую звезду открыл. Я горжусь тобой. Есть у меня знакомые в обсерватории. Ты мне дай свои тетрадочки, я их покажу кому надо. Пока ты сдаешь в школе экзамены, мы подумаем о твоём будущем.

– Эх мать! Какого сына воспитали, самородок.

Через неделю.

– Сынок. Короче, ты там всех поставил на уши. Сначала никто не поверил. Говорили, что это просто игра воображения, но профессор разобрался, хотя и не сразу. Долго все проверял, перепроверял, вычислял.

– Математика, техника, физика, философия, быть трудно астрономом, нужно в этом разбираться. Его плевый телескоп, турбулентная атмосфера земли. Возможно тень черной дыры в галактике пока прикрывает ее. Собственное движение звезд, далеко. Потому это пока мало заметно.

– Короче. Ты на днях едешь в НИИ Космоса. Тебя берут без экзаменов. При институте обсерватория. 500 человек в команде. Разворачивается проект, переломный момент в астрономии. Субсидии будут выделяться на изучение чер-

ных дыр, на изучение космоса и на результаты твоей работы. Там мощные современные телескопы. Но это, милый мой, 1500 километров от города. Там городок геологов, ученых, там есть больницы, магазины. Тебе, как молодому ученому выделяют квартиру, штат в несколько человек. Ну что? Чем ты недоволен? Давай молодой ученый, дерзай.

Максим переживал, как без него будет жить его звездочка. Аннушка. А как он без нее. Потом подумал.

– Если у меня будет своя квартира, я ее смогу вызвать к себе. Она тоже отличница. С ее знаниями, она может там найти себе работу, через год поженимся, когда ей исполнится 18 лет.

Через 2 года Максим экстерном закончил институт. Стал ведущим ученым. Он мог получить точные снимки звездного неба. Новая жизнь с головой погрузила Максима в работу. Голова просто кругом шла от новой информации. Везде нужно было успеть, подсчитать наилучшее расположение планет, исследование вселенной, уловить ясное небо, колебание воздуха, приемники излучения. Шлифовать зеркало в фокусе, регулировать расстояние, изучать галактики, рассчитывать собственное движение звезд.

Наука астрономия, это точное измерение. После расчетов его команды стало понятно, что не черная дыра, как они думали раньше. Если было так, она могла бы ее поглотить, отклонись она хоть чуть-чуть от своей орбиты. Он увидел, что новая планета движется к солнцу, потому ее не видно из-за

мощного излучения солнца.

Но она появиться в видимости примерно через 10 лет. Он был просто счастлив, то что он ее вычислил математически на бумаге, приобрело уверенность в его голове, в умах ученых, с которыми он работал. Его радость не имела границ.

Так закрутившись в своих делах, Максим совсем забыл про свою звездочку. Анна, закончив девятый класс, больше не пошла в школу. Когда на следующий год, после выпускных экзаменов в школе прозвучал последний звонок, Анна со слезами на глазах кормила грудью своего сына Богдана. Вечером, после выпускного бала ее класс гулял по набережной, Аня пела колыбельную песню своему сыну:

– Спи дитя мое усни. Сладкий сон к себе мани.
В няньки я тебе взяла. Ветер, солнце и орла.
Улетел орел домой. Солнце скрылось за горой.
Ветер после трех ночей. Мчится к матери своей.
Ветра спрашивает мать. Где изволил пропадать.
Али звезды воевал. Али волны все гонял.
Не гонял я волн морских. Звезд не трогал золотых.
Я дитя оберегал. Колыбельную качал.

Она все же закончила среднее образование в вечерней школе, поступила в институт на вечернее отделение. Когда ее бабушка сидела с внуком, Анна работала санитаркой, потом медсестрой в больнице. К Ане пришла школьная подруга навестить ее.

– Аня. Ты как? Я торт взяла, шампанское, думала поси-

дим.

Аня говорила шепотом, горло ее было завязано платком. На лице медицинская маска. Ребенок ползал по полу и плакал. Она варила для него манную кашу. На столе лежали книги, тетради. Дома был беспорядок, все было разбросано, игрушки, вещи.

– Аня! У тебя Мамай прошелся? Что у тебя происходит? Ты болеешь, а бабушка?

– Я болею. У бабушки температура, она тоже свалилась, еще давление. Она уже 2 дня не встает. У меня сессия. Просто с ума схожу.

– Чем я тебе могу помочь? Давай я ребенка себе заберу, пока ты болеешь.

– Боюсь застудить его, на улице сильно холодно. Но ты мне можешь помочь. Возьми деньги, сходи в магазин, купи продукты. Еще нужны лекарства мне и бабушке. Сейчас покормлю его, может уснет, я тогда смогу немного позаниматься.

Вечерами Аня рассказывала сыну сказки или пела песенки.

– Мама. Расскажи мне сказку. Только хорошую, не грустную.

– В далеком царстве, в далеком государстве. Жили были принц и принцесса. Они так полюбили друг друга, что решили никогда больше не расставаться. Но молодого принца однажды вызвали на учебу. В три девятое царство, в три девят-

тое государство. Молодой принц уехал. У молодой принцессы родился маленький, красивый богатырь. Который очень любил спать, потому, что был еще совсем маленький. И ему всегда снились красивые, сказочные сны.

– Мама. А какие ему сны снились?

– А вот ты утром проснешься и расскажешь мне какие тебе снились сны. Спи мой милый сынок. Мама тебя очень любит. Спокойной ночи.

Маргарита

Нахлынувший на Максима поток информации, расчеты, фотографии звездного неба, его так увлекали. Но для его пытливого ума этого было мало. Он перечитал все книги в институтской библиотеке. Максим их не читал. Он хлебал их, упиваясь до экстаза. Даже когда его приглашали на молодежные вечеринки. Его интересовали только новые книги в библиотеке хозяина квартиры.

Он засыпал с книгой, просыпался с ней. В его голове кружились только расчеты, только небо, только звезды, только млечные пути. Он просто упивался от интереса новых открытий. В голове была суматоха, неразбериха, хаос и суета. Девушки за глаза его стали называть молодой сухарик или просто сухарь.

Наконец все постепенно начало оседать, раскладываться по полочкам его пытливого ума. Максим стал немного успокаиваться, начал замечать симпатичных девушек вокруг себя. Он стал проявлять к ним интерес. И очень захотел какую-нибудь из них затащить в постель. Но все заканчивалось прямо здесь же в кафе, даже и не начавшись.

Максим не хотел завязывать отношения в своем отделе, но на стороне, на улице ничего не получалось. Деваться было некуда. Пришлось пригласить в кафе Иру практикантку

с отдела. Она сразу согласилась, тем более, что сама проявляла к нему интерес. Даже удалось ее затащить к себе в постель, но после того, как Максим сбил охотку, он сразу же отвернулся, быстро уснул. Так еще пару раз с ней было.

На 8 марта Максим решил устроить у себя в квартире вечеринку. Приглашал всех желающих, особенно девушек, так сказать, чтобы познакомиться и в будущем выбрать себе девушку, или девушек для встреч.

– А что? Все молодые, почему бы нам не повеселиться. Говорил он.

– Сухарь решил развлечься?

– Совсем мозгами тронулся от своих книг.

– А не заскучаем мы там в его обществе?

– Но там же будет не он один, другие парни будут тоже. Посмотрим. Смеялись над ним.

Молодежь пришла к Максиму развлечься, потанцевать, выпить, повеселиться. Но Максим хорошо выпив начал всем пихать свои формулы и расчеты, вскоре всем стало скучно. Все расходились по домам. Осталась только Ира. Только одна она могла его терпеть, он ведь ее начальник.

Ира встретила в институте свою школьную подругу, Риту. Она работала в другом, соседнем отделе лаборанткой. Они иногда встречались и болтали.

– Ира. Я залетела на вечеринке на 8 Марта у начальника. Что делать?

– Выходи за начальника замуж. Будешь жить в шоколаде.

Ты ему уже сказала?

– Сказала. Он на меня так окрысился, хоть с работы уходи.

– Да ты что? Вот сволочь, а с виду компанейский мужик.

– Говорит: Я тебя что, изнасиловал? Все было по обоюдному согласию.

– Что ты теперь будешь делать? Аборт? Деньги надо. Где брать?

– Я ему сказала: – Что теперь мне делать? Как дальше жить?

– А он что? Неужели откажется? Ты молодая, не то, что он козел.

– Он говорит: – Я конечно с себя ответственности не снимаю. Помогу с абортом. Жениться не буду.

– Ну ладно, хоть так. В следующий раз умнее будешь. С ним больше спать не будешь, раз он такой козел.

– Говорит: Может это вообще не мой ребенок. Мало ли вы девушки с кем спите, а потом на начальника хочешь повесить.

– Рита. Ну ты бы еще раз ему намекнула на счет женитьбы.

– Я потом еще подошла, начала плакать, как я одна, аборт вреден для здоровья.

– Ну а он то что?

– Говорит: Если бы я на всех женился, с кем был за всю жизнь, так уже бы стал многоженцем. А у нас в стране многоженство запрещено. Мы же не в Эмиратах живем. Так что давай милая. Это твои женские проблемы.

– Ну и что ты решила?

– Я не знаю, что и делать-то.

– Так 8 марта. Это же уже 2 месяца.

– Да. Уже 2 месяца.

– Да тебе же надо уже быстро что-то решать.

– А что решать-то?

– Как что? Решать. Рожать или аборт делать.

– Я не хочу аборт делать, это вредно для здоровья.

– Ну тогда повесь еще на кого-нибудь. Давай быстрее, надо крутиться, знакомиться, отдаваться.

– Так уже 2 месяца.

– Скажешь, что недоношенный, потом будешь париться, сейчас лучше ищи лоха.

– А где его искать?

– Больше бывай в общественных местах. Ты у нас девушка видная. Ну там, в кофе, парке, в магазинах, там, где людей побольше. Главное никому не отказывай, будь милой и приветливой.

Маргарита везде бывала, гуляла, уже совсем потеряла надежду. Зашла в магазин, ее нечаянно толкнул молодой мужчина.

– Ой! Девушка! Извините меня пожалуйста. Она обронила сумочку. Мужчина ее поднял, он ей мило улыбался. Она вышла из магазина и ждала его на улице.

– Молодой человек! Что-то мне лицо ваше знакомо. Мы с вами нигде раньше не встречались?

– Думаю, что нет. Такую эффектную девушку я бы обязательно запомнил.

– Вы находите меня эффектной?

– Конечно же. Она пошла за ним.

– Нам по пути? Ну что ж, пойдёмте. Он зашел в подъезд, она за ним. Мужчина подошел к своей квартире, открыл дверь.

– Прошу вас. Она зашла.

Он нарезал сыр, копченую рыбу, открыл пиво. Маргариту от этих запахов начало тошнить.

– Ой я лучше пойду домой. В другой раз зайду.

– Милости прошу. Он открыл дверь. Маргарита выскочила на улицу на свежий воздух. Ее чуть не вырвало. Она начала глубоко дышать.

– Вот все же шло хорошо. Что ты там не мог потерпеть до утра что ли? Что начал канючить? Тебе папка нужен? Или нет? Если нужен, тогда сиди там тихо и не мешай мамке.

Через неделю, Маргарита проходила мимо многоквартирного дома. На улице было темно, в открытом окне первого этажа горел свет, заглянула в него. Стояли три парня, разговаривали между собой.

– Сашка. Пивка возьми холодненького, а мы к Сергею заскочим наверх.

Она зашла в подъезд. Дверь в квартиру была открыта, зашла, никого не было. Играла тихонько приятная музыка. Девушка села в кресло, положила ногу на ногу и отдыхала. С

верху вернулись два парня.

– Эй мадам! Ку-ку. Проснитесь. Вы кто?

– Я гостья.

– Гостья? И к кому вы? Гостья. Такая пришли?

– К Саши пришла.

Пришел Саша. Он сразу прошел на кухню с покупками. К нему зашли парни.

– Эй! Ты че! В натуре. Че за дела? Ты зачем телку пригласил? Охренел, что ли в натуре?

– Какую телку? Ты сам уже охренел, что ли кабан?

– Вон в зале в кресле сидит. Королева твоя. Говорит Сашина гостья.

Маргарита быстро встала и вышла на улицу. Спряталась за густой кустарник. Парни вышли в зал.

– Здесь никого нет. Вы че розыгрыш в натуре? Ну и шуточки.

– она же только что здесь в кресле сидела. Мадам такая пышная.

– . Сказала, что ты ее в гости пригласил.

– Вот это да! Просто мистика какая-то. Вова. Ну ты же все видел?

– Да. Во дела! Просто мистика какая-то. Они все вышли на улицу.

– И тут никого нет. Во дела! Просто мистика какая-то. В натуре.

Маргарита после ухода парней вышла из укрытия, пошла

по тротуару. Она начала сильно смеяться.

– Просто мистика какая-то? А че в натуре? Расскажи кому-нибудь никто не поверит. Во дела. Что я творю? Просто цирк, да и только. Это я так развлекаюсь. Да, хорошо повеселилась. В натуре. Может я уже схожу с ума? Ей стало очень грустно. Она шла и плакала.

– Ира. Ничего у меня не получается. Что делать?

– Ну не сразу. Такие дела так быстро не делаются. Смотри по сторонам, не упускай любой возможности. Ладно, давай. Вечером сходим с тобой в кафе. Будем искать пару парней, будем знакомиться. Кого-нибудь тебе да под ищем. Там этого добра хватает.

Прошел месяц поиска жениха для Риты. Все безрезультатно. Старые или с парами, группами или одинокие. Все тщетно.

– Слушай. Идея. А давай тебя нашему сухарику впарим.

– Какому еще сухарику?

– Моему начальнику.

– Что он такой худой?

– Ну он высокий, стройный, он до девушек не падкий. Такой книжный червь, нелюдимый, нудный.

– Тогда зачем я ему если он нелюдимый?

– Ну так не совсем. Я пару раз с ним была, нет три раза, он такой сноб.

– Я не знаю. А получится? Если он такой, вряд ли клонет.

– Ладно будем его держать, как запасной вариант. Я пока

буду разрабатывать план действия. Ты тоже давай работай. Глазки строй, улыбайся, телесами шевели.

– А если не получится, что тогда делать?

– Ну тогда рожать придется, третьего не дано.

– А потом его куда? Опять в детдом? Мне они не нужны.

– Ладно не отчаивайся. Надежда умирает последней.

– Хорошо мужикам, они сколько не гуляют, беременность им не грозит.

– Слушай. Ты еще с кем-нибудь была в последнее время, желательно по пьянке. Что бы они не помнили.

– Ну это давно было.

– Это не важно. Слушай. Составь список всех, с кем ты когда-то была. Пройдись по адресам, квартирам, явкам, парням. Объяви всем, что ты от него беременная. Может кто и клюнет. Девушки смеялись.

– Ладно, давай работай, увидимся. Пока.

Прошел еще месяц. Поиск жениха сильно затянулся. Но Ира настырная.

– Ира. Ну что? Ты что-нибудь придумала?

– Да. Рита. Клиент созрел. Сухарь опять стал на меня смотреть по- особенному. Ему видно надо опять охотку сбить. Так мы ему подкинем наживку, пусть кушает.

– Ира, какую наживку?

– У нас одна наживка, это ты. Пора действовать. Если не получится, то уж подруга извини, не обессудь. Я для тебя сделала все возможное.

Ира пригласила Максима вечером в кафе.

– Ира. Рассказывай. О чем ты хотела со мной поговорить?

– О вас. Максим Юрьевич.

– Обо мне? Ну и что же обо мне ты хотела бы узнать?

– Максим Юрьевич. Я смотрю у вас на голове волосы густые, черные. Брови тоже густые, черные и ресницы. А кожа у вас белая.

– Допустим. И что дальше?

– Я хотела бы узнать, какой вы национальности? Может в вашем роду были не русские?

– В каком смысле? Русский я. На фотографиях, где я маленький с родителями, я вообще был светленький.

– А зачем это тебе?

– Да вот думаю. Какой от вас ребенок может родиться? А то может быть будет какой-нибудь...

– Ты что беременная?

– Не я. Моя подруга.

– А причем здесь твоя подруга? Я только с тобой был, больше здесь ни с кем не был.

– Видите ли. Максим Юрьевич. На 8 марта вы были с моей подругой.

– Я? Не правда. Ни с кем я не был. Только с тобой.

– Она мне сразу после вечеринки все подробно рассказала.

– Ну так поведай, что тебе рассказала твоя подруга.

– Вы же сами говорили всем, приходите все, кто хочет,

особенно девушки, все без исключения.

– Да. Я помню. Я это говорил. И что?

– Ну вот. В этот вечер я пришла со своей подругой Маргаритой. Вы были уже хорошо выпивши. Вы помните?

– Я помню, что людей было много, много девушек незнакомых было. Это я помню.

– Она вам сразу понравилась. Вы пошли с ней танцевать. Обнимали ее, что-то шептали ей на ушко, пытались ее поцеловать. Я увидела, психанула и ушла.

– И что потом? Как все это произошло? Что она говорила тебе.

– Потом вас понесло. Вы пили и наливали всем, чтобы все пили за открытие вашей звезды. А когда вы приступили к объяснению ваших расчетов, все начали расходиться. Только Рита осталась. Она просто любовалась вами и восхищалась вашим талантом. Потом вы включили музыку. Танцевали с ней, обнимали и целовали ее. После того как все случилось, вы отвернулись от нее и заснули крепким сном. Маргарите стало одиноко, она ушла домой.

– 8 марта говоришь? Так это же... Он начал считать на пальцах.

– Март, апрель, май, июнь, июль. Так это же уже 5 месяцев? Максим взялся за голову обеими руками, локти поставил на стол.

– Да, уже 5 месяцев.

– Так почему же она сразу ко мне не подошла? Не расска-

зала обо всем?

– Она ждала, что вы сами к ней подойдете. Но видя, как вы равнодушны к ней, она хотела сделать аборт, но было уже поздно.

– Я же не знал. Так почему же ты мне раньше не рассказала? Почему только теперь я узнаю о моем ребенке?

– Я сама только недавно узнала о ее беременности. Я на нее обиделась, долго с ней не разговаривала. Она сильно переживала, плакала. Я увидела ее, спросила, что случилось? Она мне все рассказала.

– Скромная? Да? Это хорошо.

– Она не хотела, чтобы я говорила с вами об этом. Ей было стыдно. Как будто она сама вам навязывается.

– Ну ты обрушила на меня непосильную глыбу. Мне теперь это надо как-то переварить. Официант! Ира. Ты выпьешь со мной.

– Нет.

– Тогда девушке кофе и мороженое. А мне 50, нет 100 грамм коньяка. Максим пил коньяк небольшими глотками.

– Ох. Хо. Хо. Хо. Хо. Хо. Хо. Вздыхал Максим и качал головой. Потом положил свою голову на ладонь, локтем уперся о столик и смотрел в одну точку. Снова пил коньяк и вздыхал. Потом допил оставшийся коньяк. Смотрел на Иру глупым выражением лица и улыбался.

– Опиши мне ее. Она хоть красивая?

– А что ее описывать. Вон она сидит за соседним столи-

ком. Смотрит на нас и трясется от страха.

– Так что ж ты...? Что ж вы...? Ну партизаны. Пойдем скорее к ней.

Максим и Ира подсели за столик к Рите. Максим смотрел на девушку внимательно, оценивающе.

– Ой, извините. Он подошел к ней, поцеловал ручку, глядя ей в глаза. Ира встала из-за столика.

– Ну ладно. Вы тут общайтесь. Разговаривайте. А мне, извините, пара. У меня дела.

– Что-нибудь заказать?

– Спасибо. Я не голодна.

– Марго. Тогда может продолжим нашу беседу у меня дома? Вы не против?

– Хорошо. Я согласна.

– Боже. Какой милый, тонкий, почти детский голосок. Такая нежная, добрая улыбка, она так мила. Я просто схожу с ума. Думал Максим глядя на Риту. Он взял 3 бутылки коньяка, 3 коробки шоколадных конфет и они покинули кафе.

Дома Максим приставил маленький столик к дивану, открыл бутылку коньяка, открыл коробку конфет. Выпил немного. Начал обнимать и целовать девушку, обнажая по пути ее и себя.

– О Марго! О Марго! О Боже! Как она хороша, пухленькая, мякенькая, тепленькая. Он зарывался с головой в ее тяжелые, теплые груди. Весь погружался, тонул в ней и совсем не хотел выплывать.

– О Марго! О Марго! Он целовал ее пышные бедра, вдыхал запах ее чайного пота и снова тонул в ней с головой.

– Мне нужно в туалет.

– Ты не уйдешь? Не уходи. Я тебя никуда не отпущу. Эх сколько времени упущено. Сколько месяцев прошли даром. О Марго! Он лег на ее теплое место, где она только что лежала, укрылся одеялом с головой, вдыхая ее запах и все больше дурел. И при каждом вздохе произносил: О Марго!

Он засыпал в ней, в ее тяжелых, теплых ногах и руках. Нежно обнимал и прижимал ее к своему изголодавшемуся, одинокому, холостому телу. Просыпался, снова обнимал и тонул в ней.

Утром Максим позвонил на работу, сказал, что ему не здоровится. Снова ложился в постель и погружался в удивительную сказку, под названием любовь.

Через неделю Ира встретила Риту.

– Ну как все прошло? Вижу, что светишься вся. Все хорошо?

– Ой! Это просто чума, а не мужик. Три дня меня с постели не выпускал.

– Что? Затрахал в доску?

– Нет. Он такой нежный, ласковый, добрый, как дитя. Никогда еще не встречала таких мужчин. Мы уже и заявление в ЗАГС подали.

– Ох и счастливая ты Рита. Я тоже замуж хочу. Но никак не могу забеременеть. А мужика сейчас так просто, без бе-

ременности, в ЗАГС не затащишь.

Свадьбу играли в самом большом ресторане. Народу было больше 100 человек. Приехали родители Максима.

– Мать. Ну как тебе наша новоиспеченная невестка? Ха. Ха. Ха.

– Тетя Мотя бегемот. Кривила губы мать Максима.

– Ну что ты дорогая. Это выбор нашего сына. Значит она ему нравится. Мы должны уважать его выбор, считаться с ним.

– Ты посмотри, сколько на свадьбе красивых девушек, одна краше другой. Нет он выбрал эту свиноматку, прости Господи. Твой сынок.

– Ну ты сынок не перестаешь нас удивлять. В прошлый раз новую звезду открыл. В этот раз уже и жену себе нашел. Скоро отцом станешь.

– Ну как она вам?

– Тебе с ней жить сынок. Главное, чтобы она тебе нравилась.

– Мам. Как она тебе?

– Что там в вашем огромном НИИ не нашлось по лучше. Милый мой Максим Юрьевич? Что-то вы немного поторопились со свадьбой. Расписались бы уже когда она родила. Стыдно людям в глаза смотреть. Ругалась мать на Максима.

– Невеста в белом платье. А пузо уже на нос лезет. Хоть бы белое платье не надевали ей. Белое – это чистота и непорочность. Хорошо хоть додумались фату не надевать, ума хва-

тило.

– Почему со свадьбой так затянули? Сынок?

– Да я, пап, недавно только узнал, что она беременная.

Она все это время скрывала.

– Да. Просматривается характер и нравы современной молодежи. О! Времена! О! Нравы! Сетовала Наталья Викторовна.

Отшумела, отзвенела, отплясала веселая свадьба. Молодые вернулись домой с цветами, с подарками, с впечатлениями.

– Ну. Жenuшка моя любимая. Говори. Сколько там нам денег надарили. Наши дорогие гости. Спросил Максим, видя, как Рита разрывает конверты и складывает деньги в кучу.

– Все деньги должны быть у хозяйки. Заявила Рита.

– Нужно купить детские принадлежности, детский столик, детскую кроватку, коляску.

– Хорошо. Хорошо милая. Я не спорю. Просто любопытно. Хотелось бы узнать, окупили мы затраты на свадьбу?

– ы что будешь меня свадьбой попрекать? Я, между прочим, первый раз замуж выхожу.

– Хотелось бы, чтобы и последний. Пробурчал Максим.

– Что ты там говоришь?

– Да это я так, милая, о своем, о мужском.

Через три месяца звонок по телефону. Максим взял трубку.

– Получили твою телеграмму, сынок. Поздравляем тебя с

рождение дочки. Как же хотите назвать?

– Хотели Оленькой или Леночкой.

– Прекрасные имена для девочки. Как дочка твоя, не болеет? На кого похожа?

– Ой папа, она такая пухленькая, как Рита. Такая рыженькая родилась, как Марья Васильевна. Я как увидел ее сразу сказал, что это вылитая Марья Васильевна.

– Какая Марья Васильевна?

– Ну помнишь, у нас соседи были рядом с нашей квартирой. Марья Васильевна и сын ее Денис. Кстати Денис со мной работает, только в другом отделе.

– Ну ладно сынок. Всего тебе хорошего. Мама тебя целует, привет тебе передает. Как только сможем выбраться, заедем, погостим, на нашу внучку посмотрим. Всего хорошего.

Через три месяца к Максиму приехали его родители.

– Ну вот сынок. Мы и приехали, как смогли. Показывай свое сокровище. Мы с подарками. Знаем, что смотреть ребенка без подарков не положено. Рита вышла с ребенком на руках.

– Ух какая красавица. Просто богатырь. Леночка!

– Правда же она на Максима маленького похожа? Такая же светленькая, как и он в детстве на фотографии. Говорят, если дочка на отца похожа, значит счастливая будет.

– Максим был светленький, но не рыженький. Заметил Юрий Николаевич.

– А глаза такие же синие, как у Максима. Правда же?

– Глаза еще поменяются. Подошла к ним Наталья Викторовна. Она внимательно смотрела на девочку.

– На кого она похожа? Не унималась Рита.

– Правда же она похожа на деда?

– На какого деда?

– На Юрия Николаевича. Ну на кого она похожа?

– На тебя. Недовольная вопросами снохи, вздохнула Наталья Викторовна, села на кровать.

Рита сильно изменилась с тех пор, как родилась Леночка. Когда девочка плакала она на нее сильно кричала.

– Заткнись дура. Надоела, что ты орешь? Что тебе еще надо. Спи зараза.

– Почему ты так кричишь на ребенка?

– Да? А ты посиди с ней несколько месяцев. У меня от ее крика уже в ушах заноза. Орет и орет. Дрянь такая.

Максим взял на руки ребенка, начал качать и петь ей песенку.

– Доченька, доченька, доченька моя. Маленькая доченька, милая моя.

– Ты целыми днями на работе. А я тут предоставлена ей на растерзание. Она только орет и орет, пока ее на руки не возьмешь. Зараза такая.

– Ребенок требует много внимания. Это же маленький, беззащитный ребенок. Вот видишь, немного покачал, она и уснула. А от твоего психа ребенок не уснет. Дети чувствуют настроение и любовь. Максим подошел, обнял Риту.

– Ты злишься и ребенка нервируешь.

– Ты покачал немного. Тебе в охотку. А мне она уже вот где сидит. Рита показала пальцами на горло.

– Ну а как же другие женщины справляются с маленькими детьми? Ну если не хочешь с ней сидеть, давай ее в ясельки определим. А ты можешь идти на работу. Общение с людьми и деньги лишними не будут.

– Что? Закричала Рита. На работу? Ты лучше поговори со своим начальником, чтобы тебе больше платил.

– Рита. Разве я мало зарабатываю? Разве тебе не хватает денег?

– На ребенка столько денег уходит. Она ест как большая. Растет как лошадь. Уже ни во что не вмещается.

– А я тебе говорил, что ты ей берешь вещи маленькие, нужно брать на вырост. Тогда на дольше будет их хватать.

– Я тебе столько денег приношу, неужели все мало? Кричал Максим.

– Мало. Рита упала на кровать и начала плакать.

– Ну что ты милая. Извини. Максим подошел и обнимал Риту.

– Я плохая мать. Не умею с маленькими детьми обращаться. Я плохая хозяйка, не умею ребенку одежду покупать. И транжира я. Мне денег не хватает. Кричала Рита.

– Можешь найти себе хорошую. Иди. Оставь нас. Проваливай.

– Все! С меня хватит! Закричал Максим. Во! Уже где все!

Выше крыши.

Максим ушел из дома хлопнув дверью. Он зашел в кафе, пил коньяк и думал. Вспоминал из-за чего разгорелся такой пожар.

– В чем я виноват? Что я такого сказал? Конечно устала, я понимаю. Но зачем на меня орать на ровном месте? Она же была такая нежная, добрая, тихая с ангельским, детским голосом. А сейчас что? В последнее время кричит во всю глотку, таким противным, грубым голосом, как будто ее режут, а с ребенком как обращается? Она же ее готова убить.

– Откуда такая ненависть, агрессия, злоба? Это же ее ребенок, где ее материнская любовь, терпение, все жертвование, о которых пишут классики? Да. Она ее сразу не хотела. Хотела сделать аборт, она ей не нужна была. Как же дальше жить? Где жить? Это милое создание будет жить без отца? В чем ребенок виноват? А я как буду жить без этого милого ангела?

Рита позвонила Ире.

– Ира. К тебе Максим не заходил?

– Нет. А что случилось?

– И не звонил?

– Нет. Что случилось?

– Достали уже все. Это дура все орет и орет. Убила бы ее.

– Ты что? Совсем ополоумела так говорить. А ты знаешь?

Я где-то слышала, что если матери младенец не нужен, она кричит на него и ругается, то Бог может его забрать к себе.

Он очень любит и не позволяет, чтобы ангелов обижали.

– Да пусть на хрен всех забирает. Всех! Все достали. Какой она ангел, орет и орет, гадина.

– Кстати к мужчинам это тоже относится. Даже растение, если его не любят, оно вянет и засыхает. Негативная энергия плохо влияет и убивает жизнь.

– На работу он меня посылает. Говорит: Можно ее в ясельки если устала, а ты на работу. Ну я его сама послала.

– Ты что творишь? Ты что, с ума сошла? Что с тобой происходит? Опомнись!

– Да пусть катится. На алименты подам. Теперь я уже и без него не пропаду.

– И что тебе с этих алиментов? Или целый мужик был под боком, или вообще никакого. Или все деньги он тебе приносил, или только часть будешь получать. На работу тебе придется идти. Тебе садик просто так никто не даст.

– Да?

– Да. А ты как думала?

– Ну не знаю.

– Вот он молодой, красивый, успешный ученый, с хорошими деньгами, ласковый. Он между прочим, может легко найти себе и получше. А ты потом будешь себе локотки покусывать, когда свое счастье профукаешь. Наверняка он сейчас в кафе сидит.

– И что?

– Вот подсядет к нему за столик какая-нибудь красивая

девушка. А он с досады уйдет к ней. У мужчин это легко делается.

– Думаешь сможет?

– Да мужики все безответственные. Особенно если жена такая фурия. Тебе не нравится, когда дочка кричит, а думаешь ему нравится, как ты орешь? Радуйся, если он придет ночевать, извиняйся до потери пульса и засунь свой псих сама знаешь куда.

– Одна она теперь проживет! Выгнала мужика и радуется! Пей успокоительные и не доставай мужа. Да. Еще. Моли Бога, чтобы он пришел домой и вообще, чтобы тебя не бросил. Пока.

Леночке исполнился годик. С работы Максима и Риты приходили друзья с поздравлениями и подарками. Позже приехали родители Максима погостить.

– Ну как вы тут наши дорогие, подрастаете? Все хорошеете? Леночка подползла к Юрию Николаевичу. Хватаясь за его брюки встала на ножки, обхватила его ногу обеими руками, смотрела улыбаясь вверх на его лицо. Он взял ее на руки, подкинул вверх два раза. Леночка визжала, смеялась, он поставил ее на пол. Она обхватила его ногу и не отпускала.

– Что, понравилась моя нога?

– А что Рита? Мы твоих родителей не видели? На свадьбе их не было? Спросила Наталья Викторовна. Рита стояла, покачивая телом то в одну, то в другую сторону.

– Меня мама бросила на вокзале, когда мне было 3 года.

Меня усыновили другие люди.

– Так почему же их не было на свадьбе?

– Отец мой приемный умер 5 лет назад. Я к нему даже на похороны не ходила. А матери приемной я даже ничего не говорила.

– Почему?

– А они мне не родные. Они мне никто. Чужие люди.

– Но они тебя усыновили, вырастили, воспитали, дали тебе образование, они дали тебе полноценную семью.

– А у них не было своих детей, потому они меня и усыновили. Я подарила им родительское счастье. А то так бы и жили вдвоем, как два бобыля без детей.

– О Боже! Вскрикнула Наталья Викторовна.

– Но ведь ваша мать теперь осталась совсем одна, она нуждается в вашей помощи, в вашем участии.

– А она мне вовсе не мать. Все время покачиваясь, Рита вела разговор.

– И вообще. Я буду искать свою настоящую, родную мать.

– Зачем? Не понимаю. Возмущалась Наталья Викторовна.

– Ведь она вас бросила, предала, нанесла вам психическую травму?

– А я ей все прощаю. Потому, что она моя родная мать.

– А почему не отдать должное тем людям, которые не спали ночи, когда вы болели, переживали за ваши неудачи, поднимали вас на ноги. Они вложили в вас душу, молодость, здоровье, деньги в конце концов.

– А теперь эта женщина одна, брошена на произвол судьбы. Может она болеет, нуждается в вашей помощи. Нужно съездить, навестить ее.

– Не хочу. Ответила Рита все так же покачиваясь из стороны в сторону.

– Вы просто бессердечная, у вас нет души. Хотя бы чувство долга у вас есть?

– А я никому ничего не должна.

– Все! Я уже не могу разговаривать с ней. У меня ее логика не укладывается в голове. У меня сейчас просто лопнет голова от ее рассуждений и умозаключений. Наталья Викторовна выпила две таблетки валерианы, положила под язык валидол и вышла на балкон. Юрий Николаевич вышел вслед за ней.

– Ну что ты дорогая так расстраиваешься?

– Вульгарная, злобная, бездушная тварь.

– Успокойся милая.

– Успокойся? А если наш нам потом тоже такое заявит?

– Слава Богу у нас еще есть наша родная дочь. Надеюсь она от нас в старости не откажется, наша кровиночка?

– Я тоже на это надеюсь. Завтра же уезжаем домой. Пока я с ума не сдвинулась от ее рассуждений. Я не собираюсь здесь находиться больше ни одного дня.

– Хорошо дорогая. Завтра поедем. Как там наша кровиночка без нас?

– Да. Ну и фурию нам сынок подложил. Гордость твоя.

Гордись теперь.

Несчастный случай

Прошло три года. Максим возвращался с работы домой. Он шел по пустынной, вечерней улице в приподнятом настроении. Максим двое суток провел в обсерватории. Давно не видел семью. Соскучился по лепетунье дочке, по молодой, красивой жене.

Он думал, как он сейчас придет домой, возьмет на руки дочь. Она обнимет его за шею своими теплыми ручками. Будет рассказывать на понятном только ей одной языке, расставляя свои пальчики в стороны. Удивляться, что папа ее не понимает.

Он думал, как ему в жизни повезло. Новая должность, его любимая работа, любимая жена, любимая дочка. Он еще молод, умен, талантлив. Как он все-таки счастлив.

– Жизнь удалась! Я люблю тебя жизнь! Я всех люблю! Сказал он громко и радостно.

Он вдыхал приятный, свежий осенний воздух, любовался переливами красок. Золотых, бордовых, и кое-где еще зеленых листьев. Он просто шел улыбался и напевал себе под нос незатейливую, неизвестно откуда взявшуюся веселую мелодию. На улице тишина, ни души.

Вдруг. Неизвестно откуда. Из-за угла соседнего дома, с громким лаем прямо ему на встречу, выскочила огромная, черная, злая собака. Она сразу, во весь рост, прыгнула на

грудь Максима и свалила его на асфальт.

Он не понял, как уже лежал на спине и огромная, черная пасть, полная белой, тягучей слюны, нависла над его лицом. Не помня себя, он начал орать во все горло. С громким лаем, скрепя kloкастыми зубами, собака пытается огромной пастью схватить его за горло или лицо.

Вся его короткая жизнь в доли секунды промелькнула перед его глазами. Он увидел ее конец. В этом страшном оскале огромной, лохматой морды, он увидел свою смерть. О, как она была страшна. И как страшно было умирать молодым, здоровым, растерзанным на куски, истекающем кровью. Принять смерть от неизвестной, бешеной собаки.

Не переставая кричать, он тут же пустил в ход руки и ноги. Максим лежал на спине интенсивно махая руками и ногами, в эту минуту был похож на беспомощную, перевернутую вниз панцирем огромную черепаху.

Собака успела укусить его за левую руку, правой рукой он успел ее ударить по костлявой скуле, а правой ногой ударить ее в живот.

– Фу! Фу! Услышал он в стороне. Тут подошел к ним крепкий мужчина, схватил собаку за ошейник, оттянул ее к себе.

– Фу! Фу! Кричал он собаке. Посмотрел на Максима.

– Вы в порядке? Все нормально?

Максим встал с асфальта и молча пошел дальше. Он хотел быстрее уйти от этого злополучного, страшного места, где чуть-чуть не оборвалась его и без того короткая, хотя и

счастливая жизнь. По пальцам стекала кровь, капала на асфальт. Максим перевязал платочком кровоточащую рану вокруг большого пальца.

Он от души благодарил свою судьбу, что не остался там куском разорванного мяса, что остался живой, что отделался легким испугом. Его дрожащие в коленках ноги совсем не слушались, но мозг настойчиво управлял ими, вел его вперед, прямо к его дому.

Всю ночь он не мог уснуть от боли укушенной руки, от боли в спине, от боли в голове, от тошноты и позыва рвоты. А в те короткие минуты, когда он немного забывался, он вздрагивал и кричал от ужаса нависшей черной, лохматой морды в белой пене, с налитыми кровью злыми глазами. От страшных и непонятных снов, где снова и снова видел эту огромную, нависшую над ним черную пасть с белыми, огромными клыками

Весь день он провалялся в постели с обезболивающим лекарством. Иногда он бредил, стонал, кричал и вскакивал. На следующий день Максим на работе потерял сознание и его увезли в больницу.

– Ну что? Живой? Молодой человек! Себя совсем не бережете. Нужно было сразу же, еще вчера, вызвать скорую помощь. У вас сотрясение мозга. Вам нужно отлежаться в больнице несколько дней. Укус собаки. Нужны противостолбнячные уколы.

– Я не могу долго лежать в больнице. На небе убываю-

щая луна. Скоро небо будет безлунное, ясное время, звездное. Мне нужно будет делать снимки звездного неба, исследование вселенной в фокусе, регулировать расстояние. Мне нужны постоянные точные измерения, мне нужны результаты работы, математические вычисления.

– Вы хотите мне голову снести вашими терминами? Я могу вам сломать голову своими терминами. Я знаю только одно, вам нужен полный покой, никакого чтения книг, никакого просмотра телевизора. Только полный покой, процедуры и еще раз полный покой. А то я буду вынужден своими терминами колоть в ваши прекрасные, молодые, ягодичные успокаивающие уколы. Понятно?

– Понятно. А как же мои звезды? Моя работа?

– А ваши звезды, вся ваша галактика, все ваши звездные собраты, подождут вас, пока вы выздоравливаете. Ей куда торопиться? Вашей вселенной. 40 тысяч лет существует человек, 200 лет он изучает звезды. А им от этого, извините, не холодно и не жарко. А вы если не будите лечится, извините, а страдать тошнотой, рвотой, сознание терять, как женщина с токсикозом, то так и закончите свою жизнь в молодом возрасте.

– А если наши ученые будут умирать в молодом возрасте, то извините наша наука недалеко шагнет. Поверите мне? Так что милостивый государь, покой, процедуры...

– И еще раз покой.

– Я рад, что мы с вами друг друга поняли. А сейчас на

процедуры.

Через 3 дня Максим с больницы сбежал. Оставил на своем столике записку, что претензий к медицинскому персоналу не имеет и просит прощения. Целую неделю он пропадал в обсерватории день и ночь. Начались сильные головные боли. Его снова без сознания привезли в больницу.

– Ну что? Успели? Все дела сделали?

– Да почти.

– Ну что же, это хорошо. А у меня для вас неутешительные новости. Мы сделали анализ вашей крови.

– И что? Доктор все хорошо? Я буду жить?

– Напрасно вы иронизируете молодой человек. Теперь вам нужно длительное и серьезное лечение, если не поможет, возможно оперативное вмешательство.

– Что? Операция? С какой стати? У меня уже ничего не болит.

– А голова?

– Подумаешь. Голова. Таблетку выпил и нет головной боли.

– Мне что, прикажите к кровати вас привязывать, так буйных больных лечат, но вы же умный человек. Поймите вы, что от ушиба головы образовалась гематома. Как она себя поведет дальше, одному Богу известно. Я вас убедительно прошу, не сбегать с больницы. Не усугубляйте свое и без того серьезное заболевание. Если бы вы не сбежали, мы бы вам ее предупредили, вовремя правильно оказали первую помощь.

При своевременном начале лечения гематома проходит бесследно.

– А теперь она очень опасна для вашей жизни. Гематома мозга, это вам не синяк на ягодице. Это мозг. Понимаете, вы это, или нет?

– Ладно. Ладно. Лечите. Я согласен. Понял я. Все понял. Не сбегу.

Через две недели. Главный врач больницы делал обход.

– Мы провели вам медикаментозное лечение. Это результатов не дало. Время было упущено. Мы сделали вам томографию, собрали консилиум врачей, всеобщее решение, только операция. Болезнь была запущена из-за вашего халатного отношения к своему здоровью.

– Что? Операция? Нет я не согласен.

– Поговорите со своими близкими, родственниками, посоветуйтесь. Не принимайте скоропалительного решения. Подумайте. Вы молодой человек, вам еще нужно жить, открывать новые звезды, планеты, вас ждут великие дела и открытия.

Максим отказался от операции, написал расписку и покинул стены больницы. Позже начались сильные головные боли и бессонные ночи. Максим покупал в аптеке обезболивающие лекарства и принимал их.

Рита отыскала свою родную мать, привезла ее в квартиру. Дочка подрастала, нужно было давно определять ее в садик, возвращаться на работу, но Рита не хотела работать. Она по-

звонила своей подруге.

– Ира. Не знаю, что делать. Дочка подрастает, нужно садик оформлять, на работу выходить, а я не хочу.

– Роди еще одного ребенка и сиди себе преспокойненько дома с ребенком.

– Да никак не получается. В последнее время он стал как чумной, по ночам орет, стал приходиться с работы пьяный или вообще пропадает на своей работе, неделями не появляется дома. В своей обсерватории прописался. Я уже не помню, когда мы последний раз спали вместе.

– Сходи по известному адресу. Забыла, что ли?

Рита подсчитала наиболее благоприятные дни, когда она может зачать. Позвонила своему начальнику, назначила ему встречу в кафе.

– Ну что Ира? Как дела на семейном фронте?

– Да какие там дела, пьет всю дорогу. А у вас как дела?

– Да какие там дела. Так, делишки. Твой-то совсем в науку ударился. И день и ночь на работе, неделями пропадает. Горит так сказать на работе. А ты все одна, да одна, наверно уже по мужику соскучилась.

– Конечно.

– Ну так мы это можем быстро исправить. Твой-то как? Мою дочку не обижает?

– Нет. Он ее сильно любит.

– Что, понравился мой генетический материал? Еще хочешь?

– Хочу еще родить, а от него не получается.

– А претензий по этому поводу не будешь иметь, как в прошлый раз?

– Нет Я ведь теперь замужняя дама.

– А твой как? Не будет ко мне претензий иметь? А? Замужняя дама?

– А откуда он узнает?

– Ну что вы не спали, а ты беременная?

– Если ему пятимесячную беременность всучили, подруга помогла, что как будто он пьяный был не помнил, а сейчас сам Бог велел ему этого поднимать, все ведь законно, в браке как бы. Она такая фантазерка, такая выдумщица, все и устроила.

– А дочка с кем будет?

– С мамой.

– Ну и лоха ты себе нашла, таких еще поискать надо, днем с огнем не найдешь. Ну и прошмандовка же ты. Они долго сидели и смеялись. Ну и когда же приступим к разврату?

– Да хоть сегодня можем и приступить. Я готова.

– Готова, дочь Попова. Ха! Ха! Ха! Ну что ж, тогда пошли. А твой тебя искать не будет?

– Вряд ли он вообще заметит мое отсутствие. Он теперь или на работе, а если дома, то пьяный в стельку.

Приехали родители Максима. Они узнали о его болезни, решили попробовать уговорить его решиться на операцию.

– Ну почему ты не хочешь? Конечно риск есть. При лю-

бой операции риск. Но сейчас хотя бы есть шанс. Я разговаривал со специалистами, тут видишь ли как, чем ты дольше откладываешь операцию, тем меньше шансов на успешное выздоровление.

– Пойми папа. Я ее не откладываю, я от нее отказываюсь.

– Мы найдем тебе хорошего врача, специалиста, который такие операции как семечки щелкает, эти гематомы. Не хочешь здесь, мы за границей найдем, деньги найдем, квартиру продадим, друзья нам помогут, кредит возьмем. Деньги будут. Нужно только твое согласие. Ты что боишься? Или может быть ты думаешь, что оно возьмет там и все само собой рассосаться может?

– Да я боюсь. И да. Я думаю, правильно ты сказал, что оно само там просто рассосется, что там просто ерунда, подумашь. Это просто как синяк, мало ли я в жизни синяков набивал, все проходило, так и там все само по себе пройдет. Я молодой, мой организм справится сам. А вскрывать свою черепушку не дам.

– Ладно. Сегодня ты выпивши, спи спокойно, мы тебя беспокоить не будем, а то ты уже на ходу засыпаешь, мы с тобой лучше завтра об этом поговорим.

– Ладно папа, я прилягу, отдохну, не загружай мне сегодня мозг.

– А что это за женщина?

– Это Рита свою мать откуда-то выкопала и привезла.

– А где сама Рита?

– Не знаю. Я ее сам уже 3 дня не видел.

– Вы что поругались?

– Да она мне теперь каждый день мозг выедаёт.

– Потому, что ты пьешь?

– Потому, что я денег мало зарабатываю. А сама на работу идти не хочет, да еще и свою мамашу больную привезла, как будто у меня тут приют для бездомных.

– А чем она болеет?

– Алкогольной интоксикацией печени.

– А что есть такое заболевание? Я что-то не слышал.

– У нее есть. Максим лег на кровать и заснул. Но тут же проснулся от разговора родителей, у него теперь стал очень чуткий сон.

– А что если и наш начнет искать свою мать? Глядя на Риту.

– Не думаю. Он же ничего не знает. И ты не думай. Лучше спи.

Максим пришел с работы домой. Теперь, когда лекарства не очень помогали, он начал частенько пить, чтобы хоть как-то заглушить невыносимую боль. Он прилег на диван и пытался заснуть. К нему подошла Рита.

– Что-то ты мне давно денег не давал. Мне нужны деньги. Слышишь? Или нет? Девочка растет, девочке надо питание хорошее. Ты собираешься растить дочь? А? Что ты молчишь? Я с кем разговариваю? Она начала толкать его ногой в бок.

– Отвяжись.

– Что это значит, отвяжись? Дома не ночуешь. Приходишь пьяный. Деньги пропиваешь. Кричала Рита.

– Заткнись, не ори. Голова болит.

– Деньги давай! Я и заткнусь. Максим сел, взялся за голову руками.

– Что значит заткнись? Деньги давай. Кричала Рита.

– Заткнись. Не ори. Он встал и замахнулся на Риту кулаком. Но услышал голос Леночки.

– Не бей мою маму. Уходи. Ты плохой. Она стояла и смотрела на него полными от слез глазами.

– Ах да, конечно. Не трону. Это же твоя мама. Прости. А где же моя мама?

Он сел на диван, закрыл лицо руками и заплакал.

– О! Тряпка! Ты не мужик, ты тряпка половая! Алкаш! Импотент!

– А тебе нужны деньги? Так иди и работай, вместе со своей мамой, идите обе и работайте. Прицепились ко мне как пиявки и пьете мою кровь. Пошли вон все отсюда.

– Не кричи на нее, она беременная, уже 8 недель. Вмешалась мать.

– 8 недель? А. Это 2 месяца? Я помню. Это когда ты дома неделю не ночевала? А папаша то, кто? Тот, кто тебе Леночку сделал? Папаша Леночки? Теперь будет папаша Оли. Да?

– Козел.

– А. Максим что? Лох? Помойка? А? Что? Так и будет

подбирать весь мусор за Денисом? Я еще тогда, в кафе понял. Что это не от меня твоя пятимесячная беременность. Я просто пожалел тебя. Ты сидела там такая растерянная. С грустными, влажными глазами.

– Я понял, что папаша твоего будущего ребенка отказался. Потому, что ты девушка с лишним весом. Ты девушка не ширпотреб, ты девушка на любителя. Когда я услышал твой ласковый, тоненький, почти детский голосок. Я понял, что ты одинокая, тебе уже больше некуда деваться, кто тебя с таким сроком возьмет замуж.

– И я тоже был одинок. Я увидел в твоих глазах, в тебе, родственную душу. Я полюбил тебя за нежность, наивность, доброту, чистоту. А когда девочка родилась рыженькая, тогда я сразу понял, кто подлец, который предал тебя.

– Но ты не оценила мой поступок, моей искренней любви, моей доброты. Ты решила мне еще одну беременность подложить? А? Что этот лох все скушает? Где одна беременность, там можно и еще подкинуть? Это же дурачок, он все проглотит.

– Скажешь опять, что я пьяный был? Но я полгода с тобой не спал. Все! Собирай свои вещи и быстро вон из моей квартиры. Обе. Все. И дочку свою не забудь прихватить. Катись к своему Денису. Обрадуй его, что он скоро снова станет папа. Быстро собирайся! Я кому говорю? Что расселась?

– Сам уходи. Куда хочешь. А я, никуда не пойду.

– Что? Что ты сказала? Лучше уходи по-хорошему.

– А то что? Что ты меня убьешь. Ха! Ха! Ха!

– Уйдешь. Разойдемся по-хорошему. Буду платить тебе алименты. Работать пойдешь. Если не уйдешь. Подаю на суд на ДНК, ты сама прекрасно знаешь результат. Тогда ничего не получишь, ни копейки.

– Ну можно мы завтра уйдем?

– Нет. Забирай все необходимое, все, что вы со своей мамой унесете, остальное привезу.

– Ну куда мы пойдём?

– Ты же где-то жила до меня? Я слышал, что ты ее сдаешь. Вот и живи там, откуда ты ко мне пришла. Даю вам час на сборы. У меня сильно болит голова. Мне нужен покой.

Глюки

Кроме головной боли, Максима начала мучить бессонница. В те короткие минуты сна стали появляться какие-то обрывки фраз, слов, видения, непонятные речи. Вот он летит кубарем по звездному небу.

– Черная дыра, как она появляется? Звезды заканчивают свое существование. Остается сгусток вещества в 10 миллионов звезд. Видеть невозможно. Действует тяготение. Звезды приближаются и удаляются. Образовалось облако, поглощение звезд.

– Солнечное затмение. Микро-затмение на фоне звезды. Будет видно через 10 лет. Прошло большое интересное событие. Самая далекая галактика. Гравитация. Линзы. Свет от них натывается и отражается. Появляется изображение далекое. Отраженный свет идет 11-12 миллиардов световых лет.

– Мы видим через черную дыру во вселенной очень много пыли, похожую на сажу. Когда звезды взрывались. Приборы позволят установить.

– тратить деньги не на войны, не на строительство дворцов и замков, а на телескопы, которые позволят открывать новые планеты и галактики.

– Черная дыра не пропускает свет, не видно, что там

внутри ее происходит. Многие вещи даже представить себе невозможно.

– Свет звезды может идти до нас 30 тысяч световых лет, а мы ее только видим.

Максим проснулся в холодном поту, сел. Он не понимал где находится. Он внимательно осматривал привычную комнату.

– Я что, только что свалился с небес? Я же только что там летал, кружился, как пятиконечная звезда, раскинув в стороны руки и ноги. Пошел на кухню, попил воды. Голова была как в тумане. Максим перевернул мокрую подушку на другую сухую сторону, лег и заснул.

– Астрономы раскрывают секреты малых звезд. Астероид. Планета разваливается на малые и большие астероиды. В 1933 году. Комета, хвостатая звезда. Под действием солнечных лучей растворяется газ. Притягиваются растворяются планеты. В конце 80-х годов начал исследование. 2 секунды в час смещается. Получает снимок.

– Удалось зарегистрировать за орбитой звезды. Ледяные каменные глыбы. Карликовые планеты, не совсем камни.

– Есть ли жизнь во вселенной? Молодые звезды окружены ядовитым газом, ищем сигналы. Вычисляем зоны обитания. Космическое пространство около нуля. Внутри узенького пространства мы можем существовать. Страшно редкое явление жизнь во вселенной. Может быть мы единственная планета для существования.

Максим снова проснулся. Он лежал и соображал, что за белиберда происходит в его голове.

– Так же и с ума можно сойти. Он вспоминал свои сны.

– Вот это я начитался, что в голове каламбур. Мысли из ушей вылезают, нет лучше сказать так, мозги из ушей вываливаются. Он начал смеяться.

Время на часах было 6 утра. Больше он не решился положить голову на подушку, включил радиоприемник, умывался, завтракал, слушал разные песни. Поехал в обсерваторию.

Максим купил в аптеке снотворные таблетки, которые начал принимать с обезболивающими лекарствами. Он уже так уставал, была сильная слабость, он еле волочил свои ноги, шаркая по полу как старик. Он так хотел просто выспаться. Две ночи он спал хорошо, но днем все равно была сильная слабость, тяжело вставал с постели.

Его уже давно отстранили от работы. Считали, что он все время пьет и уже ничего не соображает. Он все равно иногда приходил на работу и бродил как тень. Заходил в свой кабинет в дни ремиссии.

Снова непонятный сон. В холодной постели лежит худой, не бритый, бледный мужчина. Измученный болью и болезнью. Из-под тяжелых век по всему лицу растекаются горячие слезы. У него нет сил поднять руку и вытереть их.

Его измученное тело больше не хочет слушаться. Когда боли немного утихли, голова немного просветлела. Появилась одна единственная мысль, что все уже кончено.

– Вот и все. А ведь мне даже нет 50-ти лет. Боже! Мне нет 50 лет. Ведь у меня могла быть семья, дети. Но я даже отца своего не помню. После моего дебоша он попал под машину. А мать после моего загула попала в больницу и больше я ее не видел. Я не хоронил ни отца, ни мать.

– Как будто еще вчера я сидел у отца на плечах, когда ходили в парк. Как будто еще вчера купала меня мать в корытце. Они меня очень любили и баловали. Исполняли все мои капризы.

– А капризы у меня были... Особенно когда я повзрослел. Что я творил? Горячая волна стыда прокатилась по его, казалось бы, уже безжизненному телу. Я ходил на охоту. Нет. Я не любил. Я даже не уважал женщин. Это была охота. Покорение и завоевание очередной, следующей, другой.

– Я их даже не помнил. В пьяном угаре я порой даже не различал их лица.

– Боже! Прости! Прохрипел он. Сказать у него даже не было сил. И не разжимая губ.

– Боже! Дай мне шанс, я все начну с начала. Я начну новую жизнь с чистого листа. Я буду любить жизнь и всех, кто в ней.

Он не помнил сколько он тут лежит. И вдруг свет, яркий, живой, теплый, ласковый, озарил мертвую комнату. Он его не видел, он его чувствовал. Он только чуть приоткрыл на миг глаза и бриллианты слез заискрились на его ресницах живыми, разноцветными огнями.

– Ты услышал? Ты со мной?

– Я всегда был с тобой. Это голос был не громкий, но сильный, отдаленный, ласковый. Он был не снаружи, а как будто внутри, в голове.

– Когда ты пришел в этот мир, я дал тебе здоровое тело, здоровые органы. Ты хозяин жизни и всего, что на земле, я тебе все дал. Я тебе дал свободу для творчества, для любви, для долгой счастливой жизни. Но как ты распорядился моим бесценным подарком?

– Конечно же, я дам тебе еще шанс. Я всегда даю тебе шанс и все, что ты просишь. Ты получишь новое здоровое тело младенца. Ты начнешь новую жизнь. Ведь ты сын мой любимый. Пойдем со мной.

И вот тогда он увидел свет огромного, золотого, теплого солнца. Его мама и отец, они шли ему на встречу. Он почувствовал огромную, всепроникающую любовь.

– Они меня простили! Они меня снова любят! Я счастлив!
Максим проснулся. В его сердце была огромная любовь и счастье. Когда он открыл глаза, он лежал в своей комнате. Он сначала даже ничего не понял. Он смотрел вокруг себя на знакомые в комнате предметы. Сон был настолько реальным, что его удивлению не было границ.

– Я же только что умер. Это что, уже вторая жизнь? Или это еще только первая? В его голове все смешалось. Он уже ничего не понимал, где заканчивался сон, а где реальная жизнь.

– А как же все было хорошо. Почему же я снова здесь?

Я же уже ушел. Зачем мое сознание играет со мной? Зачем вновь возвращает меня в реальную, одинокую, болезненную действительность?

– Нет это был не я. Я даже половину его лет не прожил. Я еще молодой. Так почему же со мной такое случилось? Почему я хочу умереть? За что мне такое? Почему я как он не ушел? Он сел и снова острая боль, как кинжалом пронзила его голову.

– А! А! А! Когда же это уже кончится? Когда придет наконец, мой конец. Он взял со столика таблетки, запил их водой.

В последнее время Максим пил много таблеток, чтобы хоть немного облегчить свою боль. Если не помогало пил еще и алкоголь. Иногда от этого становилось полегче, но не на долго. Тогда он снова пил таблетки и алкоголь.

И снова сон. Яркий, цветной, веселый. Он открыл дверь, там пьяные люди веселились, пели, плясали. Но сквозь человеческие лица, он видел их сущность. Как будто на их безобразные, уродливые, животные морды, были надеты человеческие лица. Лица иногда начинали сползать, они их снова натягивали, как маски на карнавале.

Это была огромная мафия животных, они были связаны между собой одной целью, веселиться и получать удовольствие. Они заманивали людей в свою организацию, заражали их весельем, они становились такими же как они животными, с животным нутром и инстинктом. Люди подходили к Максиму, окружали, тащили его куда-то за руки.

Он вырвался, зашел в другую дверь. Там был огромный зал, много других дверей. Огромный кабинет. Комиссия сидела за столом, осматривала людей, отправляла по нужным для них комнатам, где сидели разные врачи.

Девушка истошно кричала, вырывалась и постоянно твердила, что она все равно отсюда убежит. Другие люди с грустью ей говорили, что отсюда обратной дороги нет.

Максим закрыл дверь и пошел дальше. Он был в этой истории как сторонний наблюдатель. Он ходил по этому удивительному, волшебному городу, открывал из любопытства разные двери, открывал для себя что-то новое. В этом месте не было деревьев, цветов, травы, высоких строений и машин. Только низкие здания и двери, везде, только двери. Вокруг было мрачно как в черно-белом кино. А за каждой дверью какой-то праздник. Он встретил веселую, симпатичную девушку, она ему улыбалась.

– Ты здесь новенький?

– Да. А ты?

– Я тоже. Правда интересно? Ты уже много комнат прошел.

– Нет. Я только пришел.

– А давай вместе будем открывать двери? Может где-то нам понравиться.

– Давай.

Они открыли одну дверь. Там было много голых мужчин и женщин. Они лежали на полу, на столах, на диванах. Об-

нимали и целовали друг друга. Манили его к себе, махая руками.

– Тут тоже не интересно. Пойдем дальше, будем искать нашу дверь, тянула за руку веселая девушка. Она была такая легкая, активная, от нее исходил, свет любви и радости. Максим открыл одну дверь и увидел там себя.

– Ну что ты там застрял, я жду тебя, пойдем дальше.

Максим увидел себя, как он пошел в школу, в первый класс с цветами. Мама вела его за ручку. Он был счастливый и гордый.

Вот он увидел себя, как он совсем маленький, несколько месяцев назад он родился. Мама подносит его к своей груди, она мило ему улыбается, от нее идет любовь и радость. Все взрослые вокруг его любят, сюсюкаются с ним, целуют его в пухлые щечки. Целуют его белые, маленькие ручки и ножки. Все его очень любят, он переносится с одних рук на другие, все его хотят обнять, поцеловать, потискать.

Вот он уже ползая по толстому, теплomu паласу, схватившись за ткань дивана, встает на ножки, радуется глядя по сторонам. Хлопает по дивану ладошками, визжит от нахлынувшей радости.

– А это что? Это темнота. Но Максиму хорошо, тепло. Он слышит звуки музыки, громкий, веселый, разговор людей. Он как будто лежит в челноке. Мягком, удобном, теплом, волны омыают и укачивают его.

Вдруг он услышал звук металлических предметов, ударя-

ющихся друг о друга. Какие-то металлические инструменты перебирают в металлической посуде. Он почувствовал интуитивный страх смерти.

– Меня хотят убить! Услышал он в своем малюсеньком мозге. Он начал метаться в темноте. Биться о мягкие, теплые стенки. Такой маленький, беззащитный, уязвимый. Он начал кричать и убегать. Он думал, что надо куда-то спрятаться, бился в истерике, прятался по углам. Он ощущал на себе весь ужас приближающейся смерти.

Максим проснулся от крика, от своего реального, истеричного крика. Еще совсем не освободившись от сна, он метался по постели, закручиваясь в одеяло и истерично орал. Почувствовав своим телом прохладную ткань одеяла, тихонько откинув ее с головы, он увидел, что он в своей постели, в своей квартире. Все же его еще долго трясло и колотило, он никак не мог успокоиться от ужаса неминуемой смерти.

Максим сел на кровать, снова острая боль, как раскаленным кинжалом, пронзила его голову. Он высыпал в руку горсть таблеток, запил водой и прилег. Он долго не мог оправиться от страшного сна, настолько было все реально. Он всматривался в привычные предметы своей комнаты, не веря своим глазам. Не веря, что его уже когда-то родила, не убила, мать, что он уже давно взрослый мужчина, а не зародыш в утробе матери.

– Все, хватит лежать, надо прогуляться, отвлечься. Он по-

шел в кафе, кушать совсем не хотелось, он немного перекусил, просто сидел отдыхал, смотрел на посетителей, в окно и думал.

Он вспомнил, что до этой концовки страшного сна ему снилась милая девушка. Как она взяла его за руку, они бежали по черно-белой улице бетонного города, открывая новые двери.

– Она сказала: А давай будем вместе открывать двери может нам где-то понравится. Наверно это была моя судьба. Почему я отпустил ее руку, почему не пошел с ней, в ней было много радости, нежности и любви.

– Потому, что я увидел себя. Я зашел в ту дверь, потому, что я увидел себя. Это понятно. Любой бы так поступил. Но сначала было все так хорошо, почему же потом все пошло в обратном направлении? Это не понятно. Интересно, означает ли что-то этот сон или просто очередная белиберда? Но настолько реальный, я не помню, чтобы мне снились такие сны. Он вернулся домой, ничего не хотелось, просто хотелось покоя, тишины, отдыха и сна.

– Я еда. Я кусок рыбы на металлическом, разделочном столе. Меня очистили от чешуи, отрезали голову, плавники, хвост, выпотрошили брюхо. Я уже просто кусок рыбы, готовый к приготовлению, можно жарить или варить. Мне не больно, мне не страшно, я знаю, что это мое предназначение. Я смотрю на соседний стол. Там в тарелке лежит салат, он такая же еда, как и я. Его уже едят. У него тоже нет ни стра-

ха, ни боли, не сожаления. Он горд, что его уже едят, а меня еще нет. Он горд, что его предпочли первым, а не меня.

– Здесь тоже своя иерархия. Овощи, например, или фрукты, их готовить не обязательно, помой и кушай, они выше по иерархии. А мы, рыба, мясо, низшие, потому, что нас надо еще готовить, мы как бы грязный продукт. И так, я еда. Я лежу с такими же как я, мы лежим и каждый ждет своей очереди. Нет ни боли, ни страха, ни сожаления. Мы знаем, что нас создали для того, чтобы потом съесть.

– Надо же, приснится же такое, что я еда. Что-то я не понял, спал или не спал, привиделось мне это все? А может быть мы тоже еда? Для кого-то. Может быть нас тоже насеяли и выращивают, как люди выращивают на грядках огурцы, помидоры, укроп и петрушку. Создают для нас условия для выращивания, ну там температуру, солнце, воду.

– Может таких планет как наша много, как грядок в огороде. Мы также как все в природе, имеем семена, разрастаемся, размножаемся. На одной грядке одно, на другой другое.

– Когда мы умираем, наше тело в землю закапывают, это понятно, на удобрение, а душа, интеллект, там еще что-то есть, дух, энергии разные. Это куда девается? Говорят, кто умирал, ну там клиническая смерть, когда умирал, умирал, но не умер, обратно на землю вернулся. Они видели туннель, свет в конце, душа туда стремится, а может это просто какой-то кишечник, какого-то огромного энергетического монстра. А мы еда для него, вот, что там во вселенной?

Ей же нет ни конца, ни края.

– Мураши. Они наверно тоже думают, что это есть все, что они видят. Они даже не догадываются, как земля огромна. Они даже не могут понять своим ограниченным умом, насколько земля огромна. Мы им рассказать не можем, так как не владем их языком. Даже если бы владели, как мы это им можем все показать, в космос их что ли брать? Им это совсем не интересно, да и не нужно.

– Так и мы по сравнению со вселенной, ничтожные мурашки. А ведь никто и никогда не выдвигал такой версии, только я до этого додумался. А все открытия так делаются, то яблоко упадет случайно на голову, открывают тяготение. Раньше вообще думали, что земля на трех китах стоит. Показать им землю с космоса, они же сразу с ума сойдут, штабелями начнут падать.

– Надо же от такого открытия можно просто с ума сойти. Многих открывателей нового, сначала считают сумасшедшими, начинают проверять, потом еще новые законы, миры открывают. Тем более вселенная. Что там о ней говорить, если даже землю до конца не изучили, океаны, на нашей маленькой планете. А вселенную никому никогда не познать.

– Да и кто ее будет познавать? Кому она вообще нужна, она нужна чтобы ресурсы с нее качать. А ей может быть тоже больно, она может быть тоже живая. Вот и содрогается она от боли землетрясениями, плачет вулканами, вздыхает ураганами и смерчами. А мы маленькие, противные, мурашки,

на теле огромной планете земля, копаем ее, кусаем ее, щипаем, бедную. У Максима навернулись слезы, ему стало ее так жалко.

– А что, если и правда, мы люди с нашей энергией, душой, интеллектом, тоже для кого-то пища. В природе ничего не пропадает, все является пищей для кого-то. Это цепочка с множеством звеньев, убери какое-то звено, наступит хаос. Ведь для чего-то же мне это показали? Может для того чтобы человек совсем уже не наглел и знал свое место на земле, тем более во вселенной. Может быть мне все это показали, потому, что перед смертью человек становится ближе к разгадкам тайн мироздания?

Правильное решение

-Все, хватит лежать, надо двигаться, надо куда-то идти, надо что-то делать, что-то творить. Тяжело шаркая по полу ногами, Максим медленно вышел на улицу. Он просто ходил по городу, зашел в кафе, выпил кофе, пошел на работу. Там на улице он встретил свою школьную подругу Анну. Он посмотрел на нее, тихонько пошел дальше. Аня с трудом узнала его, он был сильно худой, глаза ввалились, вокруг черные круги.

– Максим! Что с тобой? Тебе плохо? Расскажи мне, что с тобой происходит? Ты болен? Может я могу тебе чем-то помочь? Я в городе встретила твоих родителей, они мне дали твой адрес. Может я могу тебе чем-то помочь, достать лекарства.

– Пошла вон. Я не в чьей помощи не нуждаюсь. Отвяжитесь все от меня. Дайте мне спокойно сдохнуть. Он кричал и держал обеими руками за голову.

– А. А. А. Кричал он от боли. Все сволочи. Все твари. Нет на земле людей, все вымерли. Все твари. Остались одни только твари. Они окружают меня, тянут ко мне свои грязные щупальца. Он начал махать в воздухе руками как будто отталкивал кого-то от себя.

– А. А. А. Закричал он и схватился за голову. Все вокруг

закружилось и дома, и деревья, и люди, он потерял сознание.

Аня вызвала скорую помощь. Его снова увезли в больницу. Аня не отходила от его кровати и как чумная все тихонько шептала себе под нос стихи, как бы напевая.

– Моя луна, моя звезда. Ты небо мое солнце.

Свети всегда любовь моя. В мое открытое оконце.

Солнышко, солнышко, солнышко в оконце.

Солнышко, солнышко, обними меня по крепче.

Слезы катились из ее глаз, она вытирала их руками, они растекались по ее мокрому лицу и снова катились.

Максим, когда пришел в сознание, он отвернулся к стенке и притворялся спящим, никого не хотел ни видеть, ни слышать. Думал, что поскорее бы это все уже закончилось, вся его кошмарная жизнь, с ее кошмарными снами, с ее кошмарными головными болями. В палату вошел врач.

– Девушка. Почему вы здесь все время сидите и все время плачете? Вы кто ему приходитеесь?

– Я его жена.

– Наконец-то я его жену увидел. Поздненько вы спохватились. Милая. Пройдемте ко мне в ординаторскую, мне с вами поговорить надо, о вашем муже.

Когда закрылась дверь. Максим поднялся с постели и потихоньку пошел за ними. Он дошел до ординаторской, встал у закрытой двери и начал слушать, что врач говорит Анне.

– От операции он отказался. На сегодняшний день все так запущено. Медицина тут уже бессильна. 2-3 месяца. Это

окончательный срок его жизни. Мы можем только назначить ему наркотические препараты, чтобы хоть как-то облегчить последние дни его жизни. Он может оставаться в больнице, а можете колоть ему препараты дома.

Анна не могла сдержать своих эмоций. Она рыдала, слушая врача. Всхлипывала и снова начинала судорожно, истерично плакать.

– Как это так? Еще 3 месяца? Еще 3 месяца кошмарных снов? Еще 3 месяца бессонных ночей? Еще 3 месяца кошмарных болей. Нет я это не смогу выдержать.

Максим думал, еще 3 месяца этих ужасных мук?

– Почему таким больным позволяют страдать до самых последних дней их жизни? Почему, когда уже известен итог, не облегчить его страдание, не вколоть последний, заключительный укол, чтобы человек не страдал. Это все гуманность врачей. Почему они не думают о постоянных страданиях больных.

Как только представился случай, Максим снова сбежал из больницы. Он по дороге набрал побольше лекарства и алкоголя. Закрылся в квартире и начал обдумывать план ухода из жизни. Он думал над каждым вариантом.

– Можно принять снотворного, тихо, мирно уснуть и больше не проснуться. Да. Так и будешь здесь потом лежать, вонять на весь дом, а люди будут проходить мимо, закрывая нос и говорить, что это тут так воняет, что за пропашка, откуда? Пока не поймут из какой квартиры воняет, по-

том взломают дверь, тогда еще больше будет вонять на всю улицу, долго потом будет еще вонять. Нет. Смерть легкая, но некрасивая, неприятная, надо же и о людях подумать.

– Можно броситься под машину, а вдруг сразу не получится умереть. Водитель будет страдать, ни в чем не повинный человек может сесть в тюрьму. Можно броситься с моста, нет, что-то не очень, страшно. Наверно я так не смогу. Что еще можно придумать? Повеситься? Тоже не пойдет. Опять же тут вонять буду.

– Как у нас в школе один пацан пел, дурачок: Меня девочки не любят, говорят, что я косой. Пойду с горя отравлюсь в магазине колбасой. Ха! Ха! Ха! Это воспоминание развеселило Максима, но идеи не прибавило. Что же такое можно придумать? Думай Максим, думай.

– Пристрелить себя? Как у классиков. Пистолета нет. А как бы хорошо, чик и все. Зарезать себя? Ножом. Убить себя зверски, прямо в сердце. А! Нет. У меня на меня рука не поднимется. Может как Анна Каренина? Под поезд броситься? Страшно. А почему бросится? Можно сильно напиться, прилечь на рельсы, уснуть. Лежишь себе отдыхаешь, в ус не дуешь, никого не трогаешь, тебя никто не трогает. Поезд делает за тебя всю работу. Быстро, дешево и сердито.

– Больную голову с плеч долой! Даже как-то символично. А что? Мне этот вариант очень нравится. Машинисту за это ничего не будет. Пьяный шел, спотыкнулся, упал, угодил под поезд. Надо теперь обсудить детали. Подумать о време-

ни, месте. Конечно же подальше отсюда, чтобы людей не шокировать, в темное время суток и подальше от людей.

– А что? Вечером схожу в ресторан, отдохну там напоследок, отпраздную весело свои похороны, порадуюсь жизни, так сказать весело отпраздную последний день своей жизни. Максим радовался, что выбрал важное решение своей жизни, правильно.

Элона

Максим побрился, одел свой новый, праздничный, свадебный костюм, не новые, но приличные модные туфли, белую, свежую рубашку, выпил горсть таблеток. Пошел в ресторан праздновать свой последний день своей молодой, холостой, неудавшейся жизни. Он думал, что будет долго отдыхать, наслаждаться жизнью до темноты, а потом пойдет, найдет рельсы и будет лежать, спать, ждать поезда.

Максим сразу сел за барную стойку. Сначала было скучно, певица пела грустную песню, на душе становилось тоскливо, хотелось плакать. Позже народ стал прибывать, молодые парочки, девушки группой, что-то отмечали.

– Я сегодня решил испробовать у вас все коктейли, какие есть. Максим потягивал коктейль и смотрел в зал, ему сегодня все нравилось, еще бы, он ведь думал, что видит все это в последний раз. К нему подседа симпатичная, полураздетая девушка.

– Привет!

– Привет!

– Не угостите ли девушку коктейлем, или так и будете весь вечер пить в одиночестве? Максим указал бармену жестом, он подал девушке коктейль.

– Ну и как вам тут?

– Да что-то не очень.

– Тогда может пойдём к тебе? Продолжим вечер у тебя? Так сказать, в интимной, дружеской обстановке. Девушка говорила завораживающе, кокетливо и развязно.

– Можно. Но только если попозже. Я сегодня хочу побыть здесь подольше, с народом, чтобы насладиться всеми прелестями жизни напоследок.

– Вы что, куда-то уезжаете?

– Да. Сегодня я намерен покинуть эту грешную землю и улететь.

– Улететь? Куда? На Камчатку или на Северный полюс?

– Нет, дальше. Туда. Он указательным пальцем показал вверх. К звездам. К моей новой, загадочной, невидимой пока, звезде.

– К звезде?

– Да. Она ждёт меня.

– Туда? На небеса? Как скучно. Там же ничего нет, там только темнота, пустота и бездна. А ещё там холодно.

– Ну что вы. Вы просто не знаете, там жизнь.

– Жизнь? Маленькие, зелененькие человечки?

– Нет. Там большие и малые планеты. Там галактика, там млечные пути, черные дыры, астероиды. Там жизнь, там движение.

– Какое же там движение? Смотришь, смотришь на небо, там все так и стоит на своем месте, сколько туда не смотри.

– Хотите, я вам покажу фотографии, карты звездного

неба?

– Какие там еще фотографии? Я это небо вижу каждый день, ничего там нового нет. Только луна меняется, то она круглая, как лампа большая, то она как серпик маленькая и все новости. Максим привел девушку домой.

– Смотрите. Это все небо. Все-то, что скрыто от человеческого глаза. Это Марс, это Юпитер, это Венера, это Луна. Это млечный путь. Это черные дыры.

– А почему они такие яркие, цветные? Вот тут похоже на большой красно-розовый цветок.

– Звезды по цвету все разные, одни голубые, другие розовые, есть желтые.

– Вы космонавт?

– Нет. Я изучаю космос.

– А полетите туда на тарелочке?

– Нет. Я буду ждать другой транспорт. Он домчит меня туда своим ходом.

– Надо же как интересно, как красиво и увлекательно. Пока девушка смотрела фотографии Максим заснул. Позвонили в дверь. Зашли два парня.

– Что ты так долго с ним валандалась? Не могла быстрее его в квартиру затащить? Они осматривали квартиру.

– Да тут голяк, только одни книги, ты что не могла нормального фраера подцепить? Два старых костюма, старые грязные шмотки.

– Бабок нет.

– Да вижу. Не забирать же последнее, надо мужику на похмелку оставить.

– Ты куда нас привела? Коза. Здесь ловить нечего. Валим отсюда.

– Он прилично одетый, я думала нормальный.

– Давай иди работай. Может еще кого успеешь подцепить. Может еще кто-то на тебя дуру клюнет. Пошли клуша.

Максим проснулся от страшной головной боли. Он сразу выпил горсть таблеток, посмотрел по сторонам и не узнал свою квартиру. Книги были раскиданы по полу, полки пустые, вся одежда валялась на полу. Это что, меня так по квартире всю ночь черти гоняли? Я от них отбивался? Что тут вообще происходило ночью? Но я ничего не помню. Даже что снилось, тоже не помню.

– Вчера вечером я пошел в ресторан. Там ко мне подседа девушка, потом мы пошли ко мне. Это что у нас с ней была такая бурная ночь? Ну Максим! Ну проказник! Ну ты сукин сын! Ну хоть что-то я бы мог запомнить из этой бурной ночи? Нет. Ничего не помню. Ни единого момента. Ни единого мгновения.

– Это очень опасный симптом. А если я вдруг захочу в своем состоянии, ограбить банк? Утром проснусь, а я лежу на куче денег. А еще хуже в КПЗ и ничего не помню. Надо быть осторожнее со своими желаниями. Я же вчера собирался после ресторана на рельсах ночевать. Я и пошел туда отметить последний день своей жизни. По-видимому, я туда не

дошел, раз проснулся дома. Оказывается, еще и умереть-то не так-то просто. Вот уже бы давно отдыхал, рядом с моей звездочкой, сколько времени потеряно.

– Все, надо собраться. А то такими темпами я еще не скоро туда на небеса попаду. Все. Никаких больше прощальных вечеров. Просто выберу место, сяду, напьюсь и прилягу. Все, решено.

Друзья

На речке отдыхали три парня. Юра, Саша и Володя.

– Юрок. Сходи за пивом, холодненьким, а то это уже теплое.

– Почему я?

– Ну пошли вместе.

– Ну что, пацаны? Какие планы на лето? Кто где будет пропадать?

– Я поеду к бабушке на лето.

– А бабушке то пади лет 18?

– Нет. Правда. Предки меня каждое лето отправляют к бабке, помочь по хозяйству. Там забор поправить, крышу починить, баньку подремонтировать, сено коровенке покосить. Там у бабки места заповедные. Воздух свежий, прохладный, сосновый бор, кедрач, поляны красные от земляники, малины валом, кусты ломаются от красной смородины, грибов валом. Кто хочет со мной, поехали.

– Да я бы из этой жары с удовольствием куда-нибудь махнул.

– А что Вовка, давай поедем, что здесь в городе париться.

– А как насчет шашлыков?

– Можно. Кирпичи сложим, я так всегда делаю, тип мангал.

– А как насчет телок?

– Есть там местные красавицы, не то что тут воблы сушеные городские. Там девки, кровь с молоком. На сеновале ее завалишь, мякенькая, тепленькая и свежий воздух тебе.

– Ну че? Вов?

– Ну а че, обмозгуем. Когда ехать?

– Если вечером поедем, то к обеду будем, а если утренним, ночью будем через двое суток.

– И что мы там ночью шаромыжничать будем впотьмах?

– Надо вечерним. Да и не так жарко вечером, как днем.

– Двое суток говоришь? Долго париться.

– А что долго? Выпил, поспал, проснулся, выпил, поспал и приехали.

– Бери купе целое сразу, чтобы нам никто не мешал и погнажи.

– Харчей надо взять, выпивки.

– Так. Юрок берет билеты, Сашок харчи, а я выпивку.

– Ну и добро.

– Вот пацаны, билеты взял на все купе на послезавтра. Будем с комфортом ехать. Чах! Чах! Чах!

Настало время поездки. Парни собрали вещи, продукты, выпивку, отправились в увлекательное путешествие. Побег из душного города.

– Давайте сократим путь, по железной дороге пойдем.

– Я люблю ходить по рельсам.

– А я по шпалам. У моих предков пластинка старая есть.

Опять от меня сбежала последняя электричка. И я по шпалам, опять по шпалам иду домой по привычке. Пара, па, пара, пара, пара, пара, па ее. Пара, па, пара, пара, пара, пара, па.

– Смотрите пацаны! Там впереди на рельсах что-то лежит.

– Большое. Чемодан или матрац.

– Что-то темное, большое.

– Сейчас посмотрим.

– Сам ты матрац.

– Нет. Это чемодан, только с руками и ногами.

– И с головой.

– Эй мужик? Ты че, от поезда отстал?

– Нет. Он по ходу с него выпал.

– Да. Если только с багажника для собак.

– Слышь? Мужик. Ты че тут разлегся?

– Как в песне поется, постелю я туман под голову, а он походу рельсы постелил под голову.

– А че хорошо, холодненькая, освежает.

– Слышь мужик? Тут лежать нельзя.

– Тут по ходу поезда иногда проходят, головку чик и нету.

– Потасили его в сторону.

– Да он в хлам, похоже пьяный в стельку, ни б-э, ни м-э, ни кукареку.

– Эй мужик, ку-ку. Ты кто? Как тебя зовут? Максим открыл глаза.

– Ой ребята! А я Максим Юрьевич.

– Видали? Он Максим Юрьевич.

– И что ты там лежал? Максим Юрьевич?

– Я поезд жду.

– Так поезд на станции ждут. А до нее еще идти и идти надо.

– Ты кто будешь такой, красавец?

– Я ученый. Парни начали смеяться.

– Видал ученый.

– И что ты тут ученый рельсы изучал или шпалы считал?

– Нет. Я космос изучаю. Ребята! Я новую звезду открыл!

– Видал? Он новую звезду открыл.

– Что их открывать? Вон они на небе висят не закрытые, смотри сколько хочешь

– Нет. Ты не прав молодой человек, в корне неправ. Мою звезду не видно. Она у меня в голове.

– И во лбу звезда горит. Парни снова начали смеяться.

– Я ее рассчитал, она пока у меня в голове. Почему вы смеетесь? Правда.

– Да здорово он видно к шпале приложился.

– Нет. Это он видно здорово к бутылке приложился.

– Ну что пацаны, пара идти, как бы на поезд не опоздать.

– А ты на рельсы больше не лезь. Понял? А то поезд тебе бо-бо сделает. Понял? Мужик?

– Понял.

– Не полезешь?

– Полезу.

– Зачем?

- Ну я же говорю, что я поезд жду. Мне туда, к моей звездочке надо. Она меня ждет.
- Ну че пацаны идти надо, поезд ждать не будет.
- А этого что, тут бросить?
- Не бросайте меня ребята, пожалуйста, я свой.
- Он свой. А бабки у тебя есть? Свой.
- Деньги? Есть. Вот смотрите сколько.
- Сам дойдешь?
- Да.
- По ходу не зря лишний билет взяли, как знали.
- Зато теперь по любому никто нас трогать не будет, полный состав.
- А че? Прикольный мужик, будет нам про звезды рассказывать.
- Будешь нам Юрий, как тебя там?
- Нет я Максим Юрьевич.
- Про звезды нам расскажешь? Как они там бороздят космическое пространство.
- Я вам ребята, все-все расскажу. Парни помогли Максиму подняться на верхнюю полку.
- Я люблю на верхней полке лежать и смотреть в окно.
- Ну что, накатим, поедим и отдохнем. Максиму передали выпить и покушать.
- Максим Юрьевич? А ты любишь сено косить?
- О! Да! Я очень люблю косить сено.
- Ну вот сенокосилку уже нашли.

– А там потом мы куда его денем.

– Как куда? Пусть у бабки работает, а мы с девками по грибы, да по ягоды разбежимся, лес большой, места хватит.

– Максим Юрьевич. Ну давай расскажи нам что-нибудь про космос. Максим ничего не ответил, он уже спал.

– По ходу он уже дрыхнет.

– И вы уже укладываетесь, хватит бухтеть.

– Я люблю под стук колес спать, покачивает, лежишь как у мамки в колыбельке.

– А ты что помнишь, как у мамки в колыбельке спал?

– А вы что не помните разве?

– Я помню, как сиську теплую сосал и потом поплыл.

– Тебя мать что до школы сиськой кормила, то-то я смотрю, что ты такой откормленный. Все хохотали.

– Да ну вас пацаны.

Утром все проснулись от громкого, страшного крика Максима.

– Что случилось?

– Кто орет? Максим сидел на верхней полке и орал, что было мочи, схватив обеими руками голову.

– Максим Юрьевич? Что случилось?

– Приснилось что ли что-то?

– Что? Головой ударился?

– А! А! А! Голова. А!

– По ходу он похмельем страдает.

– Ну налей ему там, у нас же есть, что выпить. Максиму

налили полстакана водки, он немного успокоился.

– Ну что полегчало?

– Так немного.

– Ну ты напугал нас всех.

– Я уже подумал, что поезд с рельс сошел.

– А я подумал, что конец света настал.

Весь день парни пили, рассказывали смешные истории. Максим рассказывал о строении космоса, о звездах, о планетах, о созвездиях и черных дырах.

– А кто не хотел брать его с собой? Он же по ходу целая ходячая энциклопедия.

– А! А! А! Кричал Максим схватившись за голову на следующее утро.

– Что опять случилось?

– Да этот опять орет.

– Ну налейте ему водки, пусть только заткнется.

– Вов, а мы по ходу вчера все выпили.

– Ну засуньте ему кляп в рот, чтобы он не орал.

– А! А! А!

– Что он опять орет?

– А он кляп со рта вытащил.

– О! Боже! Володя накрыл голову подушкой.

– А! А! А! Орал во все горло Максим.

– Да что же это такое? Сколько это еще будет продолжаться. Это просто невыносимо, так с ума можно сойти.

– Может его подушкой накрыт, чтоб не так слышно было?

– А! А! А! Кричал Максим.

– Да выкиньте его на хрен с поезда, чтобы он только не орал. Пусть полетает, освежится. А то я сейчас тоже орать начну. Кричал Володя.

Володя проснулся от громкого крика проводницы.

– Подъезжаем к конечной станции. Конечная. Поезд дальше не идет. Просыпаемся. Готовимся к выходу.

– Ой. Классно я выспался. Парни сидели за столиком внизу.

– Э! А где этот, потерпевший, орущее создание? Максим Юрьевич? Где?

– Ты же сам сказал выкинуть его с поезда. Да Юрок?

– Да. Сашок.

– Да вы че? Обалдели что ли? Живого человека выкинули?

– Ты сам сказал, пусть полетает, освежится.

– Е! Мае! Вы че фонарщики, фолликулы, обалдели что ли? Ну все, вместо института в тюрьме будем сидеть париться.

– Че это в тюрьме?

– А то. Найдут его, определяют, что его с окна поезда выкинули и нас вычислят, посадят.

– Мало ли окон в поезде?

– Да.

– Наверняка кто-то видел, что с нашего окна выкинули.

– Нет. Мы его на повороте выкинули, когда поезд выгнул-

ся в ту сторону, где нет купе, где проход. Никто не видел.

– Да. Никто не видел.

– Ну умельцы! Вашу маму!

Глава четвертая

Жизнь продолжается

– О Боже! Боже! Боже! Максим метался по комнате.

– Неужели там был я. Неужели там была моя жизнь? Неужели я все это пережил? Нет! Конечно же нет! Это все не правда! Это снова мои галлюцинации. Такого просто не может быть! Нет! Не правда! Такого нельзя пережить! Это просто сон. Он мне просто приснился. На самом деле все не так.

– А эта девушка, Аня? Вот откуда эти стихи мне лезли в голову. Моя Аннушка. Моя звездочка. О Боже! У меня же есть сын, Богдан. О Боже! Мой сын! Моя Аннушка, моя звездочка, подарила мне сына. Какой же я был дурак. Сынок, он уже ходит в школу, а я его еще не разу не видел. И что дальше? Что теперь делать дальше?

– Жить. Просто жить дальше.

– Матушка Серафима, но как?

– Ты полностью здоров, твоей опухоли нет и в помине. Ты здоровый, молодой человек.

– А Аннушка? Я ведь ей нагрубил, прогнал ее, обидел. Она меня не простит.

– Она тебя уже давно простила. Она понимала в каком ты

находился состоянии.

– Она наверно думает, что меня уже на свете нет.

– Нет. Она все время чувствовала, что ты живой, помогала тебе выжить. Она вымаливала тебя у Бога. Она давала тебе силы жить дальше. Она ждет тебя. Она любит тебя. Езжай к ней, с ней начинай свою новую жизнь. Твоя звездочка ждет тебя.

– На небе?

– И на земле тоже. Ты теперь будешь очень счастливый человек.

– А как же ты матушка? Останешься здесь? Может поедем со мной в город?

– О чем ты говоришь, сынок. Мое место здесь, сынок. Каждый человек должен быть на своем месте. Твое место там, среди твоих звездочек, а мое здесь среди людей. Мое предназначение лечить и спасать людей. Они оба плакали обняв друг друга.

– Матушка? И что? Мы больше никогда не увидимся?

– Сынок. У нас с тобой еще вся жизнь впереди. Ты же знаешь где меня найти.

Максим встал на колени, обхватил обеими руками ее ноги, уткнулся лицом в ее колени и плакал навзрыд. Вероника положила руки на его голову.

– Матушка! Ты моя самая настоящая моя мама. Ты столько для меня сделала, чем я могу отблагодарить тебя за мою жизнь, за мое спасение?

– Жизнью. Достойной. Самая большая награда для меня, это твоя жизнь. Я люблю тебя! Иди с Богом! Живи с Богом! Будь счастлив.

Вероника, опустив свои руки, как плети, волоча за собой ноги, дошла до своей кровати. Она целые сутки не вставала с постели, плакала, вздыхала. Без Максима ее дом опустел. Она ничего больше не хотела делать, никого больше не хотела лечить, она больше не хотела жить. Она впала в депрессию, с рук все валилось, жизнь стала ей не мила. Она вспомнила про капельки ядовитого гриба.

– Матушка Стефания говорила, будь осторожна, лишняя капля, это смерть. Там еще осталось, надо найти. Вероника начала искать, она перебирала все баночки, но никак не могла найти тот пузырек, где была настойка этого ядовитого гриба.

И вдруг. Она увидела, как шар на столе засветился золотым светом. Она села за стол, сняла полотняную тряпочку.

– Что, ищешь капельки ядовитого гриба? А их нет. Ты их не найдешь.

– Матушка Стефания?

– Что же ты творишь? Люди нуждаются в твоей помощи, а ты руки опустила, прохлаждаешься. Не ожидала я от тебя такого. Что же ты расклеилась, как кисельная барышня. Ты забыла кто ты? Ты Матушка Серафима. Люди в тебя верят, ждут твоей помощи.

– Быстро выкинь всю дурь из головы, возьми себя в руки и

работай. Нельзя останавливаться на достигнутом. Ты должна быть сильной. Если ты будешь так постоянно переживать, после каждого трудного, вылеченного тобой пациента, то тебя надолго не хватит.

– Я понимаю – трудно, думаешь мне было легко? За столько лет у меня было много таких, мне тоже было трудно. Но железо только тогда становится сталью, клинком, когда его с огня, да в ледяную прорубь. Только тогда он становится оружием. Ты орудие против всякой нечисти, против смертельных болезней.

– Я понимаю, ты не железная. Но человеческая душа должна быть крепче клинка, крепче стали. Потому не каждый может сопротивляться черной нечисти, а только люди сильные духом. Не переживай доченька, твое счастье впереди. Оно не за горами, оно в пути, оно подле твоего порога.

Вероника снова начала лечить людей. Она никому не отказывала, больным, тяжело больным. Лечила животных, птиц и скотину.

– Матушка Серафима! Это я к вам приехала, маму больную привезла.

– Машенька, девочка моя.

– Узнали?

– Конечно. Зови маму. Хорошо, что приехала.

Вероника посмотрела на женщину, она сильно задыхалась.

– Почему так запустили?

– Мы приезжали. Но Люда сказала, что матушка не принимает, два раза приезжали.

– Маша. Твоя комната свободна. Положи маму на высокие подушки, я позже зайду, а пока пусть отдыхает. Пойди к Люде, возьми у нее молоко и мед, согрей и дай маме выпить. Там на улице много народу?

– Да, много, как всегда.

– Скажи пусть заходят.

Вечером Вероника зашла к Наде. Она тяжело дышала, как будто ей не хватало воздуха. Вероника подошла к постели женщины, схватила ее за горло, как будто душит и начала читать молитву. Женщина начала кричать, хрипеть, вырываться, она как будто руками и ногами кого-то била и пинала, глаза начали выкатываться, она опустила руки и ноги, ослабилась. К концу молитвы она совсем затихла, как будто не дышала.

Маша зашла в комнату мамы, она лежала тихо и спокойно.

– Матушка Серафима мама умерла, она совсем не дышит. Вероника улыбнулась.

– Она просто спит. Не переживай Машенька. Завтра я ее еще полечу, а после завтра сможете уехать домой. Дома пусть пьет травки, по 4 глотка, каждые 4 часа, остальное раз в неделю. И все будет хорошо.

– Матушка Серафима, а можно я к вам приеду, когда мама поправится.

– Машенька, ты можешь остаться, твоя мама здорова.

– Нет я с ней еще побуду дома.

Через неделю Маша приехала.

– Матушка Серафима. Я приехала к вам. Мама сказала езжай к матушке, помогай ей, в ее нелегкой работе.

– Ну как мама?

– Она поет.

– Как поет?

– Ну просто ходит по комнате и поет разные веселые песенки и улыбается.

Николай

Через неделю к Веронике зашел мужчина. Он был сильно запитый. Теревил в дрожащих руках фуражку. Его небритое лицо было багровое, даже белки глаз были красные, под опухшими веками. Вероника сидела за шторкой.

– Матушка Серафима. Помогите мне, излечите меня, я сам не могу остановиться. Бабушка Клавдия, соседка, сказала, поезжай-ка ты к Матушке Серафиме, может она тебя вылечит.

Он положил на стол цепочку с кулоном. Она увидела маленькую золотую рыбку с бриллиантовым глазком. У Вероники сердце защемило. Она сразу узнала его. Это был ее кулон. Который она отдала бандитам много лет назад. И родинка черная на его щеке.

Это он тогда ее бил, потом насильовал, пока его дружки убивали Никиту. Она узнала его. Слезы покатались из глаз Вероники.

– Жена моя умерла при родах, ну я и запил. После того, как моя Аннушка померла. Только ее перед глазами и вижу. Так вот и пью, никак не могу остановиться.

– Пади прочь! Я тебя лечить не стану.

– Почему? Матушка Серафима? Помогите, миленькая.

– У тебя пальцы сжаты в кулак. У тебя руки в крови. А

дружки твои бандиты, как поживают?

– Да их по пьянке в драке зарезали, нет их больше. А вину я свою искупил, свою Аннушку потерял.

– Твою жену Бог забрал к себе, ее время пришло. А свою кровь с рук, с души, ты никогда не отмоешь. Как твои дружки, так же сгинешь. Поди прочь!

Мужчина плакал, вытирая слезы с лица дрожащими руками.

– Ну как же мне теперь жить? Что мне теперь делать? Матушка Серафима?

Опустив голову, он пошел на выход.

– Да как же так? Почему же? Да что же теперь делать? Он вышел за дверь. Но тут же вернулся вновь, держа за руки маленьких девочек.

– Матушка Серафима, не за себя прошу, детушек моих малых пожалейте. Он встал на колени.

– Христом Богом прошу, ноги целовать ваши буду. Инночка, Ниночка, вставайте на колени, просите матушку Серафиму о помощи. Он плакал, опустив голову на пол. А маленькие девочки стояли на коленях и тоже плакали, шепча: Матушка, матушка Серафима, матушка Серафима, миленькая.

– Инночке 4 годика, Ниночке 5 лет, пожалейте малых детушек. Вероника вышла в комнату, она плакала, подняла детей с колен, присела на корточки, обняла их. Они плакали, прижимаясь к Веронике, твердили в один голос.

– Матушка Серафима! Вылечи нашего папку, папку нашего вылечи, он хороший. Все четверо стояли и плакали. Только Вероника крепко прижимала детей к своей груди и плакала громче всех.

– Машенька.

– Да матушка Серафима.

– Отведи девочек в свою комнату, дай им хлеба и молока, они с тобой пусть пока поживут, присмотри за ними. А ты выйди, зайдешь позже.

Вероника зашла в свою комнату, воспоминания той страшной ночи, накрыли ее горячей волной отчаяния, упала на пол, плакала, кричала, у нее не было сил подняться. Она увидела Никиту истекающего кровью и его последние в жизни слова.

– Никита! Никитушка! Кричала она в пустоту.

– Прости меня, милый. Прошептала она всхлипывая. Она лежала обессиленная от горя.

– Прости меня Господи за то, что я хочу его убить. Ради его детей я не причиню ему зла. Ты сам Господи лучше знаешь, кого и как наказать. Она поднялась с пола, села в кресло.

– Люда!

– Да. Матушка Серафима.

– Позови этого, последнего мужчину.

– Да Матушка Серафима.

– Матушка Серафима. Я пришел. Делайте со мной, что

хотите, только не прогоняйте меня, за ради Христа. Ради моих детушек малых. Только из-за них я пришел просить вас.

– Подойди. Сядь. Сказала она строго.

– Слушай меня внимательно. Будешь держать 40 дней строгого поста. Хлеб с водой. Выдержишь, значит Бог тебя простил, начну тебя лечить. На все воля Божья. 40 дней в молитвах, на коленях.

– Спасибо, Матушка Серафима. Храни вас Господь. Спасибо, матушка Серафима.

– Люда.

– Да Матушка Серафима.

– Отведи мужчину в комнату для очищения. Приготовь для него все необходимое.

– Да Матушка Серафима. Люда завела мужчину в комнату и сразу же ушла.

Николай осмотрел комнату. У стены стоял топчан, подушка, набитая сеном и плед. У другой стены стол, на столе ведро с водой, кружка и большое блюдо с сухарями. У входа умывальник с ведром, рядом ведро с крышкой. В восточном углу он увидел икону Пресвятой Богородицы с младенцем. Николай подошел к ней поближе. Смотрел на нее, а она смотрела на него с укором.

Ему сразу стало так стыдно, он опустил глаза, слезы показались из его глаз. Он упал на колени пред маленьким столиком, на котором лежали книги и свечи.

– Матушка! Прости меня, что я смею обращаться к те-

бе. Своим поганым ртом я не смею произносить святое твое имя. Он схватил руками голову, опустил ее к полу, лбом при-слонился к прохладной доске и горячие слезы, обжигая глаза, покатались вниз на пол.

Он долго сидел в таком положении, покачивая плечами из стороны в сторону, вспоминал своего отца, который все время пил самогон и бил его мать. Мужчина вспоминал свою старшую сестру, которая не закончив школу убежала в город к тетке.

Он вспоминал своих дружков покойников, вспоминал, как он сбежал, когда началась драка и там их порезали. Он вспоминал девушек, которых они поили и насиловали, некоторых били. Вспомнил Аннушку свою жену, которая его любила и боялась, потому и не хотела выходить за него замуж. Только когда он увидел ее беременной, он обещал, что изменит свою жизнь ради семьи, не будет пить и гулять.

Но он не сдержал свое слово. Когда приходили дружки, он снова уходил с ними. Анна забрала Ниночку и уехала в город. Николай нашел ее там, привез ее обратно, снова пообещав, что не будет пить. Он не пил, устроился на работу. Родилась Инночка и все у них было хорошо.

Но он захотел сына. Просил ее родить еще. Но зимой, когда она была беременной на большом сроке, она поскользнулась, упала на спину, сильно ударилась, начались преждевременные роды. Ее увезли в город, началось кровотечение. Врачи не успели довести ее до больницы.

Время было потеряно, она умерла. А он винил себя, что захотел сына, что не досмотрел за женой, что снова начал пить. Он больше уже не мог остановиться. Он пил и просил, чтобы Аннушка забрала его к себе. Бабушка, соседка, забрала себе девочек, сказала Николаю, что, если он не перестанет пить, отдаст их в детдом, раз дети ему не нужны.

—Тебе пьянка дороже, чем твои маленькие дочки. Езжай к Матушке Серафиме, лечись, или ты больше никогда не увидишь детей.

Он так и уснул там на полу, возле иконы в своих воспоминаниях и раскаяниях, даже не помнит, как.

Николай проснулся, лежа на полу, свернувшись калачиком. Сначала он даже не понял, где он находится. Оглядел комнату, вспомнил, что он у матушки Серафимы, вспомнил ее строгие слова: Молиться на коленях. Он встал с пола, налил полную кружку воды, выпил ее, есть совсем не хотелось.

Николай встал на колени, взял молитвенник и начал громко, проникновенно читать молитвы. Сколько он их читал не помнит. Захотел кушать. Встал попил воды с сухариками, снова встал на колени и читал молитвы. Сколько он там пробыл, он уже и не помнит.

Иногда он так и засыпал там же на полу. А когда просыпался, было темно и ничего не прочесть по книге, он читал на память молитвы какие уже запомнил, пока снова не засыпал.

Николай проснулся от тихого, нежного, тонкого голоса. В

комнате было темно.

– Милый. Послышалось в углу комнаты.

– Кто здесь?

– Милый, обними меня. Он встал с пола. Было очень страшно.

– Милый. Мне холодно. Обними меня.

– Аннушка? В другом углу эхом отозвался его голос.

– Аннушка. Это ты?

– Ты? Эхом, прозвенело в другом углу.

– Аннушка, ты пришла ко мне?

– Ко мне? Прозвучало эхо в другой стороне комнаты.

– Аннушка, ты пришла за мной?

– За мной? Прозвучало эхо.

Мурашки пробежали по телу Николая. Сильный озноб охватил его. Он закутался в плед, сел на топчан поджав ноги и трясся толи от холода, толи от страха, вытаращив глаза. Он смотрел по сторонам и громко читал молитвы.

Николай проснулся от сильного озноба, с маленьких окошек был виден яркий свет солнца, который освещал комнату, ему сильно хотелось пить. Он встал, чтобы подойти к столу попить воды, но тут же упал. Сколько он так лежал не знает. Когда он открыл глаза, было уже темно. Николай подошел к столу, чтобы попить воды.

– Когда ты уже напьешься? Рядом, за его спиной, прозвучал грубый, злой голос.

– Это вода. Я пил воду, оправдывался Николай. Он мел-

кими шажками, быстренько дошел до столика, зажег свечу от лампадки и смотрел вокруг себя по сторонам. Но никого не было. Он снова попил, макая сухарик в воду, поел. Лег на топчан, закутавшись в плед.

– Я люблю тебя! Услышал Николай рядом с собой.

– И я! И я! И я! Доносилось эхо с разных сторон комнаты. Длинные черные руки, как ветви, вырастали из сухих бревен и все они тянулись к нему.

– Он мой! Он мой! Он мой! Раскатывалось со всех сторон комнаты. Черные руки, как змеи, поползли по полу, они шипели и заползали под плед, наматывались на руки и ноги, душили за горло. Николай рвал их руками на куски, бросал на пол.

– Больно! Больно! Больно! Разносилось эхо по комнате. Но куски тут же вырастали, становились еще длиннее, они снова ползли по телу Николая. Холодные, скользкие, еще сильнее сжимали его тело и горло.

– А! А! А! Кричал он, скидывая с себя холодные куски. Он проснулся от крика своего голоса, размахивая руками и ногами в воздухе.

Николай посмотрел на окна под потолком, они немного светлели. Непонятно было, утро это было или вечер.

– Наверно я мало молюсь, надо больше молиться, тогда Бог простит меня, и эта нечисть от меня отстанет.

Он попил воды, размочив сухарик поел, встал на колени и начал неистово молиться.

– Дуралей! Дурак дураком! Дурень! Дурашка! Дурачок! Дурачище! Разносилось эхо по всем сторонам комнаты. Он, не обращая внимания, читал и читал молитвы. Вдруг стало так тепло, хорошо, а он все читал и читал, не переставая молитвы. Так он читал молитвы, открывая глаза, жмурясь от яркого солнца, светившему ему прямо в глаза.

– Очнулся миленький. Люда сидела напротив Николая со стаканом теплого молока.

– Я уже в раю?

– Да, милый. С возвращением. Она помогла ему присесть. Подала хлеба и молоко. Он поел, сидел и улыбался.

– Ой папа, папа пришел, Инночка и Ниночка подбежали к нему.

– Папа. А где ты был так долго? Мы соскучились.

– Мы хотели к тебе, но тетя Люда сказала, что ты заболел, к тебе нельзя.

– Папа. Ты больше никуда не уйдешь?

– Нет.

– Ой папа, какая у тебя борода большая, как у деда Мороза. Николай обнимал дочерей.

– Теперь мы всегда будем вместе. Я вам обещаю.

– Ой папа, а почему ты плачешь?

– Просто я так по вам соскучился, мои дорогие, любимые девочки.

– Папа! А мы с тетей Марией ходили на озеро, купались, собирали ягоды. Много, много собрали, а тетя Люда варила

компот и варенье, пироги делала с ягод, такие вкусные.

– Да, пироги, хочешь мы тебе пирог принесем?

– Позже. Николай вытирал мокрую от слез бороду и улыбался.

Николай и девочки остались жить у Вероники. Он помогал по хозяйству, рубил дрова, ремонтировал постройки, косил сено. Для молодой стельной коровы построил коровник. Остались зимовать в новой постройке. Инночка и Ниночка помогали на кухне Люды и Марии.

Вот и наступила весна, за ней и теплое лето. Николай с девочками, Маша и Вероника пошли на озеро. Девочки купались, плескались, Маша присматривала за ними. Вероника собирала ягоды. Николай подошел к ней.

– Матушка. Почему не гоните нас со двора?

– Живите. Вероника посмотрела на Николая, прямо в его голубые, как небо, добрые, влажные глаза. А Николай смотрел в ее.

– Матушка Серафима! Если я приглянулся вам, то я останусь. А если не мил я, то мы прямо завтра же уедем? Не мучьте меня, я живой.

– Приглянулся. Вероника покраснела и пошла в сторону леса.

Николай взял ее за руку, поднес ее к своим губам. Он встал на колени, Вероника положила руку на его голову.

– Николай.

Он обеими руками обнял ее ноги в длинном платье и пла-

кал. Вероника присела на траву и поцеловала его во влажную щеку. Николай обнял ее обеими руками и стал нежно осыпать поцелуями. Жадно и страстно впился в ее разгоряченные губы, а она тихонько стонала и охала, наслаждаясь долгожданной любовью.

Конец.

Солнце мое

Солнышко в окошке.

Счастья так немножко.

Выйду в сад к дорожке.

Счастья будет множко.

.

Но на солнышко смотреть.

Этого не надо сметь.

Я уже не хмурюсь.

Я от солнца жмурюсь.

.

Счастье всюду льется.

Солнышко смеется.

Лучиками калит.

И со мной играет.

.

Солнышко меня целует.

Солнышко меня балует.

Я его жду ночью.

Знаю утром придет, точно.

.

Ты как в небе солнце.

Подойди к оконцу.

Никогда не уходи.

Даже если льют дожди.

.

Даже если всюду снег.

Мое солнце лучше всех.

Тебя я обожаю.

О тебе всегда мечтаю.

Вернись

Заклинаю тебя вернись.

Впереди у нас целая жизнь.

У нас ножками ходит сынок.

А тебе видно то, невдомек.

.

Не теряй свою жизнь, вернись.

Поднимайся вверх, а не вниз.

Я приму любую беду.

Только путь укажи я приду.

.

Забери мое счастье и жизнь.

Только снова ко мне вернись.

Ты не можешь так просто уйти.

Прощаться, ко мне не прийти.

.

Если в вечность захочешь уйти.

То ты должен ко мне прийти.

За тобой пойду в ад и рай.

За тобою пойду я на край.

.

Лучше милый нам вместе жить.

Ни о чем никогда не тужить.

Я тебе сотворю рай.

В белый яблонях теплый май.

.

Только ты повернись вспять.

И люби меня нежно опять.

Я тебя буду крепко хранить.

И сильнее, чем прежде любить.

Вспомни меня

Только ты обязательно вспомни меня.

На небе зажжется твоя звезда.

В тебе зажжется новая жизнь.

И ты захочешь, как прежде жить.

.

Ты должен бороться, ко мне прийти.

Я всюду, ты должен меня найти.

Я звезды пошлю указать тебе путь.

Ты вспомни меня, меня не забудь.

.

Я в небе, я в звездах, я в сердце твоём.

Ты вспомни меня, ты вспомни мой дом.

Тебе освещаю, твой трудный путь.

Ты вспомни меня, меня не забудь.

.

Пусть разум загадка, его победи.

Ты вспомни меня, ко мне ты приди.

Сынок шепчет папа, а что мне сказать.

Могу только плакать, кричать и звать.

.

Твой сын, как и ты смотрит на небо.

Приди не откуда, где бы ты не был.

Ведь нашему сыну не нужно знать.

Как трудно маме, тебя было ждать.

Как ты

.
Я стала такая, как ты.

Я люблю и тебя и цветы.

Я могу в пять часов лечь спать.

А через два часа снова встать.

.
И всю ночь стихи писать.

И всю ночь о тебе мечтать.

Могу тоже весь день спать.

О звездах, о луне мечтать.

.
А потом на диету сесть.

И полдня ничего не есть.

А потом целый день жрать.

И тебя целый день ждать.

.

И потом могу просто спать.

А могу вообще не спать.

Я могу потеряться, как ты.

И раскрыться как в дождь зонты.

.

Поверь, все я могу как ты.

Только веришь ли мне ты.

Только будешь ли ты меня звать.

Когда буду тебя я ждать.

Не забудь

Я знаю, что ты со мною всегда.

Когда гаснет на небе твоя звезда.

Когда гаснет на небе млечный путь.

Только ты меня никогда не забудь.

.

Когда исчезает на небе луна.

Только я с тобою остаюсь навсегда.

Я любовью своей освещаю путь.

Только ты меня никогда не забудь.

.

Не забудь, когда ты с другой.

Не забудь, когда ты нагой.

Не забудь, когда ты иссяк.

Ты заметишь мой алый стяг.

.

Я тебе освещаю твой трудный путь.

Будь собой ты, или не будь.

Будь ты в бездне или в раю.

Не забудь никогда любовь мою.

.

Я тебя всю жизнь буду ждать.

Я тебя буду всюду искать.

Я тебя всегда и везде спасу.

Будь у смерти ты хоть на краю.

Любовь, это сила

Мне без тебя опять не уснуть.

Я освещаю твой трудный путь.

Я вижу тебя, как ты борешься вновь.

Возьми в подмогу мою любовь.

.

Вдвоем будет легче бороться поверь.

Открой этой жизни тугую дверь.

Впусти в свою жизнь надежды глоток.

А тем, кто не ждал, пусть невдомек.

.

Как я в тебя верила, беду гнала прочь.

Как я о тебе молилась всю ночь.

И прежнюю ночь, и эту всю ночь.

И каждая будет похожа, точь, в точь.

.

Пусть будет в поддержку мне ночь и луна.

Пусть буду молиться я только одна.

Моей хватит силы, сильна я поверь.

Порву все оковы, разверзну я твердь.

.

Тебя я спасу, любовь, это сила.

Любовь, это бомба, любовь, это мина.

Наполнена ее как дробью картечь.

Скажи ты мне только куда мне лететь.

.

Укажи мне на карте, где ты в беде.

Я тут же примчусь на помощь тебе.

Любовь, это жизни великая сила.

Я рядом всегда, я спасу тебя милый.

Еще не время

Я так чувствую тебя.

Я тебя чувствую любя.

Твоя звезда, так без тебя скучает.

Твоя звезда от горя тает.

.

Она погаснет без тебя опять.

Пусть реки все польются вспять.

Твоя звезда, надеется и верит.

Что ты откроешь в мир ей двери.

.

Не предавай свою мечту.

Не разрывай свою судьбу.

Ты должен к ней вернуть свой взгляд.

Пусть по своим шагам, но вспять.

.

Вернись, продолжи свое дело.

У смерти вырви свое тело.

Борись молю, ты сильный, сможешь.

Клинок свой обнажи из ножен.

.

Убей злодейку, смело в бой.

Знай я везде, всегда с тобой.

Я ей тебя ни за что не отдам.

А ей я жару еще поддам.

.

Отойди, твое время вдали.

Улети, как летят вдали журавли.

Приходи, через лет полста.

От него убери перста.

.

Убери от него свое жало.

Твое время еще не настало.

Мое время с ним жизнь прожить.

И любить и счастливыми быть.

Вспомни свою жизнь

Я знаю тебе плохо милый.

Но заклинаю своей силой.

Вернись ко мне моя любовь.

Вернись к себе, будь самим вновь.

.

Не уходи от жизни далеко.

Без жизни жить, так не легко.

Вернись в свой разум, в свою жизнь.

Она тебя поднимет ввысь.

.

Ты смысл жизни не поймешь.

Если так рано ты уйдешь.

Ты не поймешь, любить как сможешь.

Когда один к один приложишь.

.
Ты не поймешь, как человек летает.

Когда он о любви своей мечтает.

Ты не познаешь мудрости судьбы.

Герой, в которой, только ты.

.
Ты не познаешь сладких слез.

Томленье, грусть, волшебных грез.

Ты не поймешь, как жизнь прекрасна.

Когда льет дождь, когда ненастье.

.
А в твоём сердце песня льется.

Душа поет, душа смеется.

Лишь в целом мире ты счастливый.

Когда вокруг весь мир унылый.

.

Пусть говорят, что сложно жить на свете.

Но ты за жизнь свою в ответе.

Если тебе позволили в ней жить.

Так не пытайся жизнь забыть.

Потом ничего не исправить

Я прилягу к твоему изголовью.

Твою боль заберу себе.

Твоя жизнь пусть вернется новой.

Я всегда в твоих мыслях, в тебе.

.

Ты немного забыл свой путь.

Так бывает, когда беда.

Я немного по плачу, пусть.

Только ты приходи навсегда.

.

Я немного тоскую, пусть.

Душа моя рвется к тебе.

Я любовью проложу путь.

Чтоб вернулся ты сам к себе.

.

Загляни в себя и поверь.

Что все в жизни исправить можно.

Пусть тугая пока жизни дверь.

Но откроется все же, возможно.

.

А пока, в это сложно поверить.

Но надежда всегда права.

Это просто нужно проверить.

А иначе одни лишь слова.

.

Пока ты продолжаешь дышать.

Можно все куда хочешь направить.

Можно тихо идти иль бежать.

Но потом ничего на исправишь.

.

Все цветы и ладоши пусть.

Победителю все к ногам.

Я немного поплачу пусть.

Но тебя никому не отдам.

Возвращайся

Возвращайся, я по тебе скучаю.

Возвращайся, я тебе все прощаю.

Возвращайся, и меня тоже прости.

Возвращайся, кто бы не встретился на пути.

.
Как солнце после ночи приходит.

Своим лучиком землю находит.

Возвращайся по своим следам.

Я тебя никому не отдам.

.
Не делай больно, куда уж больней.

Любить тебя буду еще сильней.

Без тебя устала так жить вполне.

Возвращайся скорее, милый ко мне.

День и ночь я кричу и зову тебя.

Не живу, существую и плачу любя.

Ты как солнце согреешь, беду отведешь.

Ты дорогу ко мне верю найдешь.

Я не верю, что ты ушел навсегда.

Ведь разлука на время, это так ерунда.

Солнце всходит, заходит, но приходит всегда.

С тобой это счастье, без тебя никогда.

Ты придешь

Я уже и плачу и не плачу.

За окном опять дожди.

Я решаю трудную задачу.

Уходя сказал ты, жди.

•

Я и жду, а что еще осталось.

Только карточка и память о тебе.

Кажется, 100 лет как мы расстались.

По календарю, недели две.

Я дождусь тебя, я точно знаю.

Ты придешь, наверно по весне.

И себя напрасно я терзаю.

Все равно вернешься ты ко мне.

Ты пройдешь сквозь горе и печали.

Ты найдешь ко мне обратный путь.

Ведь не зря с тобою мы мечтали.

Будем вместе мы когда-нибудь

Ты придешь и поцелуешь сына.

И обнимешь крепко его мать.

Это будет радости вершина.

И не буду больше я страдать.

Тебя нет

Белое небо, земля бела.

Приходит к нам иногда зима.

Белая, белая, всюду снег.

Кажется, ей уже целый век.

.

Кажется, ей не будет конца.

Грусть никогда не уйдет с лица.

В сердце мороз, на ресницах снег.

Я просыпаюсь, тебя снова нет.

•

Я просыпаюсь, слезу вытираю.

Что-то я по тебе страдаю.

Что-то я опять плачу во сне.

Когда ты вернешься любимый ко мне.

За снегом опять придут дожди.

Только ты ко мне навсегда приходи.

Вот уж плачет на улице снова дождь.

Боже! Когда ты ко мне придешь.

За дождями опять приходит снег.

А тебя со мной снова нет и нет.

Я просто уже схожу с ума.

Пойду тебя я искать сама.

Вспомнить или забыть

Я уйду и приду.

Но куда и откуда.

Я чего-то найду.

А чего-то забуду.

Может стану мудрей.

Может глупой умру.

С годами стареем.

Но стоим на ветру.

Мы упрямы и тверды.

Мы стоим на своем.

Мы плюем в чьи-то морды.

Нет мы в души плюем.

Суе́тимся лука́вим.

Чтобы́ быть добря́чком.

Мы ще́ку не подста́вим.

Поверне́мся бо́чком.

Я хочу что-то вспомнить.

Может что-то забыть.

Свою жизнь не запомнить.

Свою жизнь не забыть.

Верю не верю

Я не верю тебе, но я верю в тебя.

Что-то можно простить, если только любя.

Года не плывут, они хлещут в висок.

Ты становишь низким, если был ты высок.

Все становится зыбко, с годами поймешь.

Потеряешь все то, что ты силой возьмешь.

Бутерброды кусаем, на ходу и в пути.

Все равно мы уходим, как ты там не крути.

Мы приходим, уходим, снова придем.

И опять свое счастье, горе найдем.

Неотъемлема часть круговерти судьбы.

Создаешь и теряешь в ней только ты.

И не надо кусать локотки понапрасну.

Не скули улыбнись, просто солнышку красному.

Пока ты на земле, ну не делай ты зла.

Не хватай больше нормы, может лопнуть казна.

Мы все оставляем на земле четкий след.

Мы молчим и смеемся, несем всякий бред.

Мы сомненья и счастье в чьи-то души несем.

От любви и несчастья, мы сгораем огнем.

Я все верю не верю, на земле чему быть.

Помнить только б хорошее, а плохое забыть.

Каждый хочет удачи помнит верит в нее.

А что в руки не пало, значит то не твое.

Почему?

Почему только ночью мы слагаем стихи.

Почему только ночью вспоминаем грехи.

Почему только ночью мы боимся уйти.

Почему только ночью мы теряем пути.

Почему только утру улыбаемся вновь.

Почему только утром закипает в нас кровь.

Почему только утром мы мечтаем о дне.

Почему только утром мы всегда на коне.

Почему только днем открываем объятия.

Почему только днем приходит к нам счастье.

Почему только днем строим планы на вечер.

Почему только днем задуваем мы свечи.

Почему только вечер приходит к нам в дом.

Мы свои все дела тормозим на потом.

Мы не в силах понять, что творили мы днем.

Почему только вечером все сжигаем огнем.

Не спится

Помимо воли моей происходит.

То горе, то счастье приходит.

Предметы меняются, лица.

А мне все ночами не спится.

•

Я опять молю о терпенье.

А что остается, поверь мне.

Судьба словно в прятки играет.

То забудет, а то созерцает.

Вся жизнь словно в сказочном сне.

То луна воссияет в окне.

То солнце лучами струиться.

А мне по ночам все не спится.

•

Я день начинаю со скуки.

С головой, воспаленной от муки.

Обещаю опять буду спать.

Снова ночь не дает мне устать.

Я жизнь проживаю, как сон.

Верю, надеюсь, придет ко мне он.

Но вот уже скоро приходит рассвет.

А сна-то как не было нет.

•

Уж сердце устало не спать.

Но жестко ложиться в кровать.

Голова уж устала от боли.

Не спать-то я буду доколе.

Завидую тем, кто беспечен.

Кто спокоен душою, он вечен.

А я слышу то шорох, то звуки.

Кем же посланы мне эти муки.

Я злюсь по ночам на себя.

Я злюсь по ночам на тебя.

Не живу я, а переживаю.

Я от этого очень страдаю.

Буду счастлива

Если можешь писать – пиши.

Если можешь молчать- молчи.

Если хочешь плакать то плачь.

Значит, ты еще не палач.

.

Говорят, мне зачем страдаешь.

Давление свое поднимаешь.

Но ведь сердце мое не камень.

Да еще есть хорошая память.

Вот и помню я все печали.

Что со мной, что с другими случались.

Всплывают они как муть.

Говорят, ничего не забудь.

Так хочется все забыть.

Счастливо спокойно жить.

Снова память меня уносит.

Неприятные мысли приносит.

Неприятности все соберу в мешок.

Положу ух в большой горшок.

Закопаю горшок по утру.

Неприятности все пусть умрут.

Я наполню свой день добром.

Пусть расстелится радость ковром.

Горе все пусть летит, в там тарарам.

Буду счастлива я, на зло, всем врагам.

Устала

Ты придешь, как скорый поезд на перрон.

Мы опять с тобой останемся вдвоем.

Ты прижмешь меня к своей груди.

Скажешь, все у нас прекрасно впереди.

•

Скажешь, я тебе уже не верю.

И закроешь за собою тихо двери.

По тебе я слез ронять не буду.

Я тебя тихонько позабуду.

Ты пойдешь оттачивать уменье.

Веселиться будешь до забвенья.

А меня забудешь, как и нет.

Ты предашь мне данный свой обет.

Вспомнишь снова и придешь как скорый.

Позабудешь ты все наши ссоры.

Скажешь, плохо без тебя мне стало.

Боже, как я от тебя устала.

Неудача

Я пью и плачу от неудачи.

Я слезы лью, а как иначе.

Беда пришла молось я плача.

Ах неудача. Ах неудача.

•

А что мне делать, как иначе.

Пади ты прочь. Ты неудача.

От неудачи даю всем сдачи.

Решаю, как могу задачи.

Я не какая вам не кляча.

Еще все слышу, еще я зряча.

Я вижу звезды, сквозь слезы плача.

Я солнце вижу. Приди удача.

•

Иду по жизни слезы пряча.

Я обделенная удачей.

Жизнь смехотворная. Жизнь бодяга.

Кому-то царская, кому бродяга.

Но бумеранг, он точно метит.

И каждый в жизни за все ответит.

А тот-кто думает, что с рук сойдет.

Вас бумеранг, пусть позже, но найдет.

Ваш бумеранг придет в свой срок.

Он вас всегда в пути найдет.

Чем больше ты себя одаришь.

Больнее он тебя ударит.

Не кричи

Если можешь помолчи.

Если можешь не кричи.

Береги ты свои нервы.

Помолчи немного стерва.

•

Сколько крика, сколько шума.

Думаешь ты станешь умной.

Если будешь так кричать.

Хочется засунуть кляп.

Что ты так орешь, так гонишь.

От тебя так много вони.

Сядь подумай по молчи.

Что орешь ты, не кричи.

От тебя все нервы вкось.

От тебя все люди врозь.

Думаешь орать так круто.

Ты наводишь только смуту.

Нервы сносишь всем подряд.

Да заткнись ты, сволочь, гад.

Хочется тебя прибить, как вошку.

Думаешь ты слон, ты моська.

Так бывает

Если кому-то интересно.

Врозь нам скучно, вместе тесно.

Мы живем, как две скалы.

Не высоки, не малы.

Мы живем друг друга видим.

И тихонько ненавидим.

Недовольны он и я.

Это вся наша семья.

Ну и что, теперь как быть.

Нам друг друга не забыть.

Ну и что, куда деваться.

Будем дальше издеваться.

Друг у друга мы в кольце.

Но с улыбкой на лице.

Мы друг другу не перечим.

Ждем друг с другом, скорой встречи.

По иронию судьбы.

Там, где я, там тоже ты.

Там, где ты, там тоже я.

Мы неразлучные друзья.

•

Но в душе желает каждый.

Чтоб ушел другой однажды.

Но боится жить один.

Наш союз непобедим.

Одиночество

Что творю я вот дела.

Я всю ночь коньяк пила.

Я не плачу не страдаю.

Коньяк пивом запиваю.

•

Я всю совесть потеряла.

Когда в рюмку наливала.

Не распутная я, просто.

Жить на свете так не просто.

Одиночество в пути.

Счастье есть, но как найти.

Ты не бойся, не сопьюсь.

Просто я всего боюсь.

Боюсь ночи, темноты.

Осуждения, наготы.

Боюсь жизни, боюсь смерти.

Трудно жить одной поверьте.

Выпью, вроде веселее.

Стану я чуть-чуть смелее.

Я на стол поставлю свечку.

Чуть поплачу, станет легче.

Я забудусь на немножко.

Веселей в пути дорожка.

Скоротаю время я.

Жизнь такая, но моя.

•

Я такой судьбы достойна.

Все что есть, я всем довольна.

Не хочу судьбу обидеть.

Хорошо мне, пусть увидит.

Всегда

Смелый всегда молчит.

Трусливый всегда кричит.

Кричит, чтоб его боялись.

Подальше все разбегались.

Смотрите, я злой, я страшный.

Бегите, не злите напрасно.

Орет, сам того не поймет.

Что его холостой пулемет.

Рикошетом в него же ударит.

Что ты выпустишь, тем и одарит.

Вся злоба тебе остается.

Судьба над тобой посмеется.

Ты прячешься в темной квартире.

Боишься мишенью быть в тире.

Не лучше ли всем улыбаться.

Чем громко кричать и бояться.

Загадка

Мы друг друга предавали.

Чести совести не знали.

Как же нам с тобою жить.

Вместе мы, но жизнь не жизнь.

Мы холодные, как льдины.

Как же нам прожить години.

Врозь не можем жить с тобой.

Мы живем, гора с горой.

•

Как же так любовь случилась.

А разлука не сложилась.

Надо же, бывает так.

Жизнь не жизнь, но не пустяк.

Надо же судьба с судьбой.

Я чужая, ты чужой.

Жить мы врозь с тобой не можем.

Так свои ошибки множим.

Мы терзаем улыбаясь.

Жизнь вдвоем прожить стараясь.

С виду все у нас нормально.

Между нами словно тайна.

Может потому мы вместе.

Что загадка здесь уместна.

Разгадать ее пытаемся.

Так живем с тобой и маемся.

Каждому свой срок

Мы барахтаемся в этих нечистотах.

Мы осуждаем кто-то кого-то.

Не лучше ль взгляд окинуть на себя.

Чем брызгать ядом, ближнего губя.

Все очумели, озверели.

Заборы выросли, закрыты двери.

Собаки злые под любым забором.

Ворота заперты, крутым затвором.

Камеры следят за движеньем прохожих.

Что вы боитесь, закрылись от кого вы.

Все люди закрылись, все люди боятся.

Молитвами скрыты, закрыты заклятьями.

Двери в металле, на окнах решетки.

Бояться впустить, бояться наводки.

Сидят там тихонько, трясутся бояться.

Хранят свои жизни, здоровье, богатство.

А раньше как жили бабки и деды.

Они жили только Великой Победой.

Открыты все окна, все двери, сердца.

Встречали прохожих, улыбаясь с крыльца.

Заборы по пояс из тоненьких палок.

Их быт был так прост, быть может и жалок.

Зато они долго без нервов прожили.

В жизни своей ни о чем не тужили.

Прожили с улыбкой, в труде без печали.

Не знали не зависти, злобы не знали.

Застолье на всех, все пели плясали.

И так же как все, в свой срок умирали.

Ты любишь

Почеши мне спинку, почеши.

От меня уйти не сможешь, не спеши.

Отдохни тихонько на моей груди.

У нас вся еще ночь впереди.

Обними, поцелуй мои локоны.

Полежи со мной рядом, около.

Положи свои руки на плечи.

И зажги в ожидании свечи.

Поиграй с моей нежной кожей.

Полюби меня так, как ты можешь.

Скажи, как ты любишь в ответ.

Мы с тобою встретим рассвет.

•

Мы с тобою встретим закат.

Ты видишь, как я тебе рад.

Я искала тебя целый век.

Мой родной, дорогой человек.

•

Ты теперь никогда не уйдешь.

В моем сердце любовь ты найдешь.

Мы летим над планетой земля.

Ты любишь, люблю тебя я.

•

-

-

—